

ДЕМЬЯН
БЕДНЫЙ

Демьян Бедный

5

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ПЯТИ ТОМАХ

*Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1954*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЯТЫЙ

*СТИХОТВОРЕНИЯ,
БАСНИ, ПОВЕСТИ*

1941—1945

СТАТЬИ, ПИСЬМА

1912—1945

*Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1954*

*Составление, подготовка текста
и примечания*
И. С. ЭВЕНТОВА

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ
Портрет работы художника
А. Яр-Кравченко

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
БАСНИ, ПОВЕСТИ**

1 9 4 1

Героическим бойцам, защищающим наш великий Советский Союз, украинскому народу и всей моей украинской родне посвящаю эту повесть.

СТЕПАН ЗАВГОРОДНИЙ

Подлинные факты, приведенные в первой и второй частях этой повести, взяты из книги приват-доцента Александра Вилкова «С немцами по России», Варшава, 1912 г. Описание продолжавшейся с 25 мая по 10 июня 1912 г. экскурсии по России большой группы немцев.

Я, конечно, не стану отрицать, что многие из немцев желали бы отодвинуть Русь за Волгу и Урал, я не однажды слышал это из уст очень интеллигентных немецких людей — писателей, журналистов.

М. Горький (см. «Красный архив», т. 45).

Почва средней и южной России, в особенности знаменитая черноземная полоса (insonderheit das berühmte Schwarzerdegebiet), значительно плодороднее, чем почва германской империи.

(Рудольф Мартин, «Будущность России».)

На чужой каравай рта не разевай: по зубам получишь.

(Русская народная пословица.)

Часть первая

ЖРАТЬ! ЖРАТЬ! ЖРАТЬ!

Все это было в точности
И все запротоколлено,
О чем в начале повести
Рассказ я поведу.
И время тоже точное,
Былое, досоветское:

Все в девятьсот двенадцатом
Случилось году.
Жандармами усатыми
С глазами тупо-рачьими
Просмотрены, проверены,
Из поезда из прусского
На пограничной станции
Сошедши на перрон,
В буфет для чистой публики
Толпою стоголовою,
Как шумный эскадрон,
Ввалились немцы тощие,
Подтянутые, чванные,
Все сто, как на подбор —
С военной прусской выправкой,
Лишь касок не хватало им,
Недоставало шпор.
На стойку на буфетную
Они — все сто — накинулись,
Вплотную к ней придвинулись,
Всю выставку съедобную,
И пышную и сдобную,
В пучину стоутробную
Заглатывая сплошь,—
Жевали, сочно чавкали,
Давились бутербродами
Со всякой вкусной всячинкой,
Особенно со свежую,
Лежавшей влажной горкою,
Зернистою икоркою.
«Еще з икра, пажалюйста!..
Мит кавьяр, битте нох!»
Икре они, разнежившись,
Чуть не кричали «гох!»
Разморенные русскою
Обильною закускою
И — особливо ходкою —
Казенной русской водкою,
Назад пошли — шаталися,
В вагонах отдувалися:
«Закузка зер карош!»

В Варшаве немцы шустрые,
Пока вагоны прусские
Менялись на русские,
Подзакусили тож, —
Подзакусив, немедленно
По городу рассыпались,
Рассыпались, понюхали,
К герр-консулу немецкому
На пять минут наведались.
Герр-консул знал заранее
Прямое их задание,
Их подлинную роль.
Он им сказал напутственно:
«Наш долг...» «Исполним в точности!»
«Ди унзре пфлихт...» «Яволь!»

От царского правительства
К туристам любознательным
Приставлен был «беглейтером»,
То-бишь, сопровождающим,
Прямую связью связанный
С жандармским отделением,
Мужчина представительный,
Пред немцами почтительный,
Знаток трех языков,
Махрово-монархический —
Приват-доцент Вилков.
Был дан Вилкову списочек,
В котором точно значилось,
Что гости — немцы видные,
Почтенные, солидные,
Чины-администраторы,
Средь них есть губернаторы,
Регирунгсраты важные,
Ландраты, полицмейстеры,
Судебные чины,
Директора, советники
Различных департаментов,
А также и ученые
Большой величины,

Наук экономических,
Наук агрономических
Большие знатоки.
Цель этой всей экскурсии —
Прогулка двухнедельная,
Однакож не бездельная,
А с мыслью основной,
С желанием естественным
Поближе ознакомиться
С соседнею, великою
Славянскою страной.

Нюх потеряв критический,
Вилков, сопровождающий,
Держась традиционного,
Штампованно-казенного,
Одобренного мнения
Насчет высокой честности
Почтеннейших гостей,
Не видел, а и видевши,
Тож не придал значения,
С чего бы это штатские
Особы, не военные,
А, проезжая Брест,
На крепость брест-литовскую,
На лагеря солдатские
Все гости до единого
Глаза усердно пялили,
Привскакивая с мест,
Иные же пустились
Биноклями обшаривать
Дороги и тропиночки,
Пригорки и ложбиночки,
Лежавшие окрест.
При этом всем, однакоже,
Буфет вокзальный немцами
Был осажден и тут.
Вагоны вновь загрохали,
Пред сном все немцы охали:
«Закузка рузкий... гут!»

В дороге за ночь выпавшись,
Наутро очутились
Туристы наши в Киеве.
Таков их был маршрут.
Устроились в гостинице,
Где местные встречатели,
Казенные ввали,
Гостей кормили завтраком
На денежки народные:
Ешь, брюхо завали!
Отсюда на извозчиках,
В пролетках перекошенных,
Облупленных, ободранных,
С железным звоном, грохотом,
По рытвинам, колдобинам,
По выбитым камням
Туристы-немцы, крякая,
От непривычки охая,
— Раз гость, терпи, не злись! —
До лавры до прославленной,
До крепости монашеской,
За часик добрались.
Их встретил всех приветливо,
Рукою белой, пухлою
Наперсный глядя крест,
Монах слащаво-благостный,
Сановный сибарит,
Печерско-лаврский, стало быть,
Отец-архимандрит.
С ним гости любопытные
Все темные и душные
Пещеры обошли.
На свежий воздух выбравшись,
О чем-то с переглядкою
Хихикая украдкою,
Жужжали, как шмели.
Пред ними — Днепр серебряный,
За ним — просторы синие,
Леса, поля бескрайные
Раскинулись вдали.

Отсюда с подобающим
К туристам уважением,
С умильным выражением
На лице сладком, тающем
Отец-архимандрит
Повел гостей в гостиницу —
Не в грязную, народную,
А в чистую, «дворянскую»,
Где был для них уж празднично
Огромный стол накрыт.
За выдержанно-постную,
За икряную, рыбную,
Грибную и фруктовую
Монашескую снедь,
За сахарно-цукатные
За сладости плодовые,
За нежно-ароматные
За соты за медовые,
За квас хмельной, разымчивый,
За крепкие наливочки,
Вишневочки, сливяночки,
За вкусные селяночки
Казенно-проводителю
Вилкову тароватому
Уж не пришлось краснеть.
У разварной стерлядочки,
У балыка, севрюжины,
Икры — не меньше дюжины
Отборнейших сортов! —
Все немцы осовевшие,
Как будто год не евские,
Пыхтели час, не менее.
Особое умение!
Сказать по справедливости,
Старались без стыдливости:
Ешь, пей, коли дают,—
Из-за стола стыдливые
Голодными встают.
Пилося немцам, елося
На славу, да имелось
К тому еще в виду,

Что к вечеру от города
В их честь банкет готовится
С оркестром симфоническим
И ужином отменнейшим
В великолепном киевском
«Купеческом» саду.

Со всякой точки зрения
Он стоил одобрения,
Невиданно-диковинный —
Другого слова нет! —
Банкет, организованный
Красноречиво-лаковым
«Градским главою» Дьяковым.
Да, это был банкет!
Но мне его в подробностях
Описывать охоты нет:
У самого, мне боязно,
Вдруг слюнки потекут.
Недаром поздно, за полночь,
Когда в утробах вспученных
У них, едой измученных,
Плескалося, варилося,
Черт знает что творилося,
Гостями сонно-вялыми
Уже под одеялами
Не то что говорилося,
А бесперечь икалося,
Утробно выкликалося:
«Зак...кузка...рузкий...гут!»

Весь день второй естественным
Был продолженьем первого:
Приятные слова,
Серьезное, курьезное,
Диковинно-забавное,
И то и се, а главное —
Жратва, жратва, жратва!
Зашли в собор Софиевский,
Зашли в собор Владимирский,
А в самую жару

На флагами расцвеченном
Колесном пароходике
Опять с банкетом, с музыкой,
С застольным красноречием
Катались по Днепру.
Наевшись, напившись,
Банкетных слов наслушавшись,
Туристы стали спрашивать
Вилкова с нетерпением:
«Не опоздаем к поезду?»
Вилков ответил вежливо:
«Да, на вокзал пора,
Переночуем в поезде.
И завтра же с утра
Согласно расписанию
И вашему желанию
Крестьянские показаны
Вам будут хутора».

Часть вторая

ШВАРЦ'ЭРДЕ!.. ЧЕРНОЗЕМ!..

Мы ехали по чернозему. Все немцы почему-то с завистью смотрели на наш чернозем.

(А. Вилков, «С немцами по России».)

Welchen reichen Ertrag würde der fruchtbare Boden der Schwarzerde liefern, wenn er statt von Russen von Deutschen besiedelt wäre!

(Die Zukunft Russlands von Rudolf Martin. Leipzig, 1906.)

(Какой богатый доход могла бы дать плодородная почва черноземной полосы, если бы она была населена не русскими, а немцами!)

(Рудольф Мартин, «Будущность России». Лейпциг, 1906.)

Туристы спали в поезде,
А утром очутились
Уж в Харьковской губернии,
Где у Ковяг, у станцийки,
Их ожидало зрелище
Особо любопытное,

Российски-самобытное,
Казенной красоты:
Почтовых троек линия
Пред ними растянулася
Почти на полверсты.
Кобылки, отбиваясь
От мухи надоедливой,
Потряхивали гривами,
Пускали в ход репейником
Забитые хвосты,—
И, дыбась и брыкаясь,
Наполнив воздух ржанием,
Ярились жеребцы.
С обычным прилежанием,
С густым упоминанием
Родителей, святителей,
Все так же, как бранились
Их деды и отцы,
Бранились бородатые,
Нечесано-лохматые
Почтовые извозчики:
«Эй, осади!», «Подвинь!»
Под расписными дугами
Смеялись хохотунчики,
Гремушки-грохотунчики,
Задорные бубенчики,
Веселые, болтливые
Звенели колокольчики:
Динь-динь, динь-динь, динь-динь!
Туристы разместились,
Уселись, поехали
Дорогою извилистой
Средь моря безграничного
Ржаного и пшеничного
С густым, высоким колосом
По самую по грудь.
Дорога безобразная,
Размоченная, грязная,
И вязкая, и тряская,
На взгляд немецкий — жуть.
Пред головную тройкою

Мотаясь суматошливо,
И криком и нагайками
Гоня с дороги встречные
Телеги с таратайками,
Ей верховые стражники,
Охальники и бражники,
Указывали путь.

Под конскими копытами
Грязь черная и липкая
Разбрасывалась в стороны,
Летела в немцев комьями.
То ль ехать, то ль слезать?
Чай, грязь — не мед, не патока:
Забрызжет — не слизать.
Грязищей весь забрызганный,
Турист, профессор Шустерман,
Сказал не без чудачества,
Что чернозем — чтоб полностью
Узнать его все качества —
Не только видеть, надобно
Еще и осязать.
Впрямь было показательно,
Насколько осязательно
Воспринимался немцами —
Под видом бескорыстного
Анализа научного —
Вид чернозема тучного.
«Шварц'эрде!» — немцы все
Шептали зачарованно,
Наслышавшись издавна,
С ребяческого возраста,
Об этой, нынче узренной,
О черноземной, сказочной
Пшеничной полосе.
«Шварц'эрде!» — все вполголоса
Стонали сокрушительно,
И ни о чем решительно
У них уж речи не было.
Забыли обо всем,

С волнением нескрываемым
Они с повозок прыгали,
Шварц'эрде брали на руку,
И растирали пальцами,
И сладострастно нюхали:
Так вот он — знаменитейший
«Берюмте шернасём»!
Просторы неоглядные
Зелено-серебристые,
Струистые, волнистые,
С цветистыми узорами
Окидывая взорами,
Они по временам
То крикали, то охали:
«Иметь шварц'эрде плохо ли?!»
«Такое б счастье нам!»
«Мы что бы тут устроили!»
«Мы б урожай утروили!»
«Будь это наше...»

«Швейг!!»

С военной односложностью,
С привычной осторожностью
«Цыц!» — цыкнул назидательно
(Начальник, уповательно)
Регирунгсрат фон Цвейг.

Вела дорога в бывшее
Помещичье имение.
В последнее владение
(Последняя нора!)
Какого-то облезлого,
Век жившего дурачисто,
Прожившегося начисто
Дворянского бобра,
В именье разоренное,
Долгами оплетенное,
Бобром не от добра
Чрез банк земельный сбытое
Крестьянам и разбитое
Затем на хутора.

Лишь дом один помещичий
Да сад при нем огромнейший
Остались во владении
Бобра. И жил он здесь
Среди народа скрытного
Дворянским соглядатаем:
Что, мол, крестьяне думают,
Про что их речи тайные?
Крестьянскими поклонами
Свою он тешил спесь.

Вилковым вышесказанным,
Втирать очки обязанным,
Туристам объяснилось:
Крестьянам-де не снилось,
Что им за добронравие
По благодати начальственной,
По мудрости столыпинской
Такое счастье выпадет:
В руках у них окажется
Именье «Снежнов-Кут»,—
У каждого крестьянина
Вдруг будет хутор собственный!
«А хуторянин-собственник —
Прямой оплот законности,
В нем к смуте нету склонности;
Имеем факты точные:
Вот где устои прочные
Для отвращения смут!
Есть хутора отдельные,
Взять тот же «Снежнов-Кут»,
Не образцы заочные —
Что стоили досельные
Политики земельные! —
Вот реки где молочные
Сквозь берега кисельные
Спокойно потекут!»
Все немцы умилялися,
Устоям удивлялися
И говорили: «Гут!»

На хуторе на первом же
Роскошно-показательной
Заглавной иллюстрацией
К грядущим чудесам
Был — с преогромной свитой,
Своей администрацией —
Сам губернатор харьковский
(Звался он Катериничем).
Да, губернатор сам!
Напудренный, нафабранный,
При всех своих регалиях,
В мундире камер-юнкерском —
Ну, хоть в парадный зал! —
С приветливою важностью,
С сановной авантажностью,
С изысканной любезностью,
С широким жестом таким
Гостям «Добро пожаловать!
Вилькоммен!» — он сказал.
Гостям и губернатору
(«Эк сколько их, начальников!
Все набрались отколь?»)
Старик, хозяин хутора,
По-оперному ряженный,
Причесанный, приглаженный,
С оглядкою — ох, боязно! —
Всем поклонился поясно
И преподнес хлеб-соль.

По хуторам поехали.
«Глядите, не утеха ли? —
Так немцам говорилось. —
Что нами заварилось!
Крестьяне как живут,
Чего тут набабахали!»
Все немцы дружно ахали
И говорили: «Гут!»
Ландрат, герр Кох, не выдержал, —
На языке на ломаном
Хваля «пшенис унд рош»,

Крестьянина угрюмого,
Степана Завгороднего,
Спросил: «Ваш жисть на куторе
Довольно есть карош?»
Ответ был неожиданный,
Начальство покоробивший,
Вилковский брех угробивший:
«Не жизнь, а благодать!
Живем — не ходим по миру,
Но милостыню нищему
Тож не с чего подать».
Лицо у губернатора
В одну секунду сделалось
Багровое, как медь;
Он рядом с ним стоявшему
Дежурному охраннику
Сказал: «Сырцов, заметь!»
Вилков герр Коху с кислою
Собачьею оскалиной
Сказал про Завгороднего:
«Нет лучше хуторянина,
Мужик он преотменнейший,
При всем при этом блещущий
Народным остроумием:
Для красного словца,
Как говорит пословица,
Не пожалеет матери,
Не пощадит отца!»

С брезгливою опаскою
Входя в избушки жалкие,
На их убранство скудное,
На печи, образа
Все немцы с изумлением
Тарашили глаза.
Но, обходя избушечки
И голые дворы,
Все гости до единого
Сильней всего дивилися
Огромному обилию

Крестьянской детворы.
Поп — без попа обедни нет,
Был поп и тут в наличности,—
Он рек, что многочадие—
Благословенье божие.
Крестьянская толпа
Ответила по-своему,
По-своему дополнила
Речение попа:
«Насчет житья отпетого
Не скажем ничево.
А дети... В части этого
Уж это мы тово!»
Семья была не малая
У мужика у хмурого,
Степана Завгороднего:
Сбиваясь на ночлег,
В одной избе теснилось
Десяточек ребяточек,
Да бабка, доживавшая
Свой горький вдовый век,
Да сам с женой — ровнехонько
Тринадцать человек.
Тут стало члену рейхстага,
Барону Киршенштейнеру,
Свое недоумение
Невозмогу скрывать:
«Да где ж они,— воскликнул он,—
Все спать располагаются?
В избе — одна кровать!»
«Где спать вы размещаетесь,
Наш гость интересуется?» —
Вилков спросил у бабушки.
«Нашел он что, твой немец-то,
Про нас разузнавать!
Где спим! — сказала бабушка
Задорливо, укорливо,
Вопросу неразумному
Дивяся не путем. —
Мы на печи, на лавочке
Да на полу разместимся,

Есть нечего, скажи ему;
Хоть раз наесться б досыта!
А где нам спать, наевшись,
Уж место мы найдем».

«Сплошное остроумие!» —
Сказали немцы вежливо,
Но рожу губернатору
Свело такую корчею,
Как будто наступил ему
Кто-либо на мозоль.
«Я думаю, достаточно
Все гости находились,
Осмотром насладились.
К тому ж и мне пора уже
Свою исполнить роль».
Сказал он так: «Покорнейше
Прошу вас, гости милые,
Принять без осуждения
И от меня хлеб-соль!»
«Хлеб-соль» гостям он, подлинно,
Поднес по-губернаторски:
В большом доме помещицьем
Бобра вышереченного
На денежки казенные
Все было приготовлено
На диво — то есть всяческой
Превыше похвалы:
Под снedyю первосортною,
Из Харькова доставленной,
Под дорогими винами,
Цветочными корзинами
Ломилися столы.
Всем блюдам подаваемым,
Всем винам разливаемым,
Деликатесам, пряностям,
Пред каждою персоною
Положен был особенный,
Весь золотыми буквами,
Славянской вязью древнею

Узорно напечатанный
Напутственный реестр.
Гремел оркестр — из Валкова,
Из города ближайшего,
Пожарный, не ахтительный,
Не очень восхитительный,
А все-таки оркестр.
Застольным красноречием
Блеснули два оратора:
За словом губернатора
Взял слово немец, Кох.
Держа бокалы узкие,
«Ур-р-ра!» — кричали русские;
Кричали немцы: «Гох!!»
Все быстро нализились,
В хмелю разлобызались.
«Фотографа позвать!»
Снялись гуртом и группами
И снова — полутруппами —
Засели пировать.
Уж время к ночи близилось,
Давно уж солнце снизилось,
Уж ярко разливалась
Вечерняя заря,
А пир еще не кончился,
Всё тосты продолжались
И выкрики отдельные —
Не все членораздельные,
По правде говоря.
«Внимание! Внимание!
За дружбу, процветание,
За кейзера немецкого,
За русского царя!»
Орали, обнимались,
Опять гуртом снимались.
Был пир — не описать!
Рекорд жратвы поставили.
Потом крестьян заставили
Пред немцами плясать.

Я не с пустой котомкою,
Возок мой не с полонкою,
А все ж я повесть комкаю,
К концу ее клоня.
От продолженья повести,
Скажу по чистой совести,
Я ухожу: мотня.
Картинно-карусельная,
Чем повесть станет цельная?
Поездка — двухнедельная,
Я ж описал... три дня.
Берет меня смущение.
Что стоит посещение
Хотя б одной Москвы!
Торгово-богомольная
Москва первопрестольная,
Осмотр ее, все случаи
Банкетов и жратвы
Возьмут, сочтем за лучшее,
Огромных три главы.
Материал значительный,
Местами — помрачительный,
Но длиннотою грозит.
Итак, я заключительный
Теперь беру визит:
Все немцы — гости в Питере!
По самой лучшей литературе
Устроен им прием.
Но мы осмотров питерских
С дворцов и до кондитерских
Опять же не даем.
Всем немцам отъезжающим,
Свершившим свой обет,
Событьем завершающим
Прощальный был обед.
Вот что на основании
Веденных дневников
Об этом расставании
С гостями из Германии
Писал доцент Вилков:

Прощальный обед прошел живо, весело, в приподнятом настроении. На обед были приглашены германский посол при русском дворе, товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием А. А. Риттих, главный ревизор землеустроительного комитета А. А. Кофод и некоторые другие чины землеустройства. Были представлены и немецкой колонии. Была прочтена телеграмма от председателя совета министров В. И. Коковцева.

Очень остроумную речь в конце обеда произнес ландрат фон Реймонт. Он задался целью представить нашу экскурсию в цифрах и пришел к следующим выводам: общий вес экскурсантов составлял при въезде в Россию 7238 килограммов и 222 грамма, при выезде же из России он равнялся 8287 килограммам и 391 грамму, так что прирост на каждого экскурсанта составляет почти 10,5 килограмма. Потребление икры составляло в среднем на экскурсанта 7,52 килограмма, у некоторых же оно достигало 15,29 килограмма. Как последнюю цифру оратор приводит процент экскурсантов, высказавших пожелание снова посетить Россию, причем по возможности с женами или другими родственниками. Таких экскурсантов оказывается 100%. Цифра эта вызывает шумные аплодисменты.

(Стр. 111—113 книги «С немцами по России».)

Дадим подсчет упрощенно:
Двенадцать дней пути,
А жиру-то нарощено
По пуду почти!
Уж с первых дней экскурсии
У немцев,— с восхищением
Твердивших и с отрыжкой,
А после и с одышкой:
«Закузка рузкий гут!»,—
Костюмы стали узиться,
Терять фасон, кургузиться,
Вдруг затрещат подмышкою,
То где-то ниже талии,
А то еще подальше,
Иль сразу там и тут.
Уже в Москве экскурсии
По номерам гостиничным,
Взяв двери на засов,
Пришлось заняться сразу же
Занятием первой срочности —
Проверкой швов, их прочности,
Перестановкой пуговиц,
Расшивкой поясов.
Как немцы ни старались

Держать свой внешний лак,
А в Петербург добрались—
Не знали сами как.
Все стали толстопузые.
Костюмы их кургузые
С чужих казались плеч.
Пришлось, купив готовые,
Себя в костюмы новые,
Просторные, облечь.
И то сказать упрощенно:
Двенадцать дней пути,
А жиру-то нарощено
По пуду почти.
Туристы разжиревшие
С Россией расставались —
Ну, просто убивались,
Хвалили всё, что видели,
Словами разливались:
«Картина в общей сложности...»
«Какие здесь возможности!»
«Ах, этот чернозем!
Вот ключ к добрососедскому
Взаимопониманию!
Его с собой в Германию
На память мы везем!»
«Все, все без исключения,
Поверьте нашим искренним,
Восторженным словам!
В знак дружбы на прощание
Даем мы обещание
Вернуться вскоре к вам,
С детьми вернуться, с женами,
С друзьями и знакомыми.»
«Приедем с агрономами
На срок...»
«На срок любой!»
Чуть не сказали: «С кейзером
Вернемся, с нашей армией!»
Но это, разумеется,
В мозгах у них имелось
Уже само собой.

Часть третья

НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ УКРАИНЫ 1918 ГОДА

Прошло шесть лет ровнехонько.
К исходу шла всемирная
Жестокая война.
От немцев отбивалася
Уж не Россия царская,
А новая, великая
Советская страна.
Немецкие захватчики
На Украину хлынули,
Пасть хищную разинули —
И над страной, лежавшею
С ножом, ей в грудь водвинутым,
Военной оккупации
Разбойничьим ножом,
Они, как звери хищные,
Клыки свои оскаливши,
Над всею Украиною,
Войною разоренною,
Оравой разъяренною
Свирепо измывалися
И дико упивалися
Повальным грабежом.
Вот тут-то и случилось,
Такое приключилося —
В деревне «Снежнов-Кут»
Раздался крик: «Спасайтесь!
Отряд немецкий!»

«Ироды!»

«Коль хлеба им не выдадим,
Всех мужиков, объявлено,
У нас пересекут!»
В деревню немцы ринулись,
На мужиков накинудись:
«Кде клеп?»

«Дафайте клеп!»

«Эй, ти! Пазлюшай, дедушка,
Твой клеп скорей показывай!»

Но дед, Егор Колодяжный,
Сурово заупрямился,
Врагам сказал: «Я слеп!»
«Ти слеп? Так ми проверимся!»
Связали руки старому,
Бранясь, во двор помещичий
Его поволокли.
Степана Завгороднего
Избили, окровавили
И с мужиками прочими
Туда же привели.

И вот в дому помещичьем
На круглое, широкое
Помещичье крыльцо
Взошло — крестьяне ахнули! —
Военное, знакомое,
До ужаса знакомое
Немецкое лицо.
«Чтоб ты, когда здесь пьянствовал,
Винищем отравился бы,
Котлетой подавился бы!
Чтоб ты тогда издох!»
То был — вот в этом доме же
Лобзавший губернатора
И голосивший «грех»,
Тогда ландратом звавшийся,
А нынче оказавшийся
Риттмейстером, герр Кох!
Пред ним толпой понуренной,
Озлобленно-нахмуренной,
Немецкими солдатами
Вплотную окруженные,
Угрюмо-напряженные
Стояли мужики.
Риттмейстер, брызжа пеною,
На них на всех набросился:
«Ви взе — большевики!
Ви, зволечь, бунтовайтесь!
Наш влясть не признавайте!

Ви нэ повиновайтеса!
Ви клеба не показывайт!
Я будет вас наказывайт!
Семь кожа с вас здирайт!»
Бобёр — помещик, стало быть, —
Подсунул Коху списочек,
Кого из мужиков
Считал он всех строптивее,
Зловредней и опаснее.
Вот барин был каков!
Пороли перво-наперво
Степана Завгороднего.
«Я знайт ефо! Я знайт! —
Кричал так экзекуторам
Ритмейстер разъярившийся, —
Он недофольный з барином!
Он недофольный з немцами!
Пороть его без жалости,
Большая зделать боль,
Чтоб бризгал кровь мужицкая!»
Немецкие секуторы
Вскричали: «Постараемся!»
По-ихнему: «Яволь!»
Спина у Завгороднего
От пояса до ворота
Была вся сплошь испорота,
Уж больше места не было
Кровавым новым полосам.
Но злым, истошным голосом,
От крови охмелевшее,
Бранилося немецкое
Высокоблагородь,
По-русски материлося
И пуще все ярилося:
«Пороть! Пороть! Пороть!»
Пороли всех — по списочку! —
Нещадно, одинаково.
А Кох ногой подпрыгивал,
Присвистывал, подпрыгивал:
«Тра-ля, ля-ля, ля-ля!
Иметь ви должен знания:

Ви все и ваш поля
Принадлежайт Германия!
Дас гренцлянд, весь Украина,
Немецкий есть земля!
Ми, немец, ваш правительство!»
В деревне шло грабительство
Сплошное, поголовное,
С жестоким применением
Побоев и угроз.
Повсюду немцы шарили,
Мукой, зерном и птицею
Набили — дальше некуда —
Длиннейший свой обоз,—
Метнулись за скотиною,
По огородам, выгону
Охотились за ней,—
Под женский вопль, под горькие
Рыдания-причитания
Забрали всех коровушек,
Волов, овец, свиней,
Забрали и отправили
На станцию — под пляс
Уже самих воителей,
Разнузданных грабителей:
«Не плачьте, глупый жителей!
Ви все без понимания:
Голодный наш Германия
Есть будет ваша мяс!»

Захватчики старались,
Зерна, скота и птиц
Награбивши, нажрались,
Винища нахлестались
И похотливо ринулись
Искать, ловить, насиловать
Девиц и молодежи.
А сам герр Кох помещицей
Доволен был весьма:
Ему на шею барыня
Повесилась сама.

Стонал народ украинский.
Центральной предан Радою,
Он немцам стал наградою:
«Все, немец, забери!»
И немцы брали яростно,
Хлеб гнали эшелонами,
Вагоны за вагонами —
С зари и до зари.
Что им народ украинский?
Пусть гложет сухари!

Деревня коль упорная
Хваталась за оружие —
Расправа с ней была:
Деревня непокорная
Сжигалась дотла.
Расправы шли кровавые:
Расстреливали, вешали,
Казнили всех подряд
Не за одно упорство лишь
И не за слово резкое,
А за единый пламенный
Крестьянский гневный взгляд.
Но скоро для насильников
На Украине приняло
Грабительство разбойное
Печальный оборот:
На их разбой, насилие
Ответил забастовками
И боевым восстанием
Разгневанный народ.
Недолго звери лютые
Над всею Украиною
Свирепо измывались
И дико упивались
Повальным грабежом.
Нет! Сила-мощь народная,
Крестьянская, рабочая,
Была не вся истрачена:
Страна была охвачена

Пылающим повстанческим
Народным мятежом.
Отряды партизанские
Росли повсюду, множились
Уж не по дням, а, подлинно,
Рождались по часам;
По кличу собирались,
Умело укрывались
По балкам и лесам.
Оттуда, из укрытия,
Средь бела дня, при случае,
И средь полночной мглы,
Чуть вороны немецкие
С добычею награбленной
Дозорными приметятся —
На них стремглав бросались
Украинские соколы
И грозные орлы.

Все немцы всполошились,
Идти на все решились;
Ритмейстер Кох особенно:
Где он пройдет — пожарами
Следы его горят.
Его пути разведывал,
Везде его преследовал,
Грозой шел неотступною
И тормозил без устали
Степана Завгороднего
Повстанческий отряд.

Бойцов в нем было много ли?
На свежую-то ниточку
По пальцам перечесть.
Но Коха все ж «потрогали»,
Оттяпали зениточку
Да пулеметов шесть.
Отряд меж тем все ширился,
Все креп, в конце концов

Сверх сотни накопилось
Отчаянных бойцов.
Была разведка конная,
Команда пулеметная,—
Снарядная, патронная
Добыча заимелась,
Погрохивала пушечка
Немецкого литья.
Степан в соображение
Взял чье-то выражение:
«Чужое снаряжение,
А тактика — своя!»

Учился этой тактике
Степан в боях, на практике,
Но все ж, хоть этой тактикой
Отважной, партизанской,
Он Коху досадил,
Однако часто, хмурясь,
Он грыз усы с досадою
И трубкою чадил:
Риттмейстера засадою
Накрыть ему хотелось,
Но до поры до времени
Риттмейстер уходил.
Кох, за свои жестокости
Заслугами увешанный,
С лицом злодейским, каинским,
Метался, словно бешеный,
По деревням украинским
До самой той поры,
Когда в самой Германии
Взорвали власть дворянскую
И нечисть офицерскую
Страдания народного
Каленые пары.

Народная Германия
Зажглась огнем восстания.
У Коха дрогнул тыл.
Его солдаты сжались,

Честней кто — разбежались,
У тех же, что сражались,
Уж был не прежний пыл:
До грабежа ли было им,
Коль не увезть и взятого!
Тут Коха распроклятого
Степан-то и накрыл!

Живьем бойцами схваченный,
Ритмейстер озадаченный,
Испуганный, растерянный
Стоял, как волк ощеренный,
Пыхтел, как жирный сом.
Степан сказал: «Товарищи,
Давно я Коху нравлюся,
Так я уж сам справлюся
С поганым этим псом.
Пусть это будет вóрогам
И нынешним и будущим
Расплата и урок!»
Так Завгородний вымолвил.
Наган в руке. Прицелившись,
Степан нажал курок.

*

К тому, что здесь рассказано,
Короткий, заключительный
И для меня значительный
И радостный аккорд:
Степану Завгороднему
По матери, украинке,
Я довожусь племянником —
И дядькой очень горд.
Пред Украиной милою,
Пред всей народной силою
Степану Завгороднему
Я славу-честь пою.

Утробной пуповиною
Сращенный с Украиною,
Я этою былиною
Ей долг свой отдаю.

Часть четвертая

ЭПОХА СТРОИТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ 1936 ГОДА

Заторов нет у времени.
Года бегут, бегут.
Степана Завгороднего
Признай теперь — он жив еще.
Его в войну гражданскую
Не раз огрел помещичий,
Белогвардейский кнут,—
Он в годы предколхозные,
Ведя борьбу с кулачеством,
С вредительством и рвачеством,
Был беспощадно крут;
Со дня весьма серьезного —
Дня первого колхозного —
Он состоит заслуженно
Бессменным председателем
Колхоза «Красный Кут».
Он горд спокойной гордостью,
С несокрушимой твердостью,
И мудростью, и честностью
Он, чтимый всей окрестностью,
Без крику, без угроз,
Сломив повадку шкурную,
Корыстную, блудливую,
На линию культурную,
Зажиточно-счастливую
Поставил свой колхоз.
Сбылось, что не снилось,
Как все здесь изменилось —
От облика наружного

До радостного, дружного
Колхозного труда!
Дед весел. От Степановой
От досоветской хмурости
Не стало и следа.
«Ушли от старой дурости!
Вот стали жить когда!»
Не вся ль страна советская,
Твердыня капитальная,
Насквозь индустриальная,
Не нищенски-голодная,
Могучая, свободная,
Без прежних барских пут,
Так стала непохожею
На крытую рогожею
Россию старопрежнюю,
Как на былой, на сникнувший,
Запущенный, загаженный,
Насквозь обезображенный
На «Снежнов-Кут» помещичий
Стал непохож теперешний
Цветущий, крепко слаженный
Силач машинно-тракторный,
Колхозный «Красный Кут».

Из всех детей Степановых
В живых осталось шесть.
Шесть сыновей Степановых —
Отцу большая честь:
Данило — в красных летчиках,
Микола — в краснофлотчиках,
Микита — в кавалерии,
Омелько — агроном;
Антон с Петром — комбайнеры,
Отличные комбайнеры:
Почетный орден новенький
Сверкает на одном
За то, что он рекордную
Победу одержал,—
В Москве, в кремлевском здании,

Петру пред награждением
С сердечным обхождением
Сам Сталин руку жал.

Коль кто-нибудь при случае
Степану Завгороднему
Иль скажет, иль прочтет —
Фашисты, мол, немецкие
Усиленно бахвалятся:
На области советские
Они вот-вот навалятся,
Хотят свершить налет,
Перекроить все заново,
Взять то, что потучней,—
«Так, так!» — лицо Степаново
Становится мрачней,
Ложится складка строгая
Промеж седых бровей,—
Рукой любовно трогая
Висящие над столиком
Портреты сыновей,
Он говорит с усмешкою:
«Бароны наезжали к нам
Сначала в гости вроде бы,
А после с эскадронами,
Вот то-то и оно:
Выходит, что с баронами
Фашисты заодно.
Так, говоришь, куражуются?
Ну что ж, пускай отважатся.
Средь удалых бойцов
Не худшими окажутся
Моих шесть молодцов.
И сам я попытаюсь —
Где дети, там отцы,—
С фашистами сквитаюсь
За горб исполосованный
Немецкими шпиц-прутьями,
За все мои рубцы!»

З а к л ю ч е н и е

П А Р Т И З А Н Ы , В П Е Р Е Д !

«В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

(И. С т а л и н.)

Свершилось злодеяние
Чудовищно-кошмарное,
Невиданно-огромное,
Неслыханно-коварное,
Фашистски-вероломное:
Идущими ко дну,
На гибель обреченными,
Рассудком помраченными
Немецкими фашистами,
Руками их нечистыми
Мы втянуты в кровавую,
Ответную, защитную
Народную войну.

Предела нет бесчестию
Фашистского отродия.
Взбесились кровожадные
Злодеи, беспощадные
Бандиты-палачи.
И пажити советские,
Сады, луга росистые,
И нивы золотистые,
И сладкие бахчи
Подверглись злему бедствию,
Внезапному нашествию
И пешей и летающей,
Всю зелень поедающей,
Коричневой, прожорливой
Фашистской саранчи.

Вся нечисть саранчовая
Ползет, как ошалелая,
Летит, как одурелая:
Зима страшна ей новая,
Голодная, суровая,
Не выдержать зимы!
Она довоеалася.
От рока неисходного,
От мора от голодного
Она уйти пыталася,
Во все концы металася,
Чужой едой питалася,
Насильно, не взаймы,
Все, все вокруг да около
Брала, ничем не брезгуя,
До нищенской сумы,—
Культурнейшие ценности
По-варварски раскокала,
А все ей нету прибыли,
Все не уйти от гибели,
Как вору от тюрьмы.
А рядом — нивы тучные,
Места благополучные,
Края, зерном обильные;
Но, их оберегаючи,
Храня, как от чумы,
От покушенья вражьего,
Народной силой мирною,
Но в обороне грозною
В строю стояли — мы.

Злой саранче, изморенной,
Приманкой раззадоренной,
Не стало больше выхода.
Фашистское отчаянье,
А не избыток сил,
Вот тучу саранчовую,
Что на народ наш бросило
Искать судьбы ускоренной:
Жратвы или... могил!
Мы саранче ответили,

Ее мы боем встретили,
В могилах нет отказу ей,
Но хлеба — не даем.
Всей нашей грозной силою,
Стальной, бронекованной,
Живой, организованной,
Врагу не уступающей,
С днем каждым нарастающей,
Мы саранчу фашистскую
И наступая, бьем ее,
И отступая, бьем
Уж до миллиона выбили,
Добьем и до пяти.
Нет, от конечной гибели
Фашистам не уйти!

Народ, в себе уверенный,
Историей проверенный,
С какими Чингиз-ханами,
С какими великанами,
С Наполеоном — шутка ли! —
Мы встречный бой вели.
Народ, в себе уверенный,
Мы, сколь ни зарывались
Враги к нам вглубь российскую,
На миг не отрывались
От временно утерянной
Своей родной земли.
С «двенадцатью языками»
И с полководцем-гением
Народ наш бился пламенно,
С особенным умением,
С отвагой партизанскою
Озлобленных крестьян.
В тылу наполеоновском,
Где мародеры грабили
Крестьян, в тылу оставшихся
(По-ихнему «пейзан»),
Отряды мародерские
Бежали в диком ужасе
При крике: «Партизан!»

От партизан грабителям
Тогда весьма досталось,
Не мало их осталось
Лежать в земле сырой,—
От партизанской удали
Дух падал в войске вражеском
И с каждым часом — худо ли!—
Редел военный строй.

В любой войне — и в нынешней—
Успехи все военные—
Успехи переменные:
Там — враг теснит нас бешено,
Здесь — мы тесним врага,
И если в нашу сторону
Пока вогнулась выпукло
Фашистско-вражьей линии
Военная дуга,
Ужо мы постараемся,
Мы силы набираемся
И знаем толк в вещах:
Враг нами скоро свяжется
И не в дуге окажется,
А в огненных клещах!

Весь мир дивится дсблести
Советской Красной Армии,
Ее особой стойкости,
Еще нигде фашистами
Не виданной досель.
Ее неотразимые
Кроваво-смертоносные
Удары по противнику
Видали мы не все ль!
Она под вражьим натиском,
Коварно подготовленным,
От вероломной сволочи
Геройски отбивается
И — силой наливается
Народно-боевой.
День недалек решительный,

Когда полки фашистские,
Те, что еще останутся
При общей их погибели,
Помчат назад стремительно,
Поднявши жалкий вой.

До той поры, товарищи,
Родные братья, кровные,
Все, кто подвергся участи
Печальнейшей, но временной —
Терпеть грабеж-насилие
Во вражеском тылу,
Примите к сердцу братскому
Слова мои любовные,
Все то, что мною сказано
Степану Завгороднему,
Его упорной стойкости
И партизанской удали
И в честь и в похвалу.
Проникнитесь верою
В победу дела нашего,
Святого дела, правого.
Народ, в себе уверенный, —
Как не сдавали ране мы,
Так и теперь мы выдержим,
Не попадем в фашистскую
Лихую кабалу.
Вооружитесь мужеством
И гневным словом *Сталина*,
Из самых первых первого
Бойца за нашу родину,
Отца родного нашего,
Великого, могучего,
Уверенно-бесстрашного
И прозорливо-мудрого
Народного вождя.
Всей силой партизанскою
Ударьте по насильнику,
Для счастья нашей родины
Ни сил своих утроенных,
Ни жизни не щадя!

Всей силой партизанскою
Обруштесь на захватчика,
Чтоб, дрогнув, он почувствовал,
Что нет ему спасения
Там, где народ весь борется,
Где каждое прикрытие,
Где каждый кустик маленький
Ему свинец дарит,
Где небо раскалилося,
Где воздух пышет пламенем,
Где под фашистской нечистью
Сама земля горит!

АНКА - ПАРТИЗАНКА

(Белорусская песня)

Любовались люди Анкой:
Нет девчоночки былой,
Стала Анка партизанкой,
Комсомолкой удалой.

Вот она — сидит на танке.
Вражий танк. Ее трофей.
Шлем, ружье на партизанке,
А румянец — до бровей.

«Ай да девка!» — «На приметку!»—
Разговор про Анку был.
Анка вызвалась в разведку
И пошла во вражий тыл.

Не сплошать — одна забота.
Шла сторожко, как лиса,
Через топкие болота,
Через темные леса.

Край родной! Он весь ей ведом.
Тонок слух. Глаза горят,
Через день за Анкой следом
Партизанский шел отряд.

Подошел к фашистам с тыла,
Захватил врагов врасплох.
У фашистов кровь застыла,
Был конец злодеев плох.

«Анка, глянь, летит к танкетке!
Бьет по танку!» — «Уй-ю-ю!»
«Удала была в разведке,
Удалей того — в бою!»

Жестока была расплата
Славной девушки-бойца
За расстрелянного брата,
За сожженного отца.

За народ, за трудовую
Разоренную семью,
За страну свою родную,
Белоруссию свою!

ВЫСОКИЙ ОБРАЗЕЦ

(Подвиг путевой обходчицы т. Сверковской)

Она — обходчица прифронтовой дороги—
На трудовом своем и боевом посту.
«Путь взорван!» — подает она сигнал тревоги.

Скорей! Секунды на счету!

Не помутился ум, не подкосились ноги,
Хоть рядом враг разбил ее любовь, мечту:
Горит ее жилье, а в нем детишек двое.

Но сердце матери героически-боевое

Любовью к родине полно,

В тягчайший этот миг не дрогнуло оно,—
Отважной женщиной, сочти, число какое
Снарядов и бойцов советских спасено!

О подвиге ее писали все газеты;

Ее прославили художники, поэты;

Нам в мраморе ее даст скульпторский резец,
Над именем ее — сверкающий венец.

Он над героическими сверкает именами.

Склонитесь перед ней, товарищи: пред нами
Советской женщины высокий образец!

ЛЕНИНГРАДУ

Твой зоркий страж пробил тревогу,
Враг рвется к твоему порогу.
Но, пролетарский исполин,
Мы все с тобой, ты — не один:
С тобой, фашистов отбивая,
Вся наша сила боевая,
С тобой Москва, все города
И все советские народы.
Пусть будет мощь твоя тверда,
И пусть фашистские уроды
Увидят, птяся назад,
Как вся страна, и стар и млад,
Встает грозой за Ленинград,
За колыбель своей свободы!
Ты грозен для врагов, как рок:
Они иль гибнут, иль сдаются.
И о гранитный твой порог
Фашисты тоже разобьются!
Мы все с тобой даем обет:
Отбить фашистскую осаду,
Да так, чтоб весь увидел свет,
Что, легких чаявший побед,
Враг получил свою награду,
Что *на подходах к Ленинграду*
Он надломил себе хребет!

Д Р А Й П Е Т У К!

Баллада

Офицер фашистский роту
По-фашистски просвещал,
Мародерскую работу
Ей на фронте обещал:
«Птис ви есть хотель? По-русски
Знайте слов немножка штук:
Энтен — утки, гензе — гуски,
Вместа гуски — драй петук!»

Офицер фашистский роту
Мародерству обучал,
Не смягчая ни на йоту
Основных его начал:
«Мародерство есть без шутки
Блакароднейший наук.
Гензе — гуски, энтен — утки,
Вместа гуски — драй петук!»

Грабьте птис в любой колхоза.
Птис во всех дворах гуляйт.
Всех мужик пугайт с угроза.
Не боится? Застреляйт!
Змело требовайт закуски,
Виривайт ее из рук.
Энтен — утки, гензе — гуски,
Вместа гуски — драй петук!»

Но советская пехота
Немцев встретила на честь:
Полегла почти вся рота,
Остальным хотелось есть,
Отошальные желудки
Натерпелись адских мук.
Гензе — гуски, антен — утки,
Вместа гуски — драй петук!

Ворвались мародеры
В украинское село,
А «по-русски» разговоры
Позабыли, как назло.
Кто-то вдруг припомнил фразу
После дьявольских потуг.
По дворам фашисты сразу
Заорали: «Драй петук!»

Ели, пили, веселились...
Сном закончив пьяный пир,
В ту же ночь переселились
Немцы все в загробный мир.
Партизаны, из засады
Налетев, как сонных мух,
Их избили без пощады:
«Вот вам, гады,
Драй петук!»

В Киле, в Гамбурге, в Берлине
Слез не выплакать очам.
Мародеров семьи ныне
С дрожью слышат по ночам:
Кто-то дверь легонько тронет,
Постучится — тук, тук, тук!
И всю ночь надрывно стонет:
«Драй петук!..
Драй петук!..
Драй петук!..»

ГИТЛЕР И СМЕРТЬ

Сил самых мерзостных подручный,
Шагает Гитлер-людоед.
С ним рядом спутник неразлучный
Свой оставляет мертвый след.
Они пройдут по ниве тучной,
И нивы тучной больше нет.

Сады лишаются в мгновенье
Своей красы, своих плодов.
Зловещей пары появленье
Под гул оружия всех родов
Уничтожает населенье
Цветущих сел и городов.

Но, полный пьяного угару,
Как натиск вражеский ни яр,
Враги узнают нашу кару
В тот час, когда — и млад и стар —
Обрушим мы на эту пару
Наш сокрушительный удар!

ПРИЛЕТЕЛА ВОРОНА ИЗДАЛЕЧА—
КАКОВА ПТИЦА, ТАКОВА ЕЙ И ВСТРЕЧА

Смотрят наши: «Гитлер! Вона!»
«Что за шут!
С неба падает корона—
Парашют!»

«Уцепился за корону
Гитлер-пес».
«Вон какую к нам ворону
Черт принес!»

Ошарашенного гада
Жуть берет.
«Ай, не нада! Ай, не нада!» —
Он орет.

В страхе бельма гад тарашит:
«Ой, беда!
Ой, меня корона тащит
Не туда!

Как убрать мне ноги, плечи
И живот?
Не такой желал я встречи,
Либер готт!

Дайте место, где я сяду
Без помех!»
Но в ответ раздался гаду
Грозный смех:

«Опускайся, медлить неча!
Дело — гут:
Где ни сядешь, будет встреча,
Как и тут!»

«Погляди кругом, ворона:
Всё полки». «Опускайся, вместо трона,
На штыки!»

С Ч А С Т Л И В Ы Й Б Е Н И Т О

С фронта русского Бенито
Шлет невесте письмецо.
Он воюет знаменито.
Результаты — налицо.

«Что за люди, миа Бьянка,
В этой чертовой стране:
Здесь крестьянин и крестьянка—
Партизан иль партизанка,—
Все участвуют в войне!

Надо быть всегда на страже:
Люди скрытны и хитры.
Здесь приходится нам даже
Опасаться детворы.

Случай был — один из многих:
Пред избушкою одной
Три подростка босоногих
В пляс пустились озорной.

Мы смеялись, чужестранцы —
Немцы, венгры, итальянцы,—
Ухватившись за бока.
Есть ли где на свете танцы
Удалее гопака?!

Но когда мы все, солдаты,
Закричали: «Молодцы!» —
Полетели в нас гранаты!
Вот они какие хваты,
Украинские мальцы!

Грохот, вопли, стоны, охи...
Той порой мальчишки — фить!
«Плясунов» среди суматохи
Было некому ловить.

Три советских пионера
Нам сплясали мастерски:
От красавца сфицера
Лишь остались куски,

Десять с ним солдат убито,
Вдвое — раненых; среди них
Я, удачливый Бенито,
Твой возлюбленный жених.

Сохранен святою девой,
Счастлив я. Тебе привет
Я пишу рукою... левой,
Потому что — правой нет!»

Я ВЕРЮ В СВОЙ НАРОД

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой,
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимою тысячелетней верой.

Он много испытал. Был путь его тернист.
Но не затем зовет он родину святою,
Чтоб попирали ее фашист
Своею грязною пятою.

За всю историю суровую свою
Какую стойкую он выявил живучесть,
Какую в грозный час он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!
Остервенелую фашистскую змею
Ждет та же злая вражья участь!

Да, не легка борьба. Но мы ведь не одни
Во вражеском тылу тревожные огни.
Борьба кипит. Она в разгаре.
Мы разгромим врагов. Не за горами дни,
Когда подвергнутся они
Заслуженной и неизбежной каре.

Она напишется отточенным штыком
Перед разгромленной фашистскою оравой:
«Покончить навсегда с проклятым гнойником,
Мир отравляющим смертельною травой!»

Х В А С Т Л И В Ы Й К О Т Е Н О К

*«...Гитлер походит на Наполеона не больше,
чем котенок на льва...»*

(Из доклада товарища Сталина
на торжественном заседании Московского
Совета 6 ноября 1941 года.)

До Гитлера — смотри, куда метнул он, вона!—
Решившего, что он затмит Наполеона,

Дошли жестокие слова:

Котенок, дескать, он, копирующий льва.

«Так я ж не пощажу советских перепонок!

Рычаньем львиным я всех русских оглушу!»—

И Гитлер стал рычать. Рычать? Что я пишу!

Он замыкал, как котенок!

Какой он, к черту, лев? Он даже и не рысь.

Ему мы скоро скажем: «Брысь!» —

Уж не одну его слышали мы нахвалку.

Ни тени нет у нас сомнения ни в ком,

Что на котенка мы наступим каблуком

И вышвырнем его презрительным пинком

На историческую свалку!

ПРОСЧИТАЛИСЯ!

Покорна гитлеровской воле,
На нас — развратна и пьяна—
Пошла фашистская шпана:
«Война недели три, не боле!» —
Иного не было в уме.
Ан воевать пришлось подоле.
Мы встали все на бранном поле
Грозой коричневой чуме.
Уж время близится к зиме,
Свежеют ночи все приметней.
Фашисты корчатся во тьме,
Их дрожь берет в одежде летней.
Они заранее уже
Спасенья ищут в грабеже,
Зломародерские их шайки
С людей сдирают все — фуфайки,
Штаны, жакеты и пальто,
Годится все для этой голи.
«Война недели три, не боле!» —
Ан оказалось не то,
Не то, чего фашисты ждали.
Не то получится и дале:
Зимой, припомнив старину,
Мы ей покажем, рваной швали,
«Молниеносную войну»!

Р Я Ж Е Н Ы Й Б А Н Д И Т

«Гитлеровская партия есть партия врагов демократических свобод, партия средневековой реакции и черносотенных погромов.

И если эти оголтелые империалисты и злейшие реакционеры всё ещё продолжают рядиться в тогу «националистов» и «социалистов», то это они делают для того, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть флагом «национализма» и «социализма» свою разбойничью империалистическую сущность.

Вороны, рядящиеся в павлиньи перья... Но как бы вороны ни рядились в павлиньи перья, они не перестанут быть воронами».

(Из доклада товарища Сталина на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1941 года.)

Платье, грим, татуировка,
Маскировка,
Ветка, бант...
Уголовная сноровка,
Специфический талант.
Поза! Экое величье!
Лишь венка недостает.
Но... бандитское обличье
Людоеда выдает.
За свободу, за культуру
Бой ведя,— рука тверда!—
Эту полную фигуру
Мы угробим навсегда!

ФАШИСТСКИЙ «КРАСАВЕЦ»

Что ни карман, то кладовая
Вещей награбленных — рубах,
Чулоч, часов... Какой размах!
Тип! Иллюстрация живая
В наш уголовный альманах!

Хотя прикрыты черной каской
Его бандитские глаза,
Он видит все. Крадет с опаской:
Вдруг — партизанская гроза!

Но подлеца гроза не минет,
Когда фашистскую змею
Страна Советов опрокинет
И на ее гнездовье двинет
Всю силу гневную свою!

ПОДАРКИ С «ОСТ - ФРОНТА»

Баллада

Как фрейлейн Берте летом
Завидовали все!
Шел разговор при этом
Не о ее красе.

Таких же три уroda,
Как и она сама,—
Есть на уродов мода!—
От Берты без ума.

Ответ был ею точный
Дан каждому из них:
«Ты, верю, фронт Восточный
Прославишь, мой... жених!»

В «грабьармии» все трое.
Разбойный пыл их лют.
Невесте три «героя»
Подарки с фронта шлют.

Соседкам был понятен
Ее святой экстаз:
Подарков вид приятен,
На них кровавых пятен
Не видел Бертин глаз,

«Шаль!! — Берта отмечала.—
Ботинки! Мой размер!»
И в письмах отвечала:
«Спасибо! Данке зер!»

Наставит междометий
(Разжегся аппетит!).
Один, другой и третий
Ей нравится бандит.

У Берты блеск во взоре.
Дела-то каковы!
Она получит вскоре
Подарки... из Москвы!

«Москву — о чем тут речь-то?
Возьмем в неделю, в две!»
Но приключилось нечто
На подступах к Москве:

Москва — на том же месте,
Фашисты — не на том!
«Трех женихов невесте»
Из-под Москвы известье
Пришло, смутив весь дом.

Ах, не увидит Берта
Уже счастливых дней:
Три траурных конверта
Лежали перед ней!

В борьбе извечной тьма и свет.
 Где — тьма, там гаснет мысль, там ужас озверенья.
 Где — свет, там разума и красоты расцвет,
 Там гениальные рождаются творенья.
 От века не было и нет
 У тьмы и света примиренья.

Две силы спор ведут о мировой судьбе.
 Культура с варварством столкнулися в борьбе
 Досель невиданной, смертельной:
 Враг человечества напомнил о себе
 Фашистской дикостью и злобой беспредельной.

Он не скрывает, нет, остервенелый враг,
 Своих чудовищных, звериных appetitov:
 Он превратил бы мир в казарменный барак!
 Свирепая мечта взбесившихся бандитов —
 Не дымный, ладанный средневековый мрак,
 А тьма пещерная эпохи троглодитов.

Кровавым заревом пылает небосвод.
 Необозримое сверкает лоно вод
 Его зловещим отраженьем.
 Весь мир — культурный мир!— встречает новый год
 С суровым мужеством, с железным напряженьем.

Родная сторона, ты с варварством в бою.
 Жестокий дав отпор фашистскому зверью,

Ты расчищаешь путь культуре, счастью, благу.
Пред миром всем, громя разбойную ватагу,
Раскрыла ты всю мощь народную свою,
Всю беззаветную отвагу!

С какою яростью фашистская змея
Осуществляла план, созревший в людоеде!
Но крепко спаяна советская семья:
Ни на единый миг не дрогнула твоя
Несокрушимая уверенность в победе!

С великим Сталиным, великий мой народ,
Приветом боевым ты встретишь новый год,
Уверенный, что он, свершив свой оборот,
Овеян славою крылатой,
Войдет в историю твою — из рода в род —
Всемирной, праздничной, победоносной датой!

1942

НАШЕ СЛОВО

*К ноте Народного Комиссара Иностран-
ных Дел товарища В. М. Молотова о пов-
семестных грабежах, разорении населения
и чудовищных зверствах германских властей
на захваченных ими советских территориях.*

Мир слова ждал в ответ на вой безумья злого.
На вопли извергов, грязнящие эфир.
Советская страна сказала это слово,
Сказала властно и сурово,
И, услышав его, культурный вздрогнул мир.

Пред ним разбойная открылась картина:
Телами детскими покрытая земля,
Опустошенная пожарами равнина,—
Злодейств неслыханных обрушилась лавина
На села мирные, на мирные поля.

Дымится кровь, мороз каленый
Не может остудить ее, она — свежа.
Ни мудрой старости, годами убеленной,
Ни резвой юности, в жизнь, в красоту влюбленной,
Не пощадил разгул бандитского ножа.

Так вот оформилось в какое окаянство
Фашистских подлецов безграмотное чванство,
Рожденное в бреду лжемудрецом больным:
«Немецкой расе — власть над миром, все
пространство!
Нет места — расам остальным».

«Сверхчеловек»! Его дыханьем ядовитым
Отравлен вырождков немецких пьяный сброд.
Взрывать советские святыни динамитом,
В приюте гения всемирно-знаменитом
Сжигать рабочий стол и взламывать комод,
Все, все дозволено немецким сверхбандитам:
Они — «сверхлюди», «сверхнарод»!

Культ человечности свиним засыпан сором
Под злое хрюканье тупых расистских рыл.
Повальным грабежом, разнузданным разором
Путь отмечая свой, поистине позором
Сверхчеловеческим фашизм себя покрыл.

В коробке черепной фашизма пустозвонной
Такая мысль была — она пошла ко дну:
Напав на нас врасплох ордой многомиллонной,
Топча копытами живую целину,
Дым едкий распластав над порослью зеленой,
В молниеносный срок пустынной сделать зоной
Необозримую Советскую страну.

Но просчитались фашистские пророки,
Пришлось им удлинять назначенные сроки,
Покамест мстительный не встал пред ними Рок.
Их, напоровшихся на тяжкие уроки,
Ждет заключительный урок.

На исторический они пошли экзамен,
Они, матрикул чей так бескультурно гол!
Но, мейне геррен, мейне дамен,
Вам всем оценку даст — судебный протокол.
Рука истории под ним напишет «áмен»!
И в ваш могильный холм вонзит железный кол.

ВОЕННЫЙ УРОЖАЙ

(Весенняя повесть)

«Товарищи колхозники и колхозницы! На вас ляжет вся работа по проведению весеннего сева... Я твердо уверен, что колхозники и колхозницы, беззаветно любящие свою родину, нашу Красную Армию, приложат все силы и добьются такого урожая, которого еще не видели наши поля».

*(Из статьи товарища М. И. К а л и н н а,
«Правда», воскресенье, 1 марта 1942 г.)*

В большом приволжском городе,
На улице окраинной,
Рукой подать откудова
На тракторный завод,
В опрятной, теплой комнатке
Рабочего Кормилова
Терентия Парфеныча
Воскресным первомартовским
Погожим, ясным утречком
Поднабрался народ.

Тут был сержант Бурёнышев,
Боец, на фронте раненный
И в местный старый госпиталь
Направленный в «ремонт».
Теперь, отремонтирован,
Сержант усы покусывал,
Горя одним желанием —
Скорей, без промедления
Вернуться вновь на фронт.

Василия Ячменного,
Из эм-те-эс механика,
К приятелю прибывшего
Из ближнего села,
Хозяин обходительный
Устроил рядом с воином
У кончика стола.

У двери,— грузный, кряжистый,—
Опершись на трость,
Жевал мундштук прокуренный
Поэт, московский гость.

Хозяйская племянница,
Колхозница-ударница,
Сказать ей в похвалу,
Вихрастенка, глазастенка,
Комочком пестрым Настенька
Прижалась к углу.

Сидели молча, дуною
Волнующей охвачены
О фронте, о войне,
И напряженно слушали
Волшебного оратора,
Трибуною избравшего
Прилаженную к проводу
Подставку на стене.
Чеканя слово каждое,
Он говорил им голосом
«Эфирным», проникающим
Во всем родном краю
В места любые — в город ли,
В колхоз ли отдаленнейший,
На все фронты военные,
Морские, сухопутные,
На все заводы, фабрики,
И в шумное собрание,
И в тихую семью.

Оратор вышеназванный
Передавал горячую,

Волнующе-призывную
Статью, Михал Иваныча
Калинина статью.
В ней просто, вразумительно
Народу разъяснялося,
С какою богатырскою
Зарядкой волевой,
С каким, еще не виданным,
Жестоким напряжением
Всей мощи тыловой
Немедленно — природою
Нам сроки преуказаны!—
Заняться мы обязаны
Сейчас первостепенною
— На уровне с военною!—
Совхозною, колхозною
Работой неотменною,
Весенне-полевой.

Боец, сержант Бурёнышев,
За смелость беззаветную
Награды удостоенный,
На фронте был танкист,—
Теперь — при общем слушанье
Статьи, насквозь пронизанной
Весенними мотивами
Страды сельскохозяйственной,—
Лицо его украсилось
Блаженною улыбкою:
Проснулся в красном воипе
Искусный, тренированный
И дважды премированный
Колхозный тракторист.
В живых словах калининских
Так много было близкого,
Приятного, понятного
И сердцу и уму.
Сержант, глаза прижмуривши,
Их слушал, точно музыку,
И чудилось ему:

Все выше всходит солнышко,
Взяв направление летнее,
Все ярче светит солнышко
И греет все приметнее;
Рыхлеет снег под настовой,
Под ломкою корой,—
Простившись с дорогою
Ухабистой, петлистою,
Размоченной, землистою,
Не санною порой,
Копытами истоптанной,
Полосьями источенной,
Зима пошла нетронутой,
Заснеженной обочиной.
Весна не за горой!
На оголенных выступах,
Буграх, на косогорочках
Уже дымками синими
Дымится в час полуденный
Оттаявшая прель.
Любуясь дружной озимью
Весенними просонками,
Дыша парами тонкими,
Под жаворонка трель
Ручьями скоро звонкими
Заговорит апрель.
А там!..

Воображение

Сержанта разыгралось.
«Весенняя страда...
А что в ней, право, страдного?..»
Сержанту ясно слышался
Знакомый гул колхозного,
Желанного, отрадного
Весеннего труда.
Вид поля неоглядного
Кружил сержанту голову,
Туманом обволакивал,
Нет сил глаза отвести.
«Да, да, — словам калининским

Он мысленно поддакивал,—
Все это так и есть.
Весна решает многое,
Посев решает главное.
Не надо забывать
Суждения народного,
*Что сытый бьет голодного,
Что сытому сподручнее
Победно воевать.*

Весна решает многое,
Посев решает главное.
Уместно слово строгое,
Боеприказу равное,
Там, где слабей звено,
Где срывы и неровности
Где сельские работники
Не в боевой готовности.
Зерно — понять нам следует,
Понять не мудрено!—
Хотя на нем исконное
Все то же облачение
И та же все начиночка,
Мучная серединочка,
Но с боевым оружием
Сравнялося оно:
*Военно-оборонное
Приобрели значение
И каждая крупиночка,
И каждое зерно!*

Чтоб выявился полностью
Во всем своем величии,
Во всей своей безмерности,
Везде, на всех фронтах,
Как океан бушующий,
Победный, торжествующий,
Народных сил размах.
На этот раз поистине
Страдой самоотверженной,
Работой по-военному

Добиться мы обязаны,
Чтоб стены прогибались
От урожая нового
В советских государственных
Больших зернохранилищах,
В колхозных закромах!

Горит душа желанием
На фронте снова встретиться
Лицом к лицу с врагом!
Но — если бы неволею
По явной непригодности
К почетной службе воинской
Я б не был красным воином,
А был сейчас колхозником—
Я б ни о чем другом,
Лишь о посеве думал бы,
Ему все силы отдал бы
Для укрепления родины
И Красной нашей Армии,
Ведущей непрерывные
Бои с лихим врагом,—
Больной, не мог бы трактором
Я управлять попрежнему?»
— *Руками землю рыл бы я!*—
Вслух у сержанта вырвалось.
Очнувшись, конфузливо
Он посмотрел кругом.

Взглянул он на Ячменного,
Тот — сам не свой: расстроился,
Лицо покрылось краскою
Смущенья и стыда,—
Сейчас он с болью чувствовал,
Что у него на станции
Работа, ой, худа!
Не зря все председатели
Колхозов на директора
В последнем заседании
Насели так — беда!

Тут и ему досталось,
Механику Ячменному:
«Дела у вас одни.
К весне вы как готовитесь?
А до весны остались
Ведь считанные дни!»
Срам! Трактористка бойкая,
Выносливая, стойкая,
Девчонка эта самая,
Что так теперь скромнехонько
Забилась в уголок,
Она все это видела,
Она все это слышала,
Она ему укорливо
Сказала: «Что, милоч?
С ремонтом неуправочка?
А ведь зима кончается.
Неладно получается.
«Девчоночка права.
Неладно. С этим кончено!
Всех подтянуть немедленно!
Себя взять в руки первого!»
От мыслей у Ячменного
Ломилась голова.

Речь явственно кончалась
Оратора настенного:
С подъемом он дочитывал
Большой статьи калининской
Последние слова:
«В колхозной стройке женщины
Всегда, с начала самого,
Играли роль громадную,—
Звучало со стены,—
В колхозной жизни сделалась
Роль женщины решающей
В условиях войны,
В борьбе за исключительный,
У нас в полях невиданный,
Могучий урожай!»

Сержант, взглянув на Настеньку,
Сказал ей: «Слушай, девушка,
Слова такие попусту
На ветер не бросаются.
Слова тебя касаются,
Смотри, не подкачай!»
Тряхнув кудрями, Настенька
Решительно, уверенно,
С веселою задоринкой
Ему дала ответ,
Похожий на торжественный,
На клятвенный обет:
«Не подкачаю, нет!»

«Ну, вот,— хозяин с гордостью
Сказал гостям,— ну, вот!
Не я ль минувшей осенью
Шумел на весь завод:
Завесть заводу надобно
— И место есть свободное!—
Хозяйство огородное.
Так вот! Вы сами слышали
Теперь слова Калинина,
Как важно — и особенно
В тягчайший этот год —
Любому учреждению,
Любому предприятию
И каждому рабочему
В отдельности свой собственный
Возделать огород!
В любом бы учреждении,
В любом бы предприятии
На каждое бы здание
— Начальству в назидание! —
Такой плакат приладил я:
*«Налаживай подсобное
Рабочее питание,
Поменьше изживенчествуй,
Без толку в государственный
Карман не заезжай!»*
Хозяин взбудораженный

Своей любимой темой,
Речь вел с такой горячностью,
Что позабыл про стынувший,
Гостям давно предложенный,
Осиротелый чай.

Писатель этим временем,
Вооружась тетрадкой,
Вносил в нее украдкой
Начало новой повести
Военный урожай:
«В большом приволжском городе,
На улице окраинной,
Рукой подать откудова
На тракторный завод,
В опрятной, теплой комнатке
Рабочего Кормилова
Терентия Парфеныча
Воскресным первомартовским
Погожим, ясным утречком
Поднабрался народ».

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРИВЕТ

Прекрасно небо голубое.
Прекрасна мать-земля. Прекрасно все родное,
Здоровое, цветущее, живое:
 Оно не может быть иным.
Идут на фронт бойцы. Вглядишь в лицо любое,
Увидишь ты его таким родным-родным!
Сегодня Первомай. Но время боевое
Зовет нас к подвигу. Плывет заводский дым.
В колхозах выдано задание трудовое
 И старикам и молодым.
Подъем. Справляются с работой трудной двое,
Где дела ранее хватало пятерым,
Всем, бьющимся с врагом фашистски-уголовным,
Героям боевых и трудовых побед.
Всем детям Родины Советской, братьям кровным,
 Я, их соратник и поэт,
Шлю братский, пламенный привет!

П И С Ь М О З Е М Л Я К А М

В ответ на письмо земляков, бойцов Красной Армии, 5680 трактористок Саратовской области обязались приложить все свои силы, чтобы засеять высокий урожай.

Они сошлись — не двое, трое —
Все трактористки налицо.
Речь — о своем родном герое.
Вот с фронта красного какое
Земляк прислал им письмецо:

«Друзья! Пишу о важном. Срочно.
Зря б я бумаги не марал.
У нас на фронте дело прочно,—
Так трактористкам кратко, точно
Писал земляк их, генерал. —

Мы бьем врага. Черед за вами
Работать жарко — день и ночь,—
Чтоб хлебом, мясом и жирами,
Своими славными делами
Бойцам за родину помочь.

Хлеб, мясо, масло ли коровье
На вкус приятней, чем на слух.
Победы первое условие —
Бойцов железное здоровье:
В здоровом теле — бодрый дух!»

Все трактористки — хоть заочно
По-фронтовому — раз! и раз!
И по-хозяйски, полномочно,
Ответ свой дали — кратко, точно:
«Есть! Будет выполнен наказ!»

*

Ну, как страну не гордиться,
У власти где такой народ!
Наш хлеб напрасно немцам снится:
Мы разгромим фашистский сброд!
*Нет, никогда не превратится
Советский хлеб в фашистский брот!*¹

¹ Б р о т — по-немецки хлеб.

НЕСОКРУШИМАЯ УВЕРЕННОСТЬ

1912

В Неве крушился лед весеннею водой.
Прилива свежих сил в себе почуяв соки,
Рабочий класс отважно рвался в бой.
Его морочили, грозя ему бедой,
Поддельные друзья и ложные пророки.
Под стягом Ленина вступала «Правда» в строй,
 В ней гневно Сталин молодой
 Чеканил пламенные строки.
Его искусная и твердая рука
Не оставляла мест живых во вражьем бреде,
И каждая его чеканная строка
Звала уверенно к сраженьям и — победе!

1942

Мы с «Правдою» прошли тридцатилетний путь.
Враг новый силился ногой нам стать на грудь.
Уж нашей гибели предсказывал он сроки.
Не захлестнула нас, однако, вражья муть:
Мы сберегли свои, не сникшие ничуть,
Неиссякаемых народных сил истоки,
И в «Правде» — перед «днем рождения» как раз—
С волненьем сталинский читали мы приказ,
Сурово-строгие, торжественные строки.
Весь мир их прочитал, волнуясь в свой черед.
Страх вызовут они в фашисте-людоеде.

Они внедряют в нас, в бойцов и в весь народ,
Неукротимое стремление — вперед,
Несокрушимую уверенность — в победе.
Не могут не громить врага — в любой нужде,
При временной любой невзгоде —
Народ, уверенный в вожде,
И вождь, уверенный в народе!

БЫТЬ ВЕРНЫМ КЛЯТВЕ!

Герой-танкист, товарищ Кретов,
Сказал прекрасные слова.
Вниманью нынешних поэтов:
Для героических сюжетов
Какая дивная канва!
«В боях с врагом,— героя вывод,—
Мы заслужили похвалу,
Но, земляки мои, а вы вот
Все ль подтянулись в тылу?
Мы все — одной породы слепок.
В нас общий дух и общий пыл:
Фронт боевой особо крепок,
Когда особо крепок тыл.
Вам, трактористки с юным стажем,
Ведущим трактор в первый раз,
С моим отважным экипажем
Я составляю наш наказ:

«Быстрей осваивать машины,
Держать в порядке их в большом,
Беречь, как мы, бойцы-мужчины,
Свое оружие бережем!
Поэкономнее с горючим!

Тем легче силам фронтовым,
Чем больше мы его получим:
Бензин является могучим
Подспорьем нашим боевым.

Сверхплан — успеха основание.
Мы говорим не наугад:
Нам много даст соревнованье
Всех женских тракторных бригад!
Механики и бригадиры!
У вас и опыт есть и глаз.
Вы — трудовые командиры.
Зависит многое от вас!»

Герой-танкист, товарищ Кретов,
Коснулся самых главных мест.
В живых словах его советов
Звучит победный манифест:
*«Вперед — к работе неустанной!
Не спотыкаться на ходу!
Быть верным клятве, нами данной:
С фашистской нечистью поганой
Покончить в этом же году!»*

Я Р О С Т Ь

В работе яростно-кипучей
Юг, запад, север и восток.
Все полноводней, все могучей
Соревновательный поток.

Пласты глубокие взрывая,
В народных недрах открывая
Ключи энергии живой,
Вступила ярость трудовая
В соревнованье — с боевой.

В строю и молодость и старость,
Все — в напряженье, все — в бою.
Страшней нет ярости, чем ярость
В борьбе за родину свою!

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ ПОТОК

Быть всем героями: бойцам — на поле боя,
Нам — на своих местах.
И клятва сдержана: и здесь и на фронтах
Мы дали родине не одного героя!
Товарищи, вперед! Быть всем, как на войне:
Порядок строгий, дисциплина!
Ни одного пустующего клина!
Пахать всю по целине!
Прибавить площади к полям и огородам!
Мы дать должны сырье заводам,
Хлеб, мясо — фронту и стране!
Все силы напряжем, приложим все старанья,
Чтоб ни один совхоз от соцсоревнованья
Не оставался в стороне! —
И не останется, сомненья нету в этом.
Работники совхозов всей страны,
Я обращаюсь к вам с приветом.
Не потеряли вы весны,
Успехи ваши всем ясны,
Вы перекроете их летом!
Призывный клич гремел по шахтам и заводам,
Он был подхвачен всем народом,
Забыто слово: «тяжело»!
Невиданным досель, сверхбогатырским ходом
Соревнование рабочее пошло.
Стремительный, могучий, грозный
Поток энергии бурлит в родном краю.
И вот уже идет большой отряд совхозный

В соревновательном строю.
Он трудовой отвагой налит.
Соратникам своим совхоз «Лесной» сигналил:
«Товарищи! На боевых фронтах,
Где все еще сильна фашистская угроза,
Есть люди лучшие и нашего совхоза.
Их подвиги у всех в совхозе на устах.
 Был час торжественный — прощанье,
Когда мы клятвою скрепили обещанье:
 На фронтовых и тыловых постах».

Ч Е М Т Ы Ф Р О Н Т У П О М О Г Л А ?

Сестры: Нина, Валя, Ната!
За отца, за друга, брата,
За подбитого орла
Сердцем раненым страдая,
Спросит пусть себя любая:
«Чем я фронту помогла?»

Вас — отважных, стойких, честных,
Чьи глаза огнем горят,—
Ждет для подвигов совместных
Санитарниц краснокрестных
Героический отряд!

МЫ НЕ ОСТАНЕМСЯ В ДОЛГУ

В борьбе с врагом наш фронт окреп,
Но враг для нас еще опасен.
Зверь, тяжело раненный, свиреп,
На рев его ответ наш ясен.
В печах, где плавится металл,
Рабочий гнев заклокотал.
Звуча по-новому, сирены
Зовут на подвиг трудовой,
И вдохновляет все три смены
Единый лозунг боевой:

— Защита родины, культуры!
Разгром смертельного врага! —
Глаза сверкают, лица хмуры.
Не час — секунда дорогá!
В соревнованье пил, рубанков
Включился каждый молоток.
Растет и ширится поток,
Аэропланов, пушек, танков,
Боеприпасов — без конца!
Побольше в брюхо ей свинца —
Змее фашистской подкольной!
Поддержим мощью всей народной
Родного нашего бойца!

О Г О Н Ъ !

Враг на пути, ему знакомом:
В Ростов уже вбивал он клин.
Тогда фашистский первый блин
Весьма крутым свернулся комом:
Враг был отпотчеван — разгромом!
Донцы, шахтеры, казаки,
Красноармейские полки,
При вашем яростном отпоре
Пусть будет так — врагу на горе —
Донская печь раскалена,
Чтоб вражья лопнула спина,
Чтоб почернели вражьи хари,
Чтоб от повторного блина
Зарвавшейся фашистской твари
Остался только запах гари,
Чтоб враг наш видел смерть одну
За каждым кустиком и горкой,
Чтоб стало вечной поговоркой:
«Погиб, как немец на Дону!»

НОЧНОЙ «ГОСТЬ»

Ночь. В полевом колхозном стане
Уснули все, чтоб встать поране.
Не спит лишь сторож, дед Нефед.
Вдруг всполошился старый дед:
Над станом ночью гул мотора!
Дед смотрит. Точно; самолет.
С него Нефед не сводит взора.
«Как он чудно себя ведет:
Кружит почти над самым лесом...
Взмыл вверх... Как не было! Исчез!
Кружил он за каким тут бесом? —
Так думал дед, шагая в лес.—
Авось что-либо запримечу».

Ан глядь, пыхтя, ему навстречу
Верзила несуразный прет.
Нефед к нему: «Ты кто? Откеда?»
Верзила, выпучась на деда,
Незнамо, врет или не врет:
«Я,— говорит,— бежал из плену.
Подбил я немца на измену,
Подкуплен летчик мною был,
Чтоб сvez меня в советский тыл;
Где здесь на станцию дорога?»
У старика в душе тревога,
Но речь умильна и хитра:
«У нас останься до утра.
Поешь, попей, сосни с устатку.

А утром... Господи прости,
Тебя на станцию свезти
В колхозе същем, чай, лошадку!»

В колхозном стане гость ночной.
Все окружили гостя тесно.
«Страдал в плену?» — «Ах ты, родной!»
«Ну расскажи, нам интересно!»
А дед стряпухе шепотком:
«Гость явно треплет языком.
«Страдал в плену». А брюхо — вона!
Лети стрелой в район, Матрена.
Так, мол, и так: в ночи тайком
К нам притесалася ворона.
Мне этот «гость» не по нутру:
Вертяв, и рожка — на шпиона».

Все разъяснилось поутру.
Отряд, прибывший из района,
Разоблачил врага в момент:
Немецкий к нам проник агент!
Осталось от него наследство —
Его фальшивый документ,
Оружье, взрывчатое средство
И толстый денежный пакет.
Сам получил он, по закону,
Что причитается шпиону,
Как говорится: был — и нет!

Предупредивший крупный вред,
Еще внимательней, чем ране,
Относится к ночной охране
Колхозный сторож, дед Нефед.
Все говорят ему: «Спасибо!»
«Пускай,— в ответ смеется дед,—
Еще к нам сунется кто-либо!
Мы и его — за первым вслед —
Спровадим к черту на обед!»

ПОМЯНЕМ, БРАТЬЯ, СТАРИНУ!

О поле, поле Куликово,
Врага ты видело какого!
Здесь бились русские полки,
И пахари, и рыбаки;
Удары грудью принимая,
Они свершили свой обет;
Им показала свой хребет
Орда свирепого Мамаю!

Враг новый рыщет на Дону.
Помянем, братья, старину,
Почтим и прадедов и дедов,
Ударим так, чтоб никогда
Уж не воспрянула орда
Осатанелых людоедов!

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зеркальная гладь серебристой речушки
В зеленой оправе из ивовых лоз,
Ленивый призыв разомлевшей лягушки,
Мелькание белых и синих стрекоз,
Табун загорелых, шумливых детишек
В сверкании солнечном радужных брызг,
Задорные личики Мишек, Аришек,
И всплески, и смех, и восторженный визг.
У Вани — льняной, солнцем выжженный волос,
Загар — отойдет разве поздней зимой.
Малец разыгрался, а маменькин голос
Совет почему-то: «Ванюша-а! Домо-о-ой!»

У мамки — он знает — большая забота:
С хозяйством управься, за всем присмотри,—
У взрослых в деревне и в поле работа
Идет хлопотливо с зари до зари,—
А вечером в роще зальется гармошка
И девичьи будут звенеть голоса.
«Сестре гармонист шибко нравится, Прошка,—
О нем говорят: комсомолец — краса!»
Но дома — лицо было мамки сурово,
Все с тятей о чем-то шепталась она,
Дошло до Ванюши одно только слово,
Ему непонятное слово — «война».
Сестрица роняла то миску, то ложки,
И мать ей за это не стала пенять.
А вечером не было слышно гармошки
И девичьих песен. Чудно. Не понять.

Анюта прощалась утречком с Прошей:
«Героем себя окажи на войне!
Прощай, мой любимый, прощай, мой хороший!—
Прижалась к нему. — Вспоминай обо мне!»
А тятя сказал: «Будь я, парень, моложе...
Хотя — при нужде — молодых упрежу!»
«Я,— Ваня решил,— когда вырасту, тоже
Героем себя на войне окажу!»

Осенняя рябь потемневшей речушки
Уже не манила к себе детворы.
Ушли мужики из деревни «Верхушки»,
Оставив на женщин родные двory.
А ночью однажды, осипший от воя,
Ее разбудил чей-то голос: «Беда!
Наш фронт отошел после жаркого боя!
Спасайтесь! Немцы подходят сюда!»

Под утро уже полдеревни горело,
Металась огненным вихрем гроза.
У Ваниной мамки лицо побурело,
У Ани, как угли, сьеркали глаза
В избу вдруг вломились страшные люди,
В кровь мамку избили, расшибли ей бровь.
Сестрицу щипали, хватали за груди:
«Ти будешь иметь з нами сильный любовь!»

Ванюшу толчками затискали в угол.
Ограбили все, не оставив зерна.
Ванюша глядел на невиданных пугал
И думал, что это совсем не война,
Что Проше сестрица сказала недаром:
«Героем себя окажи на войне!»,
Что тятя ушел не за тем, чтоб пожаром
Деревню сжигать и жестоким ударом
Бить в кровь чью-то мамку в чужой стороне.

Всю зиму в «Верхушках» враги лютовали,
Подчистили все — до гнилых сухарей,
А ранней весною приказом созвали
Всех девушек и молодых матерей.

Злой немец — все звали его офицером —
Сказал им: «Ви есть наш рабочая зкот,
Ми всех вас отправим мит зкорым карьером
В Германия наша на сельский работ!»
Ответила Аня: «Пусть лучше я сгину,
И сердце мое прорастет пусть травой!
До смерти земли я родной не покину:
Отсюда меня не возьмешь ты живой!»
За Анею то же сказали подружки.
Злой немец взъярился: «Ах, ви не жалайт
Уехать из ваша несчастный «Верхушки»!
За это зейчас я вас всех застреляйт!»
Пред целым немецким солдатским отрядом
И их офицером с крестом на груди
Стояли одиннадцать девушек рядом.
Простившись с Ванюшею ласковым взглядом,
Анюта сказала: «Ванёк, уходи!»
К ней бросился Ваня и голосом детским
Прикрикнул на немца: «Сестрицу не тронь!»
Но голосом хриплым, пропойным, немецким
Злой немец скомандовал: «Фёйер! Огоны!»
Упали, не вскрикнули девушки. Ваня
Упал окровавленный рядом с сестрой.
Злой немец сказал, по-солдатски чеканя:
«У рузких один будет меньше керой!»
Все было так просто — не выдумать прощё:
Средь ночи заплаканный месяц глядел,
Как старые матери, шаткие мощи,
Тайком хоронили в березовой роще
Дитя и одиннадцать девичьих тел.

Бойцы, не забудем деревни «Верхушки»,
Где, с жизнью прощаясь, подростки-подружки
Не дрогнули, нет, как был враг ни лют!
Сметая врагов, все советские пушки
В их честь боевой прогрохочут салют!
В их честь выйдет снайпер на подвиг-охоту
И метку отметит — «сто сорок второй»!
Рассказом о них вдохновит свою роту
И ринется в схватку отважный герой!

Герой по-геройски убийцам ответит,
Себя обессмертив на все времена,
И подвиг героя любовно отметит
Родная, великая наша страна!

Но... если — без чести, без стойкости твердой—
Кто плен предпочтет смерти славной и гордой,
Кто долг свой забудет — «борися и мсти!»,
Кого пред немецкой звериною мордой
Начнет лихорадка со страху трясти,
Кто робко опустит дрожащие веки
И шею подставит чужому ярму,
Тот Родиной будет отвержен навеки:
На свет не родиться бы лучше ему!

БОЕВОЙ ЗАРОК

Лик этот скорбный, слезы эти
И обездоленные дети,
Врагом сожженный дом родной,
От обгорелого порога
Одна осталася дорога —
Искать норы в глуши лесной,
Покинув прах отцов и дедов,
Таков, Россия, жребий твой
В мечтах немецких людоедов!

Но — в испытаньях ты тверда.
Уже не раз, не два чужая
Остервенелая орда
Шла на тебя, уничтожая
Твои деревни, города.
Но на кровавых именинах
Умела ты принять гостей:
О, сколько на твоих равнинах
Истлело вражеских костей!
Ты отстоять себя сумела,
И слава о тебе гремела:
«Все, кто искал на Русь пути,
Ее природу знали скудно:
В Россию вторгнуться — нетрудно,
Трудней — назад живым уйти!»

Уроки прошлого не учат
Ослов: таков ослиный рок.
Им нужен новый, свой урок.
Так пусть они его получают!
Бойцы, дадим святой зарок:
«Разбить врага — в ближайший срок!»

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

В «двенадцатом году» — кавалерист-девица
И в «Крымскую войну» — отважная сестрица,
Она в дни Октября в «семнадцатом году»
Шла в Красной Гвардии в передовом ряду.
Да, русской женщине недаром мир дивится!
И не читали ль мы о немцах в эти дни,
 Как напоролися они
 На героиню-сталинградку.
Она, взамен того, чтоб указать пути
Врагам, как дом — для них опасный — обойти,
Их вывела на тесную площадку
Под самый наш огонь и крикнула бойцам:
«Стреляйте, милые, по этим подлецам!»
Пусть стала жертвою она немецкой мести,
Она пред миром всем раскрыла, как велик
Дух русской женщины и как прекрасен лик,
Суровый лик ее, готовый каждый миг
На подвиг доблести и чести!

Б О Е Ц - Г Е Р О Й

Подросток-девочка. Она
Бойцом-героем спасена,
У пса фашистского отбита.
Смертельной корчей сведена
Рука сраженного бандита.

Родной боец наш — невредим,
Неустрашим, непобедим —
Исполнен мощи сверхударной.
На грозный лик его глядим
Мы все с любовью благодарной,

НАРОДНЫЙ ОТВЕТ

Да, наш народ породы стойкой:
Свой фронтовой крепя заслон,
Врагу ответил он построшкой
Колхозных танковых колонн.
Колхозным боевым ответом
Ошеломлен фашистский сброд.
Как он сказался в деле в этом —
Весь осяян победным светом —
Наш удивительный народ!

ЭТО — ТО, ЧТО НУЖНО!

Недостаток кожи и ее заменителей вынудил советское командование выпустить обувь для войск — из сукна.

Можно себе представить, как тяжело сражаться русским в мороз в этой обуви!
(Римское радио от 19/XII 1942 г.)

Ай да Бенито! Влип знаменито!

(Новая итальянская пословица.)

Муссолини — речь о нем!—
Разболтался дуче,
Мол, у русских с каждым днем
Положенье круче,

Что дела их, видит бог,
Никуда не гожи:
Русский фронт насквозь продрог,
Потому что нет сапог:
Не хватает кожи!

В довершение всех бед
При заторе с кожей
Никакой замены нет,
На нее похожей.

Но у русских — к их стыду,—
Чтоб смягчить свою беду,
Сыскан в нынешнем году
Выход их исконный:
Так — у них в большом ходу
Стал сапог... суконный! —

Жалко дуче русских ног?
Нет, он зло смеется.
Он, болван, узнать не мог,
Что суконный наш «сапог»
Валенком зовется!

Брех понес о нем сплошной,
Брех нелепый и смешной,
Муссолини злобный.
Русский валенок родной,
Легкий, теплый, шерстяной
До чего хорош зимой,
До чего удобный!

Он в морозы и в снега
Серо пусть — на взгляд врага —
Выглядит наружно,
Да согрета в нем нога!
Вот чем обувь дорога!
Стало быть, что нужно!

Верный друг наш, он вдвойне
Нам дороже на войне
Зимней да морозной.
До чего ж охота мне
Городской вскричать родне
И родне колхозной:

Марья, Дарья, Митрофан,
Сашенька с Феклушей,
Епифан и Селифан,
Тетья Феня, слушай,

Слушай, дядя Ферапонт:
Шлите валенки на фронт!
Шлите срочно, дружно!
Это — то, что нужно!

ЛЮБАЯ КАРА ИМ МАЛА!

Вот до чего дошли фашистские бандиты:
Они дают своим собакам имена.
А человеку русскому — гляди ты! —
Иная в их глазах цена:
Покамест он от мук и голода не помер,
Фашисты на него навешивают номер!
 Не человек он вроде, нет,
 А вещь, хозяйственный предмет —
 Последнего к тому же сорта.
 Жалеть его — какого черта!
Пускай работает в мороз полунагим.
Начнет дерзить? Фашист убьет его бессудно
И «номер» выбывший — все это так не трудно!—
 Заменит «номером» другим.
Фашистских извергов мы привлечем к ответу.
Но как нам их карать? За все их за дела
 Любая кара им мала.
 Их преступленьям — меры нету!

ФАШИСТСКИЕ «ИСКУССТВОВЕДЫ»

«Трофейной» бандой Риббентропа
Была ограблена Европа,
Ее музеи и дворцы.
Набравшись опыта, фашистские злодеи
Пустились оголять советские музеи.
Картины, статуи, колонны, изразцы,
Культурных ценностей редчайших образцы —
 Все, что копили наши деды,
 Что завещали нам отцы,
В местах, где временной добился враг победы,
 Фашистские «искусствоведы»
 Разворовали, подлецы.
Среди фарфоровой посуды, тонкой, ломкой,
Средь древней утвари, средь драгоценных ваз
Они плясали дикий пляс,
Орудую ножом и фомкой.
Чего не увезли с собой,
То превратили в лом и в бой.

Но близок грозный час расплаты —
За разоренные старинные палаты,
За каждый наш музей, дворец культуры, храм
Придется воем выть, попавши в наши руки,
 Организованным ворам,
 «Профессорам и докторам»
 Фашистской подлой «грабь-науки», —
И первым пред судом свой воровской ответ
 Даст Риббентроп-«искусствовед»!

ЛЕГЕНДЫ СЛОЖАТСЯ О НЕМ!

Он пал. Но честь его — жива.
Герою высшая награда —
Под именем его — слова:
Он был защитник Сталинграда!

В разгаре танковых атак
Пал краснофлотец Паникак.
Им — до последнего патрона —
Держалась крепко оборона.
Но не под стать морской братве
Врагу показывать затылки.
Уж нет гранат. Остались две
С горючей жидкостью бутылки.
Герой-боец схватил одну:
«В передний танк ее метну!»
Исполненный отваги пылкой,
Стоял он с поднятой бутылкой:
«Раз, два... Не промахнусь небось!»
Вдруг пулей в этот миг насквозь
Бутылку с жидкостью пробило!

Героя пламя охватило,
Но, ставши факелом живым,
Не пал он духом боевым,
Не дрогнул волею могучей.
С презреньем к боли острой, жгучей,
На вражий танк боец-герой
С бутылкой бросился второй.

Удар! Огонь! Клуб дыма черный!
Огнем охвачен люк моторный,
В горящем танке дикий вой:
Команда взвыла и водитель.

Пал, совершивши подвиг свой,
Наш краснофлотец боевой.
Но пал, как гордый победитель!
Чтоб пламя сбить на рукаве,
Груди, плечах, на голове,
Горящий факел, воин-мститель,
Не стал кататься по траве,
Искать спасения в болотце:
Он сжег врага своим огнем!
*Легенды сложатся о нем,
Бессмертном нашем краснофлотце!*

НАРОДНАЯ СИЛА

Неслись вдоль полянки
Немецкие танки.
Им пушка за горкой была не видна.
Была эта пушка советской чеканки.
Их — тридцать, она —
Одна.

Громила танки она знаменито:
И в хвост и в гриву — и в тыл и в фасад.
Четырнадцать танков было разбито,
Шестнадцать — подрали назад.

Вот это работа была так работа!
А сила — с виду — была не равна:
Немецких танков — сбиться со счета,
Их — тридцать, она —
Одна.

Одна расправилась с танковой бандой,
Потому что была грозной силой сильна:
Семь отважных бойцов было с ней под командой
Лейтенанта Ильи Шуклина.

Восьмерка героев с пушкой за горкой —
А немцев взяла в какой оборот!
Потому что за этой геройской восьмеркой
Стоял могучий советский народ!

ЗАЛОГ ПОБЕДЫ

Жизнь примерами богата:
Фронт и тыл — родных два брата,
У обоих мать одна —
Вся Советская страна.

Наш рассказ начнется с тыла.
Жизнь в нем, ясно, не застыла,
А совсем наоборот:
Взбудоражен весь народ.
Все в горенье, все в движенье,
Все в геройском напряженье,
Тыл в работе день и ночь —
Фронту силится помочь.

Кизел — город есть, слышали?
Предки кизелцев пахали
И частенько в год худой
Хлеб жевали с лебедой.
Нынче там кипит работа,
Уголь — главная забота,
Лишь про уголь всюду речь:
«Надо, братцы, приналечь!
Мы докажем: наши копи
Не последние в Европе.
Нам страна дала наказ —
Мы ее послушны кличу! —
Угля прежнюю добычу
Перекрыть во много раз!

Мы нуждаемся в нем крайне.
Почему? Для всех не в тайне.
Вместе с фронтом вся страна
Уголь требует: война!
Для заводов оборонных,
И литейных, и патронных,
Всех, любого образца,
Нужен уголь без конца!
Ну, так в Кизеле вот в этом
Объявились нынче летом
Два — не знаю их с лица —
Машиниста-молодца:
«По понятным всем причинам
Нашим врубовым машинам
Мы дадим такую прыть,
Чтоб рекорд свой перекрыть
Достиженьем нашим новым.
Нас, Кошкарова с Жирновым,
Просим снайперов-стрелков
Всех дивизий и полков
Поддержать своим вниманьем,
Боевым соревнованьем.
На своих постах бои
Проведем мы беззаветно.
Присылайте нам ответно
Обязательства свои!»

Как прочли бойцы в газете
Это, значит, письмецо,
Стали думать об ответе:
Братский вызов налицо.
«Нет у нас таких законов
Избегать крутых высот!—
Молвил снайпер Номоконов,
Покосясь на вражий дзот. —
Фрицам пулек мы подбросим!
Чтобы снайперский мой счет
Довести мне до двухсот,
Сбить мне надо — двадцать восемь.
Цифра все ж! Но сладить с ней
Обязуюсь в десять дней!»

«А вот мне,— сказал Санжеев,—
Сбить четырнадцать злодеев,
Будет — сто. Зарок даю:
В десять дней я их набью!»

«Фрицам» есть все основанья
Русских «снайперского звания»
Ненавидеть зверски-зло.
«Фрицам» крепко не везло:
Новый вид соревнованья
Поубавил их число.
Показался «фриц» и — спекся,
Сразу в землю нос зарыл.
Номоконов так увлекся,
Что заявку перекрыл.
Сверх «двухсотенной» заявки
Дал четырнадцать надбавки!
Сто Санжеев объявил?
Но так метко бил и часто,
Что уже до срока за сто
Далеко перевалил!

*Наш народ и смел и ловок,
Спарил — доблестный почин!—
Меткость снайперских винтовок
С мощью врубовых машин.
Перед нами в виде чистом
Дня победного залог:
Там куется смерть фашистам,
Где так кровно с машинистом
Спаян меткий наш стрелок!*

ГВАРДИЯ

Вся страна читает жадно
От строки и до строки,
Как фашистов беспощадно
Бьют гвардейские полки.

Каждый день ведя облаву
На проклятое зверье,
Заслужив геройством славу,
Наша гвардия по праву
Носит звание свое.

В дни борьбы с фашистской сворой,
Трудовой утроив пыл,
Богатырскую опорой
Служит ей рабочий тыл:

Сил народных выраженье,
Дисциплиною тверда,
Ей кует вооруженье,
Боевое снаряженье,
Наша *гвардия труда*.

«ОБНА ТАСС»

ФАШИСТСКАЯ ВОРОНА, ИЛИ ЭРЗАЦ-ПАВА

С воровскою, с уголовною сноровкой
Занялась ворона-дура маскировкой:
В хвост воткнули ей, вороне, павьи перья.
«Покор-р-рить — кар! кар! — весь мир могу
теперь я!»
Геббельс взвыл: «Мейн бравер фюрер! Мейне павал
Ждет тебя победоноснейшая слава!»

Полетела эрзац-пава по Европам,
Наследила эрзац-пава не сиропом,
Кровью, смертью, разореньем наследила,
Затрубила: «Весь я Запад победила!
Остается мне дорваться до Востока:
Я расправлюся с Москвой в мгновенье ока!»

Но колючим оказался фронт восточный.
Был успех у злой вороны, да не прочный:
Под Москвою, под советскую столицей,
Грянул гром над разъярившеюся птицей.
Не ждала она подобного урона,
Растеряла павьи перья все ворона!

Просчиталась птица подлая, ошиблась.
«Я жива!— она кричит.— Я не расшиблась!
Я окрепну, я поправлюся весною!»

*Но — стальной наступаем мы стеною!
Но — могуча наша сила — оборона!
Мы добьем тебя, фашистская ворона!*

ГОРДОСТЬ РОДИНЫ

Победоносные страна ведет бои.
Народной доблести не выразить словами.
«Герои, сыновья мои,
Мать-Родина гордится вами!»

**ГЕРИНГ, ПАЛАЧ - ВАМПИР,
ФАШИСТСКИЙ ОБЕР-БАНКИР**

Карьеры Геринга кровавого начало.
В пивной бандитское чудовище мычало:
«Какой же это пир — сосать из кружки бир?!»
Ему мерещился иной, кровавый пир.

Бандит стал палачом. Палач стал богачом.
Забив немецкие мозги фашистским сором,
Став зверски промышлять соседних стран разором,
И нас решил он — вот ожегся гад на чем!—
Поработить огнем фашистским и мечом.

Но подошла гроза к фашистскому генштабу.
Как ни топорщится и чем нам ни грозит
Фашистский гад, банкир и хищный паразит,
Стальной советский штык, с ног сбивши эту жабу,
Свернет ей позвонки и шею ей пронзит!

«ФАШИСТСКИЙ РАЙ»

Палач и жертва. Резкий свист
Бича. Казнят не иноземца,
А провинившегося немца
За то, что он — антифашист!

У женщин, у живых мощей,
Берут последние обноски,
Всё грабят — вплоть до детской соски.
Сбор — «добровольный сбор» — вещей!

Приемов «вежливых» показ
(Таков фашистский был приказ).
Прилавок. Ни одной вещицы.
Но — вправлен «вежливый отказ»
В эрзац-улыбку продавщицы!

«Фриц» заслужил билет в балет.
— Любуйтесь танцами, обрубки!—
Жена, чтоб не попасть в ответ,
Сердечком складывает губки.

— Улыбок! Хмурость — под запрет!—
«Фашистский рай» — собачий бред!

ПОД ЛУЮ ТВАРЬ — НА ФОНАРЬ!

«Лаваль, кто он? Его багаж?»
«Торгаш».
«Чем он торгует, черт возьми?»
«Людьми».
«Своею, стало быть, родной...»
«Страной».
«Французов продает, как скот?»
«Вот, вот!»
«Он немцам выполнит наряд?»
«Навряд».
«Кто портит гаду оборот?»
«Народ».
«Французы все настороже?»
«Уже».
«Так он сидит как на ноже?»
«Уже».
«К зиме продержится Лаваль?»
«Едва ль».
«Не избежит злодей суда?»
«О да!»
«Получит, значит, эта тварь...»
«Фонарь!»

ФАШИСТСКАЯ «ФОРТУНА»

Пред нами главные фашистские уроды,
Всем их проклятые известны имена.
Кому — война,
Кому — доходы.
Фашистская «фортуна» — вот она,
Особой, так сказать, бандитской моды.

ЗНАК ЛЮБВИ НАРОДНОЙ

Бери, защитник наш отважный,
Предмет любой:
Наш дар — продукт отборный, важный
Перед тобой.
На вкус на свой, тебе угодный,
Любой предмет
Прими, как знак любви народной:
Ей меры нет!

**Н Е М Ц Ы Г О Р Ю Ю Т:
Р У С С К И Е Н Е П О П Р А В И Л А М В О Ю Ю Т !**

Геббельс хочет скрыть тревогу:
Русским ставит он в вину,
Что они ведут, ей-богу,
Не по правилам войну!

Что сказать бойцам советским?
«Бьем мы гадов, не таим,
Не по правилам немецким,
А по правилам своим!»

С В Е Р Х У Г О Л О В Н Ы Й Э К С П О Н А Т

Фашистский «фюрер», предводитель,
Винovníк величайших бед,
Разбойник лютый и грабитель,
Детоубийца, людоед,
Он будет связан, ввержен в клетку,
На клетке сделают отметку
С обозначеньем: «Гитлер. Гад»
(«сверхуголовный экспонат!»).
Гнус, презираемый всем светом,
Бандит, готовый со стилетом
Ворваться в каждый мирный дом,
Предстанет в диком виде этом
Перед карающим судом.

Б О Е В О Й С И Г Н А Л

Прекрасной Франции поруганная честь,
Угроза смертная ее культуре, жизни.
Петэн с Лавалем... Как приятна будет весть
О том, что Францией под клич народный—«месть»—
 Растоптаны предательские слизи.

Нет, гордой Франции фашистский злой полон
Не долго уж терпеть: в огнях уж небосклон,
 Уж слышатся со всех сторон
Сил нарастающих грозные раскаты,
 И героический Тулон
Дал боевой сигнал: «Ускорить час расплаты!»

1943

ПОЙ ГОРДО, РАДИОВОЛНА!

1 января 1943 г.

Переступая все границы
Вранья, немецкие врази
Какие только небылицы
Про фронт колхозный не плели!

Враг просчитался. Фронт колхозный
— Хозяин в собственном дворе!—
Дает ответ могучий, грозный
Фашистской подлой немчуре.

За заявленьем — заявленье:
Спеша исполнить подвиг свой,
И стар и млад, все население
Свой вносит вклад на укрепленье
Советской мощи боевой.

И, от Москвы и до Турксиба
К любому сердцу доходя,
Звучит любовное «Спасибо!»
Отца народов и Вождя.

Под зимним звездным небосводом
Пой гордо, радиоволна:
«С победоносным новым годом,
Непобедимая страна!»

М Е С Т Ь

Легенда

С грустной матерью, ставшей недавно вдовой,
Мальчик маленький жил в Верее под Москвой.
Голубятник он ласковый был и умелый.
Как-то утром — при солнечном первом луче —
Мальчик с голубем белым на левом плече
Вдруг без крика на снег повалился, на белый,
К солнцу лик обернув помертвелый.
Вечным сном он в могиле безвременной спит.
Был он немцем убит.
Но о нем — неживом — пошли слухи живые,
Проникая к врагам через их рубежи,
В их ряды, в охранения сторожевые,
В их окопы и в их блиндажи.

*

По ночам, воскрешенный любовью народной,
Из могилы холодной
Русский мальчик встает
И навстречу немецкому фронту идет.
Его взгляд и презреньем сверкает и гневом,
И, все тот же — предсмертный! — храня его вид,
Белый голубь сидит
На плече его левом.

Ни травинки, ни кустика не шевеля,
Через минные мальчик проходит поля,

Чрез колюче-стальные проходит препоны,
Чрез окопы немецкие и бастионы.
«Кто идет?»— ему немец кричит, часовой.
«Мечь!»— так мальчик ему отвечает.
«Кто идет?»— его немец другой
Грозным криком встречает.
«Совесь!»— мальчик ему отвечает.
«Кто идет?»— третий немец вопрос задает.
«Мысль!»— ответ русский мальчик дает.
Вражьи пушки стреляют в него и винтовки,
Самолеты ведут на него пикировки,
Рвутся мины, и бомбы грохочут кругом,
Но идет он спокойно пред пушечным зевом,
Белый голубь сидит на плече его левом.

Овладело безумие лютым врагом.
Страх у немцев сквозил в каждом слове и взгляде.
Была самых отпетых разбойников дрожь.
«С белым голубем мальчика видели...»

«Ложь!»

«Нет, не ложь: его видели в третьей бригаде.»

«Вздор, отъявленный вздор!»

«Нет, не вздор.»

Мальчик...»

«Вздор! Уходите вы к шуту!»

«Вот он сам!»

Мальчик с голубем в ту же минуту
Возникал, где о нем заходил разговор.
С взором грозным и полным немого укора
Шел он медленным шагом, скрестив на груди
Свои детские руки.

«Уйди же! Уйди!»—

Выла воем звериным фашистская свора.

«Ты не мною убит! Я тебя не встречал!»

«И не мной!»— выли немцы, упав на колени.

«И не мною!» Но мальчик молчал.

И тогда, убоявшись своих преступлений
И возмездья за них, немцы все — кто куда,
Чтоб спастись от кары, бежать от суда,—
И ревели в предчувствии близкого краха,
Как на бойне быки, помертвевши от страха.

Страх охватывал тыл, проникал в города,
Нарастая быстрее повальной заразы.
По немецким войскам полетели приказы
С черепными значками, в тройном сургуче:
«Ходит слух — и ему не дается отпору,—
Что тревожит наш фронт в полуночную пору
Мальчик с голубем белым на левом плече.
Запрещается верить подобному вздору,
Говорить, даже думать о нем!»
Но о мальчике русском все ширилась повесть.
В него веры не выжечь огнем,
Потому — это *месть*,

это *мысль*,

это *совесть!*

И о нем говорят всюду ночью и днем.
Говорят, его видели под Сталинградом:
По полям, где судилось немецким отрядам
Лечь костями на холодной, на снежной парче,
Русский мальчик прошел с торжествующим
взглядом,
Мальчик с голубем белым на левом плече!

БОГАТЫРСКИЙ НАКАЗ

Снявши шапку, в день морозный,
Бородат, седоголов,
Богатырь-силач колхозный
Боевых — на подвиг грозный —
Выпускает соколòв:
«Ой вы, соколы родные,
Крепкогрудые, стальные,
Час, минутка дорога!
Вылетайте на работу,
Соколиную охоту,
Бейте, соколы, с налету
Распроклятого врага!
Ни нутра его, ни пуха,
Не щадите ничего,
Чтоб в Стране советской — духа
Не осталось от него!

ГРОЗОВОЕ ПРЕДВЕСТИЕ

Таков фашистский мрачный фатум:
Во славу фюрера-балды
За отклоненный ультиматум
Пожать кровавые плоды.

Фашистам не дано отсрочки,
И сталинградские цветочки
Им предвещают там и тут,
Какие ягодки их ждут!

Н Е И З Б Е Ж Н О Е

Глуша фашистский брех бравурный,
Москву включивши в аппарат,
Благоговейно мир культурный
Внимает слову — *Ленинград*.

Уж сроки — верят все — недолги.
Вновь прозвучат слова Москвы:
«С врагом стряслось у Невы
То, что стряслось с ним — у Волги!»

С Л А В А!

Есть символика в природе,
В пышном солнечном восходе,
Прочь гонящем темноту,
Есть символика в народе,
В трудовом его быту,
В историческом сиянье
Боевых его годов,—
Есть символика в названье
Русских рек и городов.

Над великою Москвою,
Над святыней мировой,
Звезды вечности горят,
И над Волгой и Невою
Блещут славой боевою
С младшим братом старший брат —
Сталинград и Ленинград.

Ленинград со Сталинградом,
Обменявшись братским взглядом,
Завершают подвиг свой.
Сколько силы, воли твердой
В их уверенной и гордой
Переключке боевой,
В их геройстве безграничном,
В полыханье их знамен,
*В сочетанье символичном
Их сверкающих имен!*

На врага победным строем,
Расправляясь с подлым сбродом,
Наступает фронт стальной.
Слава воинам-героям!
Слава братским всем народам!
Слава всей стране родной!

ПРЕД МИРОМ ЗАСВЕРКАЛ...

Рычат, и щерятся, и пятятся враги
 Пред мощным натиском с востока.
Им ясно слышатся железные шаги
 Их настигающего рока.

Преступнейший маньяк сулил им навсегда
Отдать наш край родной и нашу жизнь в награду.
С какою лютостью разбойная орда
Рвалася к Волге, к Сталинграду!

Фашистских выродков, вошедших в буйный раж,
Зверей, охваченных грабительским угаром,
 Манил слепивший их мираж —
 Решить борьбу одним ударом.

Но волжский богатырь, как грозная скала,
Стоял, громя врагов, кромсая их тела,
Круша их технику, выматывая силу.
 Здесь вражья наглость обрела
 Свою позорную могилу!

Нет, не на вражьей стороне
Возникли образцы для новых поколений:
 В народе кованной броне
Пред миром засверкал — в боях, в громах, в огне—
Наш стратегический победоносный Гений!

Враг отбивается, встать силясь на дыбы,
Но Сталинград уже предрек исход борьбы,
Событий мировых став вехою рубежной.
Фашистам не спастись от ждущей их судьбы,
 Заслуженной и неизбежной!

МОСКВА

В работе огненно-кипучей
Полна энергии стальной,
Стоит Москва пред всей страной
Такой незыблемо могучей,
Такой несказанно родной!
Ее доспехи боевые
Хранят минувших сеч следы —
Ей отбиваться не впервые
От лютой вражеской орды.
Но насмерть всех она косила,
Кто гибели ее искал.
Безмерны мощь ее, и сила,
И героический закал.

НАРОДНОЕ МУЖЕСТВО

Мир не видал таких осад,
Какой был осажден могучий Сталинград.
Уж полчищ вражеских несчетные бойницы
Приблизились почти до волжских берегов,
Но город-богатырь, разгладив рукавицы,
Обрушил свой кулак на головы врагов,
И вот у вражьих тел, застывших средь снегов,
Замерзшие глаза расклеывают птицы!

Не так ли русскому Илье-богатырю,
Чьей доблести пример нам особенно дорог,
— Я белу грудь твою вспорю! —
В тягчайший час борьбы грозился лютый ворог?

Но богатырская рука была туга —
Илья ударом в грудь дух вышиб из врага
И, мстя нахвальщику, исполнен гневной страсти,
Труп разметал его на части!

Как много говорит народный этот сказ!
В нем есть пророчество, в былинном сказе этом:
Да, нашей Родине пришлось врагов не раз
Подобным потчевать ответом!

Не раз вторгались к нам враги со всех сторон,
Но, отражая их вторженье,
Мы не склоняли, нет, простреленных знамен
И, как завет былых времен,
Всю мощь собрав, несли врагу — уничтоженье!

Так, силясь обратить в пустырь
Цветущий Сталинград, злой враг удары множил,
Но мести час приспел, и волжский богатырь
Всю вражью нечисть уничтожил!

Победу, равную какой не видел свет,
Встречает наш народ восторженным приветом:
Среди блистательных побед
Она отмечена своим, особым, светом:

В ней — прошлого итог и образец — векам;
В ней — нашей доблести высокой утвержденье;
В ней — гробовой удар по вражеским полкам;
В ней — плана вражьего крушенье;
В ней — будущим, еще не явленным, врагам
Суровое предупрежденье.

*Непобедима та страна, борьбу ведя
Под солнцем славы незаходным,
Где гениальный план вождя
Пронизан мужеством народным!*

На нашей улице победный праздник! Слово
Сбылося вестее! Ликует стар и млад.
Двойною радостью народ советский рад:
Два наших города врага изгнали злого:
Ростов и Ворошиловград!

Раскатом громовым звучит сегодня снова:
«Преступному врагу от кары не уйти!»
Бойцы за родину, вам равных не найти!
Какая славная заложена основа
Победоносного дальнейшего пути!

Громите ж варваров фашистских без пощады!
Пусть знают злые псы, судьбе своей не рады,
Как мы за Родину стоим!
Раздавленные, впредь грозить нам эти гады
Закажут правнукам своим!

ПОБЕДОНОСНОЙ

Дочь *Октября*, росла и крепла ты в борьбе.
Народ, труднейшую переживая пору,
 Лелеял ревностно в тебе
 Свою надежду и опору.

Как любо видеть нам могучий твой расцвет!
Нет большей радости, светлее счастья нет,
Нет благороднее и выше наслажденья,
Как средь громов твоих блистательных побед,
Гордяся доблестью неповторимых лет,
Приветствовать тебя в день твоего рожденья!

Все: горы и леса, пески и чернозем,
Зарниц над зрелыми полями полыханья —
Все то великое, что мы в себе несем,
 Размах труда и созиданья,
Способность выдержать любые испытанья,
Отражены в тебе — народная во всем.
Ты обнаружила пред миром весь объем,
Всю ширь и глубину народного дыханья!

Враг на тебя напал, кичася и грозя,—
 Ты доказала непреложно,
 Что утратить тебя — нельзя,
 В боях осилить — невозможно!

Народная во всем — и в мужестве своем,
И в несгибаемом упорстве,
Ты выявила сил невиданных подъем
В невиданном единоборстве!

Победоносная, тебе, в огне побед
Несущей злым врагам суровую расправу,
Наш вождь и весь народ шлют боевой привет
И гордо возглашают — *славу!*

НАРОДНЫМ ГЕРОИНЯМ

Сестры наши и подруги,
Вашу доблесть и заслуги,
Ваши подвиги-дела
Свято чтя, страна родная,
Честь героизму отдавая,
Лавром славы обвила
Мрамор вашего чела!

Сестры, мы ль бесславно сгинем?!
Солнце знает в небе синем,
Что мы боремся — за свет!
Враг упрется — опрокинем!
Горы встанут — горы сдвинем,
Продолжая путь побед!

Вам, народным героиням,
Братский праздничный привет!

Б О Е В О Й П Р И З Ы В

О русской женщине любовные слова
Волной разносятся эфирной,—
Все, что поет о ней и говорит Москва,
Легендой сделалось всемирной.

Она — отважна и быстра,
Помочь бойцам повсюду поспевая,
Она и снайпер, и сестра,
И сандружинница на фронте боевая.

В тылу таких заводов нет,
— Немыслимо представить даже!—
Где б не мелькал ее платок, или берет,
Или шугай, давно свой потерявший цвет,
Насквозь промасленный, весь в копоти и в
саже,—

Она у молота, токарного станка,
В прохладной сборочной и в пламенной литей-
ной,
И гордо хвалится почетная доска
Работою ее первостатейной!

В колхозе на ее плечах
Неизмеримая, гигантская работа.
Волнение жаркое горит в ее очах
И неустанная отражена забота.

В колхозных сотах нет, куда ни загляни,
Ячейки, где б она свой вклад не привносила, --
Здесь в боевые наши дни
Она — решающая сила!

В дни эти грозные, средь тяжестей войны,
О сестры наши и подруги,
Вы показали, как и духом вы сильны
И волею стали упруги.

Народом, всей родной страной оценены
И доблесть ваша и заслуги!
Враг, рвавшийся на юг на наш и на восток,
Он получил от нас убийственный урок.

Мы поработали — и тыл и фронт — не даром!
Но враг еще силен, упорен и жесток,
И должен, сестры, стать ваш трудовой поток
Еще полней, сильнее, чтоб в надлежащий срок
Нам повалить врага решительным ударом!

*Пусть новых подвигов могучая волна
Обрушит на врага наш гнев неукротимый!
Вас к этому зовет родная вся страна,
Зовет наш фронт и — Вождь любимый!*

ВОЛК - М О Р А Л И С Т

Воздушные бомбардировки городов противоречат законам этики.

(Заявление немецкого генерала авиации Кваде.)

Расскажем басенку, тряхнем... не стариной.

*

У деревушки у одной
На редкость лютый волк в соседстве объявился:
Не то что, скажем, он травой не кормился,
А убивал ягнят
Или телят,—
Нет, он свирепостью был обуян такою,
Что людям не давал покою
И яростно грибной и ягодной порой
Охотился за детворой.
Не диво, что вошел волк этот лютей в славу:
Мол, вепрю он сродни по силе и по нраву,
И в пасти у него впрямь бивни, не клыки.
Засуетились мужики.
На волка сделали облаву.
«Ату его! Ату!»— со всех сторон кричат.
Лишася вскорости волчихи и волчат,
Волк стал переживать, как говорится, драму:
«У мужиков коварный план.

Того и жди беды: не попадешь в капкан,
Так угораздишь в волчью яму...
Нагрянут мужики... Возьмут тебя живьем...
Какой бессовестный прием!..
Бить будут!.. Насмерть бить!..»
Волк жалобным вытьем
Весь лес тут огласил, из глаз пуская жижу:
«И уверял еще меня какой-то враль,
Что, дескать, у людей есть этика, мораль!
Ан этики у них как раз я и не вижу!»

ЗА НАМИ — РОДИНА СТОИТ!

Россия, — слово о тебе,
О сказочной твоей судьбе,
О мощи, гибельной для наглых сумасбродов,
Пытавшихся грозой грабительских походов
Сжечь все, что в доблестном твоём стоит гербе,
О крепости твоих стальных основ и сводов,
О героическом, испытанном в борьбе,
Содружестве твоих народов!

Многоплеменная великая семья!
В едином строе бытия
Она слилась в одно и кровно и духовно:
Мухтара мужеством любитесь Илья,
О подвигах Ильи, восторга не тая,
Мухтар слагает песнь любовно;

Самед на смерть идет, чтоб не погиб Семен,
Собою жертвует Семен за жизнь Самеда,
И переключка их имен
Гремит в боях вокруг священных им знамен,
Пароль их — Родина, и лозунг их — победа!

Враг угрожает их родным полям, лесам,
Родным лугам, горам, ущельям и долинам.
Прислушайся к бойцам, к их грозным голосам:
То рядом исполин с могучим исполином
В бой ринулись в строю едином, —
Презренье, ненависть и месть фашистским псам
В их львином натиске, в полете их орлином!

Сурово-боевым содружеством горды,
Бойцы прошли сквозь дни неслыханной страды,
Деля совместные и радости и беды,
И осеняет их ряды
Крыло сверкающей *Победы!*

Но потесненный враг еще не сломлен, нет!
Канун блистательных побед
Есть боевой канун наигрознейшей схватки.
Былинный помнить мы обязаны завет:
«Не порешив врага, богатырям не след
Средь чиста поля на обед
Открыто разбивать палатки;

Пока не размозжил ты черепа змеи,
Успокоения не ведай!»
Нам предстоят еще тягчайшие бои
Пред тем, как увенчать все подвиги свои
Всесокрушающей победой!

Фашистский лютый гад до смерти ядовит,
Он яд опаснейший к концу борьбы таит.
Богатыри, добьем израненного гада!
За нами Родина стоит!
Победа — доблести награда!

С О В Е Т С К О Й Б О Е В О Й Т Е Х Н И К Е — С Л А В А !

Оружье — страшное на вид —
Фашистских выродков, зарвавшихся злодеев.
Оно чудовищный имело «аппетит»,
И вот — плененное — оно теперь стоит
В Москве на выставке трофеев!

Уставя дула вверх, не зная, как им быть,
Все пушки — целые совсем и инвалиды —
Готовы, кажется, завывать
От оскорбления и обиды!

Площадка детская и детская игра.
Еще не видел мир таких киноэкранов:
Бескрайный ряд стальных фашистских великанов
И — безнаказанно толпится детвора
У вражеских аэропланов.
Танк создан не для детских игр:
По тельцам он ходить предпочитал по детским!
Но этот зверь — по кличке «тигр» —
С нутром своим живым, немецким,
Сержантом был подбит советским!

А сколько взяли мы трофеев за войну!
Не может их вместить одна Москва-столица.
Фашистской техники всей, что у нас в плену,
Здесь только малая частица!
Враг техникой богат и техникой силен.

Но, вражьей технике дивясь — и впрямь могучей,
Мы гордо думаем: враг бит и посрамлен
Мог быть лишь техникою лучшей!

И Родина ее, мы знаем, создала
В кузнечной не в одной и не в одной литейной!
Советской технике и слава и хвала!

Она недаром прослыла
На мир на весь — первостатейной!
О качествах ее нам говорят дела
И чудищ вражеских остывшие тела
На нашей выставке трофейной!

Д О В Е Р Ч И В Ы Й К У М

Тревожные пошли по избам разговоры:
Деревню осадили воры!
Лишь одному Кузьме как будто горя нет.
«Есть у меня такой,— он объявил,— секрет:
Ворью не подобрать к нему вовек отмычки!»
Какой секрет, Кузьма — резонный был мужик!—
Таился, прикусив язык:
Держался не худой привычки.
И все ж одной душе открыл секрет Кузьма:
Был пьян, разнежился ль, но оказал доверье
Куме Лукерье.
Кума на то кума,
С кумы не спрашивай зарока:
Болтливая кума, что вызнает сама,
Всем расстрекочет, как сорока.
Пошел секрет Кузьмы по всем дворам гулять.
А чрез неделю, глядь,
— Да как же буду жить теперь я!
Разо-о-ор!.. Разбо-о-й!.. —
Взвыл обворованный Кузьма перед избой,
В которой было всех остатков — пух да перья.
«Как воры мой секрет открыли, не пойму!»
«Наверно, сам его ты выболтал кому!» —
Журили мужики Кузьму,
А громче всех... кума Лукерья!

Сам подкузьмил себя Кузьма.
Простая басенка весьма,
Но поучительная крайне:
Болтливость — враг военной тайне!
Вкруг нас — будь бдителен и не теряй ума! —
Шныряет не одна «болтливая кума»!

К И Н Ж А Л

Как Гитлер яростно визжал:
Его дела — не надо краше!
«Орловский клин» в его руках «кинжал»,
И он направлен — в сердце наше!

Мы вырвали из рук врага орловский клин,
Не будем ждать, пока всем время растолкует,
Куда вонзит кинжал советский исполин.
Но признак, роковой для немцев, есть один:
*Орел и Белгород — у нас, Москва — ликует,
И содрогается — Берлин!*

ФАШИСТСКОЕ «СВЕРХОРУДИЕ»

*Из опилков калачи,
А начинка — враки;
Косят сено на печи
Молотками раки!*

(Шуточная песенка.)

Количество русских пленных, захваченных под Орлом, буквально неисчислимо.

(Берлинское радио.)

Фашисты в диком изумленье:
«Что получилось с войной!»
Солдаты в зимнем настроенье,
Хоть на дворе и летний зной.

Ах, что все «тигры», «фердинанды»!
Что все растрепанные банды
Дивизий битых! Где их пыл!
Они не слушают команды
И норовят укрыться в тыл!

В такой беде от Шпре до Тибра
Вдруг раздалось: «Фёйер! Пли!»
Фашисты страшного калибра
Орудие изобрели.

Вот это дуло так уж дуло!
Заряд— в сто сорок три версты!
Когда орудие «пальнуло»,
Хватились все за животы,

Всех, даже самых нелюдимых
Людей от смеху растрясло;
Взметнулось «цифр неисчислимых
Неисчислимое число!»

Расходу немцам — на полушку,
А между тем какая прыть:
Изобрели такую «пушку»,
Что невозможно перекрыть.

Продукт особых «инженеров»!
Немецких армий стоит трех:
Невероятнейших размеров
Невероятный — *самобрех!*

ПО ГОСТЮ — ВСТРЕЧА

В деревне был мужик Хаврош, головорез.
Он бесперечь со всеми в драку лез,
Чужое загробал, не за свое боролся.
Косясь давно уж на Фому,
В избу — непрошенный — вломился он к нему,
Решил: врасплох его возьму!
Не на такого напоролся:
Был встречен так Хаврош Фомой,
Что еле-еле
С кровавыми отметками на теле
Дополз домой.
Деревня вся далася диву:
«Хаврош-то, слышали? Поди, теперь его
Не будет уж тянуть к чужому пиву!»
«Да, встретил, друг Фома, Хавроша ты... тово...
От угощенья твоего
Ему остаться вряд ли живу!»
«Как мог, так гостя привечал,—
Фома с улыбкой отвечал,—
Не важно встретил. Делать неча.
Какой был гость. По гостю — встреча».

*

У немцев стынет кровь от фронтовых вестей:
Не чаяли такой закуски.
Что делать? Русские — непрошенных гостей
Привыкли мы встречать по-русски.
Вломились «гости» к нам — враги.
Так «по гостям и пироги»!

**НАД ХАРЬКОВОМ ВЗВИЛОСЬ
РОДНОЕ НАШЕ ЗНАМЯ!**

События идут закономерным ходом.
Враг тщетно силится — зарвавшийся игрок! —
Замедлить, отдалить расплаты близкий срок.
Перед фашистским подлым сбродом
Встает неотвратимый рок.

Над Харьковом взвилось родное наше знамя
И засверкала вновь советская звезда,
Он снова наш, он снова с нами,
Освобожденный — навсегда!

Враг защищается. Он в исступленье лютом.
Но мощь его потрясена.
И победителей торжественным салютом
Приветствует Москва и вместе с ней страна!

Пусть Харьков разорен, пусть он — полуруина,
Неповрежденного пусть нету в нем угла,
Но в нем родная *Украина*
Залог победы обрела.

Победа наша стала зримой,
И истиной звучит уже неоспоримой,
Что гибелью врагу грозит обратный путь,
И в страхе чудится его орде смятенной,
Что ей не избежать воды студеной
В своей «Березине» глотнуть!

ЗВЕЗДЫ ВЕЧНОЙ СЛАВЫ

В честь победителей и мастеров войны
От имени родной страны,
Всех городов ее и самой дальней хаты,
По всей Москве гремят и вдаль разнесены
Салюта мощные раскаты,
И звездной россыпью, распространяя свет,
В ночную синь небес взвились огни ракет.

Незабываемо-волшебная минута
Сменяется другой. И пушки уж молчат,
Но в сердце музыкой победною звучат
Раскаты гордого салюта!

Уж нет огней ракет, но синий небосвод
Весь в звездной россыпи; бессмертно-величавы,
Свершают звезды в нем свой лучезарный ход —
И сердцем чувствует восторженный народ:
То — звезды вечной нашей славы!

НАШИ ДЕТИ

*Повесть*¹

Гремели пушки за горой.
Служа в депо «Орел второй»,
Отец в тот день, такой угарный,
Был в рейсе: вел состав товарный.
Да, машинист он был — герой.
Остались под немчурою
Мать с Таней, младшей их сестрою,
И вот они — два огольца,
Два разудалых молодца.
Спастись Володе и Сереже
С Танюшей было б можно тоже,
Но как больную мать спасти?
Мальцы — взялась где сила! Чудо! —
Ее пытались унести,
Но шибко сделалось ей худо.
Туда, сюда... А немчура
Уже галдела у двора.

Семья забилась в темный угол.
Но от немецких серых пугал
Сначала было полбеды:
Рвалися немцы до еды —
Уж до чего же жрать здоровы!
Семья лишилася коровы,
И боровка, и кур. Ну что ж!

¹ В повести рассказывается о фактах, имевших место в г. Орле.

На то и немцы. Дело ясно.
Лишь покосись — они за нож.
С такими в спор вступать опасно,—
Фронт от Орла ушел вперед,
В Орел явились немцы-бесы
С особым прозвищем — «эсэсы»,
Тут до людей дошел черед:
Повсюду обыски, облавы,
Людей хватали для расправы;
Кто попадал в немецкий ад,
Не возвращался уж назад.

В семье Сереже и Володе
Пришлось быть на́большими вроде
И хлопотать насчет еды,
Ходить в тайник на огороде
Так, чтоб не выдали следы.
В ту зиму был жестокий холод.
На рынок — в довершенье бед —
Придиза не было. «Обед»
И «хлеб» — сменило слово «голод».
Людей пошло всюду косить.
Всплошную семьи вымирали.
Покойников не убирали:
Их было некому носить.
Семья Володи и Сережи
До лета все же дожила.
Денечки летние погожи,
В избытке света и тепла,
Да и с едою тож поправка.
Хоть не заменит хлеба травка,
Голодным вкусен всякий злак.
Перебивались кое-как.
За летом осень вновь сырая,
За нею вслед зима. Вторая.
Свалил и мать и Таню мор.
Немецкий ставленник, квартальный,
Фрол Сукин, пьяница и вор,
Гад безобразный и нахальный,
Ввалился с руганью во двор,
Пристал к Володе и Сереже:

«Больных скрывать! Вы это что же,
Пошли на это, знать хочу,
С ума большого или сдуру!
Сейчас же марш в комендатуру,
Объявку сделайте врачу!»
Врач дал лекарство без отказа:
«Вот капли. Свалит всю заразу».
От этих капель — верно! Да! —
Мать с Танечкой заснули сразу,
Заснули сразу — навсегда!
Отраву матери и Тане
Дал врач. Каких еще улик!
Ведь немцы знали всё заране:
Пришел в предутреннем тумане
К воротам крытый грузовик.
В него забросили два трупа,
А домик — ладный, не халупа —
Был подожжен. Сгорел дотла.
Сгорело их гнездо родное,
Осталось сироток двое
И без семьи и без угла.

Пришлось — в зимнюю-то пору! —
На огороде лезть им в нору
(Картошка, благо, в ней была).
Там и ютились до тепла.
Пошли меж тем у нас на фронте
Великолепные дела.
Ярились немцы: их не троньте,
Не отдадут назад Орла!
Шли их полки на фронт и роты.
Но уж в Орле огонь лизал
Столбы немецкие. Вокзал
Громили наши самолеты.
Повеселел в Орле народ:
«Слышь, наша сила верх берет!»
Пустились немцы в эту пору
Хватать орловцев без разбору.
Людей ловили день и ночь,
Чтоб их в Германию волочь.

Пришлось Сереже и Володе
Сидеть все время в огороде,
Не вылезая из норы,
Густой покрывшейся крапивой.
Но тут их, выпялив шары,
Накрыл квартальный шелудивый:
«Хе-хе! Укрылись от жары!
Ну, вылезайте, комары!»
Мальцы подумали: «Пропали!»
Так на вокзал они попали,
Где пред погрузкою в вагон
Загнали их в людской загон.
В загоне уймища народу,
Все, как опущенные в воду,
У всех, видать, на сердце лед.
«Сбежать! — вздохнул Володя.— Дудки!
Забор. Сторожевые будки.
У каждой будки пулемет».

Всполох был ночью. Две сестры ли,
То ль две подружки — раз и раз! —
Себе ножами жилы вскрыли.
«Жаль, нету ножичка у нас!»
Мальцам хотелось сделать то же,
Но передумали. «Не гоже!
Дрожит немецкий гарнизон,
Уж наши близятся, похоже,
Так умирать какой резон!
Устроить с жизнью-то разлуку
Всегда успеется».

«Ай-ай!» —

Горел костер, и невзначай
Ожег себе Сережа руку.
Тут повели два брата речь:
«А ведь не плохо б руку сжечь.
У немцев на здоровых виды.
На кой им леший инвалиды!»
«Давай сожжем. Прямой резон!»
А подходил уж эшелон.
Девяц два брата торопили,

Костер плотней бы обступили.
Ручонку, как кувшин гончар,
Володя первый сунул в жар,
Шипя, раетрескалася кожа.
Но, изо всех крепяся сил,
Губу Володя закусил,
Успев сказать: «Терплю, Сережа.
Я маме с Таней подносил
Рукою этою отраву.
Казню теперь ее по праву!»

Володя муку превозмог,
В костре с минуту руку жег,
Не вынимал ее оттуда,
Пока ему не стало худо.
Очнувшись, носом потянул:
«Запахло жареным. Забавно!»
На брата ласково взглянул:
Сережа был испуган явно,
Едва ворочал языком:
«Володя... ты... — И тихо хныкнул.—
Володя, ты меня... силком...
И рот зажми... чтоб я не крикнул».
«Силком. И рот тебе зажми.
Я ж однорукий, в толк возьми.
Девицы, может, вы... Готовы:
Разрюмились! Годны на что вы!
Хотите всполошить народ,
Завывши всеми голосами!
Ложись, Сережа... Мы уж сами...»
Володя, в ход пустив живот,
Зажал собой Сереже рот
И придержал его ручонку.
Потом хвалил его: «Ну вот!
А то... изобразил девчонку!»
Перед погрузкой в эшелон
Явился офицер в загон
Уродство мальчиков приметя,
Сказал: «Зашем нам эта детя!»
И приказал: «К шертям их! Вон!»

Два мальчика, родных два брата,
Лежат в палатке медсанбата.
При возвращении Орла
Их наша часть подобрала.
Они и в ласке и в привете.
О них прописано в газете
По чистой правде, без прикрас.

*Ну, есть ли где еще на свете
Такие дети как у нас!*

САЛЮТ ПОБЕДИТЕЛЯМ

О русской славе незаходной
Отрадно петь ее певцам.
Привычкой стало всенародной
Салютовать своим бойцам.

Вчера — победа в Приазовье,
Взят Мариуполь, взят Бердянск,
Сегодня пушек славословье —
Салют бойцам, вернувшим Брянск.

И вот сейчас, сию минуту,
Родной народ по всей стране
Внимает новому салюту:
Стал наш — Чернигов на Десне!

Все напряженнее и строже
Взгляд у бойцов. Вперед! Вперед!
Отрадно видеть до чего же,
Что наша сила верх берет,

Что не сегодня-завтра грянет
Победоносное «ура»:
То Киев к жизни вновь воспрянет
И руки братски к нам протянет
С крутого берега Днепра!

ОСВОБОДИТЕЛЯМ ПОЛТАВЫ

Название славное *Полтавы*
Звездой немеркнувшей горит.
Над полем доблести и славы
Орел торжественно парит.

Здесь наша русская отвага
Свершила чудо наяву,
Когда «воинственный бродяга»¹
Искал дороги на Москву.

Другой «искатель» — легендарный! —
Изведал легендарный крах ²,
«Искатель» третий — сверхбездарный! —
Летит в провал на всех парах.

Погибнет он на Украине,
То ль в Белоруссии падет,
То ль мы добьем его в Берлине,—
Злодей от кары не уйдет!

Зверь в огневом кольце облавы.
Он обречен. Пощады нет.
Освободителям Полтавы,
Борцам за Родину — привет!

¹ Карл XII (см. поэму «Полтава» А. С. Пушкина).

² Наполеон.

БОГАТЫРСКАЯ ПЕРЕПРАВА

Седой наш Днепр нам не преграда
И не ограда для врага.
Для победителей отрада —
Очистить от гнилого смрада
Его святые берега!

Днепр — в новой силе, в новой славе —
В места, где вражеской ораве
Грозы смертельной не отвесть,
О богатырской переправе
Несет ликующую весть!

Отважно овладев стремниной
Родной прославленной реки,
Исполнены отваги львиной,
Правобережной Украиной
Идут советские полки!

То, взяв в охват простор раздольный,
Через леса и пустыри
Идут победно в город стольный
Былинные богатыри!

ПОДАРОК СТОЛИЦЫ

Освобожденный, отомщенный,
С израненным боями видом,
Завод-гигант неосвященный
Стоит ослепшим инвалидом.

Вдруг — сноп лучей. Он был так ярок!
Восторгом озарились лица:
Энергопоезд, свой подарок,
Прислала им Москва-столица!

И вот поэму в новом роде
Поют турбины на колесах.
Зажегся свет на всем заводе
И отразился в ближних плесах.

В цехах завода-исполина,
Где бесновались вражьи дзоты,
Раскрылась яркая картина
Восстановительной работы.

Завод остывший искр не мечет,
Все взорвано — котлы и краны
Но уж народ усердно лечит
Его зияющие раны.

К нему стремятся строй за строем
Отряды срочного ремонта.
*Привет строителям, героям
Восстановительного фронта!*

РАД ОТЕЧЕСТВУ СЛУЖИТЬ!

Генерал бойцов-героев
После боя награждал.
Автоматчик Новостроев
Награждения не ждал.

Вдруг он вызван! Дрогнув бровью,
Задышал он горячо.
Генерал его с любовью
Взял рукою за плечо,

И сказал при всем он строе:
«Честь герою и хвала
За отличие боевое,
За отважные дела!

Смерть неся фашисту-гаду,
Ты собой не дорожил
И высокую награду
За геройство заслужил!»

Гордый радостью такою,
Верный Родины солдат
Тронул ласково рукою
Свой надежный автомат

И ответил, сдвинув брови,
Все в слова стремясь вложить:
«До последней капли крови
Рад Отечеству служить!»

МУДРЫЙ СКАЗ

Колдун уральский бородатый,
Бажов, дарит нам новый сказ.
«Живинка в деле» — сказ богатый
И поучительный для нас.
В нем слово каждое лучится,
Его направленность мудра,
Найдут чему здесь поучиться
Любого дела мастера.
Важны в работе ум и чувство,
В труде двойное естество,
«Живинкой в деле» мастерство
Преображается в искусство,
И нет тогда ему границ,
И совершенству нет предела,
Не оторвать тогда от дела
Ни мастеров, ни мастериц,
Их вдохновение безмерно,
Глаза их пламенем горят.
Они работают? Неверно.
Они — творят!

ЗИМА ИДЕТ!

Не видел Гитлер летом света,
Жару почувствовал зато...
Забормотал он: «Это лето
Совсем не то,
Совсем не то...»

И осенью прохвост в горячке,
Прохвоста клонит к зимней спячке,
Томит об отдыхе мечта...

Но холод жара не остудит!
Пусть Гитлер нас не обессудит —
Зима для немцев будет... та.

ПАМЯТИ БОЙЦА
(Е. М. ЯРОСЛАВСКОГО)

Одолевая гнет смертельного недуга,
На боевом посту стоял он до конца.
В нем наша родина лишилась бойца,
Бойцы — испытанного друга.

Глашатай пламенных идей,
Разивший всех врагов, вскрывавший их подвохи,
Войдет он в пантеон блистательных людей
Великой ленинской и сталинской эпохи.

ГЕББЕЛЬСОВСКИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ, «РОЖДЕСТВЕНСКИЕ» ДО УМОПОМРАЧЕНИЯ

Берлинская «ночь под рождество».
Геббельсовское естество
Протестовало против доврёмённой кончины.
Из-за этой причины
Сидел Геббельс в бомбоубежище за столиком
Этаким меланхоликом:
«Канун рождества
Без праздничного торжества,
Без хвастовства
О победном марше!»
В припадке тоски
Растирая себе виски,
Геббельс диктовал секретарше:

На этот раз рождество не может быть для нас праздником мира и счастья. Пусть же оно будет для нас праздником этой тоски, испытываемой миллионами.

Над убежищем грохот и шум:
«Бум-м!.. Бум-м!.. Бум-м!.. Бум-м!..»
Куда попало, интересно?
В убежище душно и тесно.
Но, сделав на бодрость установку,
Геббельс продолжал диктовку:

У нас теперь легкий багаж. У многих из нас осталось не-много. Потеря имущества лишь усугубила нашу стойкость и бсевую ршимость.

Геббельс вздохнул: «Ох, житье!
Бывало, раздуешь кадило,

Любое вранье
С рук сходило.
А нынче без правды нельзя:
Извиваясь, скользя,
Приходится вкрапливать правду частично.
Надо врать эластично!
Развелось столько нытиков,
Критиков,
Подпольных политиков!
Куда от них скрыться?
Разве в землю зарыться?
Или в воду нырнуть?
ТЬфу! Сбиваюся с тона.
В конце фельетона
Надо ввернуть
Лирическое что-нибудь:

Нам пришлось потесниться как в больших городах, так и в деревне. Но при этом мы только по-настоящему узнали друг друга».

Фашисты, в разбойной войне
Дойдя до неслыханного окаянства,
Присвоить пытались в чужой стороне
Как можно побольше пространства.
И вдруг — какой оборот!
«Веселися, немецкий народ:
Нам пришлось потесниться!»
Могло ли фашистам такое присниться?
Неважно для них обернулись дела,
Но им главное — не обнаружить испуга.
Теснота вдруг им стала мила:
Теснота помогла
Распознать им друг друга!

Для каких это все говорилось ушей?
При какой обстановке?
Что мы вправе сказать о подобной трактовке?
Это — пляска мышей
В мышеловке.

«ОБНА ТАСС»

В П Е Р Е Д — К Р Е Ш А Ю Щ И М Б О Я М !

Колхозник доблестный, отец
Зерном обильно фронт снабжает.
Сын старика, герой-боец,
В боях врагов уничтожает.
Зерно на фронте со свинцом
Сомкнулись в подвиге едином!

Гордится сын родным отцом,
Отец гордится славным сыном,
Страна обоими горда—
Героем сельского труда
И фронтовым бойцом-героем —
И воздает им честь обоим:
«Привет отцам и сыновьям!
Вперед — к решающим боям!»

СВИРЕПОСТЬ БЕШЕНОГО ПСА

Клыки расшатаны, подбиты...
Кровоподтеки... пол-уса...
Глаз лютый лезет из орбиты...
И все отчаянней, гляди ты,
Свирепость бешеного пса.

Но как он ни ярится шало,
Не устрашит он никого:
Мы знаем, близится начало
Предсмертных судорог его.

Факт, установленный не басней,
Что зверь взбесившийся тем злей,
Тем ядовитей и опасней,
Чем ближе — к гибели своей!

«ДАРЫ» ГИТЛЕРА

Фельдмаршал Роммель скорчил мину,
Но только мина уж не та.
Утратив войска половину,
Скребя исхлестанную спину,
Бока и прочие места,
По направлению к Берлину
Подрал он летом. Красота!

Дивясь собственной «удаче»,
Он горделиво смотрит вниз,
Где бросил обреченных сдаче
Мыс Бон, Бизерту и Тунис.

В Берлин! Там ждет его награда.
В Берлине — после Сталинграда! —
Стал Гитлер моду утверждать:
Своих фельдмаршалов побитых,
Позорной славою покрытых,
Дарами чести награждать.

Позор — в торжественном уборе!
Мы убежденья не таим,
Что Гитлеру придется вскоре
«Дары» готовить не двоим,
А всем фельдмаршалам своим!

Т Е С Н И М В Р А Г А !

Еще сражается фашистская орда,
Еще не все свои деревни, города
Освободили мы от вражеского гнета.
Но терпит враг от нас урон,
И не сегодня-завтра он
В стальные попадет тенета!

ВРЕМЕННОЩИКИ

«Злодеяния немцев говорят о слабости фашистских захватчиков, ибо так поступают только временщики, которые сами не верят в свою победу. И чем безнадежнее становится положение гитлеровцев, тем более они неистовствуют в своих зверствах и грабежах».

(Из доклада товарища
И. В. Сталина 6 ноября 1943 г.)

Фашистский факельщик, взбесившийся дикарь,
С перекосившейся от страха гнусной харей!

Отвратней нет на свете тварей,
Чем эта мерзостная тварь.
Она, покамест не убита,
До самой смерти ядовита.

Ее преступный след — пустыня, кровь и гарь,
И слезы вдов, сирот, лишенных хлеба, крова.
Боец, да будет же рука твоя тверда,
И месть губителям народного труда,
Как смертный приговор, безжалостно-сурова!

1944

ВСТРЕЧА

Бескрайной гладью снеговою,
Свершив последний свой обход,
Увенчан славой боевою,
Уходит в вечность старый год.

Сверкая бранною кольчугой,
За ним, грозя врагам бедой,
Идет походкою упругой
Его преемник молодой.

В урочный миг, в какой ни звука
Не уловить, ни огонька,
Была их встреча и разлука
Неуловимо коротка.

Один вступил в свое начало,
Другой свою исполнил роль,
И в двух сердцах одно звучало:
«Победа» — лозунг и пароль!

«РАЗЛУКА ТЫ, РАЗЛУКА!»

«Куда я ноги унесу-у-у-у!
Как я волчат своих спасу-у-у-у!
Я растеряла их и след их позабы-ы-ы-ыла!» —
 В глухом лесу
 Волчиха выла:
Она рождественской студеною порой
 Переживала муки
 Разлуки
С «родной своею детворой».
Чужая детвора — совсем иное дело:
 Тут знай лишь тещь свою корысть,
Не уставай чужих детей терзать и грызть,
 Нагуливай, волчиха, тело!
Под волчьим лозунгом — «своих детей беречь,
 Чужих — уничтожать разбоем!» —
Свою «рождественскую» речь
Поганый Геббельс начал воем:

Если в мирное время у немцев рождество было праздником семьи, то теперь, когда война достигла кульминационной точки, оно превратилось для миллионов немцев, если можно так выразиться, в «праздник разлуки». В нынешнем году этот праздник встречают вдали от родины и близких бесчисленные немцы-солдаты на фронте, рабочие на отдаленных предприятиях военной промышленности, матери, эвакуированные вместе с детьми или выполняющие свою работу в угрожаемых районах, в то время как их сынишки и дочурки, огражденные от ужасов вражеского воздушного террора, живут в детских лагерях. В этот час немецкая тоска по близким витает над всей страной, как и над далекими краями, объединяя любящие и любимые сердца.

Какая лирика! Каких мелодий звуки!
 Какой надрыв! Какие муки!
 Какой истошный волчий вой!
Плут изолгавшийся ломает скорбно руки, —

Рождественский сочельник свой
Назвал он «праздником разлуки»!

Нам это слышать какво!
Нам, русским людям, у кого
Из мест, пустынной ставших гарью,
Похищено фашистской тварью,
Разлучено с родной
Страной

Для жизни каторжной, мучений повсечасных
Так много юношей и девушек прекрасных!

Негодовать ли на зверей,
Замучивших, осиротивших,
С детьми родными разлучивших
Советских столько матерей!

Нет, мы напрасных слов перед зверьем не тратим.
Долг красен платежом!

Псам, нас хотевшим взять разбоем, грабежом,
Мы по заслугам платим.

Тому свидетели — они, как лес, густы,—
Псов надмогильные кресты!

Фашисты этого ль искали «урожая»!

Их приняла земля чужая
— Родная наша сторона! —

Согласно песне. Вот она:
«Разлука ты, разлука,
Чужая сторона!
Никто нас не разлучит,
Лишь мать сыра-земля!»

Изведав на спине советскую науку,
Пой, Геббельс, песню про разлуку!

Скули, ослиными ушами шевеля!

Немецкая взбесившаяся тля,
Что заслужила,
То получила:

Мильоны немчуры советская земля
С землей немецкою навеки *разлучила!*

Спи, Фриц, в краю чужом!
Долг красен платежом:
Захватчику — могила!

Л Е Н И Н — С Н А М И !

Высоких гениев творенья
Не для одной живут поры:
Из поколений в поколенья
Они несут свои дары.

Наследье гениев былого —
Источник вечного добра.
Живое ленинское слово
Звучит сегодня, как вчера.

Трудясь, мы знаем: *Ленин — с нами!*
И мы отважно под огнем
Несем в боях сквозь дым и пламя
Венчанное победой знамя
С портретом *Ленина* на нем!

ФАШИСТСКИЕ «АНГЕЛОЧКИ»

Ведь были до чего ж фашисты все рысисты
И оголтело-голосисты,
В разбойный двинувшись поход!
Они-де цвет земли, немецкие расисты!
Они-де «нация господ»!
«Неполноценным всем народам смерть иль
рабство!» —
Ан приключилась с фашистами беда.
Увидя свой провал, пустились «господа»
На неприкрытое арапство:
Сердечком губы, скромный взгляд,—
Завуалировав своих речей похабство,
Они юлят, они скулят:

Тупоумная свора на Западе, которой еще со времен Карлейля недоступны духовные ценности Европы, начитавшись Ницше и Розенберга, но не поняв их, выдумала пропагандистскую сказку о том, что немцы мнят себя «нацией господ» и стремятся подчинить себе все остальные народы, считая их «неполноценными». К сожалению, немцы уже в начале средних веков не были нацией господ и с тех пор не чувствовали себя таковой. Если же национал-социалистская Германия вообще еще употребляет это выражение, то она понимает под этим совсем не то, что в Англии считается «господством».

(«Фелькишер беобахтер», 6/II 1944 г.)

«Не то! Совсем не то!»
Выходит, голова у немца — решето:
Забыл он, что писал. Мы помним, что читали.
Как уморительны немецкие детали:
«Мы, к сожалению, давно не господа,
И если так себя зовем мы иногда,

Так это ж «просто так»... Нас зло оклеветали!
Кой-кто из нас писал — совсем не важно кто! —
Насчет немецкого всемирного господства...

Так это же совсем не то!

Нет никакого даже сходства!

За что ж поносят нас! За что!»

Их надо гладить по головке.

Бывает разный плач, но самый мерзкий плач,

Когда расплачется палач,

Внезапно очутясь в неожиданной обстановке:

Суд, справедливый суд, стал угрожать ему,

Придется палачу, как видно, самому

Висеть на собственной веревке.

Он в страхе мечется, как крыса в крысоловке:

Да, он палаческим гордился ремеслом,

Хвалился жертв своих числом,

Он вешал у Днепра, на Немане, на Висле.

Винить его, однако, в чем!

Он был, нет спору, палачом,

Но палачом — в особом смысле!

На виселицу он не как-нибудь волок,

А к делу применял особую сноровку.

Он — не палач, он — ангелок!

Снимите с ангела веревку!

Дела у немчуры сложились — не ахти,

Так в оборот они пустили размалевку:

«Фашисты — ангелы почти!»

Фашистских «ангелов», родной боец, почти

И, приложив к плечу винтовку,

За все им честно заплати:

«Коль, немец-душегуб, ты «ангел во плоти»,

То получи-ка «в рай» свинцовую путевку!»

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

Осыпал звездный дождь кремлевские бойницы.
Куранты древние час поздней ночи бьют.
По всей стране гремит гром пушечный столицы,
Родным богатырям торжественный салют!

Триумф их Корсунский войдет в века — былиной:
Здесь наши славные бойцы
Вождя стратегии орлиной
Явили чудо-образцы!

Числа трофеев их военных
Не подсчитать в короткий срок.
Разбита армия разбойников отменных.
Убитые молчат, и хмуры лица пленных.
Преступников настиг неотвратимый рок.
Для идиотов «полноценных»
Какой разительный урок!

Пришел за ночью день. Над нами небо сине.
Сверкает солнце. Даль светла.
Москва ликует. А в Берлине
Непроницаемая мгла.

Средь штаба, метивший в Наполеоны сдуру,
Сидит фашистский сверхболван.
Дрожа за собственную шкуру,
Он сочиняет новый «план».

Но, хорохоряся с оглядкой беспокойной,
Он всем нутром дрожит, как в лихорадке знойной,
Как шулер пойманный, продувшийся дотла:
Он знает, что его проиграны дела
И что с фашистскою своей ордой разбойной
Не избежать ему «котла»!

О Б И Ж Е Н Н Ы Й В О Р

Один пройдошливый румын, кривой Антон
(Иль по-румынски Антонеску),
Рядившийся в сюртук, заношенный до блеску,
Не вылезавший век из рваных панталон,
Всю жизнь пиликавший на скрипочке в трактире,
Вошел в лихой азарт, решил зажить пошире

И у себя в квартире

Устроил воровской притон:

Набив замки, навесив шторы,

Он принимал, поил-кормил

Отчаянных воров-громил,

И вместе с ними сам, как делают все воры,

Чужие уважал не очень-то запоры.

Сначала был Антон в «счастливой» полосе.

Как мышь, сыскавшая дорожку к бакалее,

Он с каждым днем жирел и делался наглее.

Но вдруг и он и воры все

Засыпались с кражей:

Сам обокраденный ворами гражданин,

Да не один,

А с обвинителем, с внушительною стражей,

Накрыв притон, налег на двери — двери вон!

При неприятном столь визите

Заголосил вовсю Антон:

«Спаси-и-и-те!..

Спаси-и-и-те!..

В обитель мирную!.. Побойтесь икон!»

«Вот в том и главное, — сказал тут

обвинитель, —

Что мы, блюдя закон,

Вошли с оружием не в мирную обитель,

А в воровской притон!»

О Д Е С С А

Борьба ее, зверьем обложенной кругом,
В анналы Родины вошла страницей славной;
 Сражаясь до конца с врагом,
 Изранена в борьбе неравной,
Она свершила все, что совершить могла.
Над нею, солнечной, сгустилась ночи мгла,
Но, не сгибаясь под гнетом принужденья,
 Она уверенно ждала
 Дня своего освобожденья!
И этот день пришел!
 Мы славу ей поем.
Ей, для кого была честь Родины святыней!
Она измучена, истерзана зверьем,
 Но даже в рубище своем,
Сил нарастающих вновь чувствуя подъем,
Храня гармонию простых и строгих линий,
Она стоит над гладью моря синей.
Мы в ней черты родные узнаем
 И с гордостью ее зовем
 Красавицей и героиней!

В К Р Ы М У

«Что это? — Гитлер взвыл,
Глаза от страху жмурия.—
Потеряны — Сиваш, и Перекоп, и Керчь!
На нас идет из Крыма буря!»

*

Не буря, подлый гад, а — смерч!

ИСПЫТАННЫЙ ПРИЕМ

По сообщению берлинского корреспондента газеты «Универсал», политические и военные немецкие комментаторы рассматривают движение по отрыву германских войск от противника как новый вид немецкой стратегии на Восточном фронте.

Фашисты думали нас сокрушить войной.
Мы им отпор жестокий дали!
Теперь они, нажав педали,
Хотят спастись любой ценой:
Шут с ней, с побитою спиной!
Пусть погибают хвост и грива,
Нутро б лишь было спасено!
Однакож и теперь дурацки и смешно
Они бахвалятся — сколь эта мразь брехлива!—
Своею новою «стратегией отрыва»!
Подсбный камуфлет и едко и умно
Народ наш высмеял давно.

*

«Ты что пыхтишь-кряхтишь так, Федя?»
«Да вот... Ух, ч-ч-ер-р-т!.. Поймал медведя!»
«Медведь большой ли?»
«Крупный, да!
С корыто жиру обещает!»
«Ну, волокиты ж его сюда!»
«Дык он меня не отпускает!»

*

Захват врага в кольцо — классический прием,
И уважение к нему мы сохраняем,
Так: мы — открыто признаем —
В борьбе с фашистским вороньем
Его охотно применяем.
По существу прием каков?
Охват и — трепещи душа в немецком теле!
Прием — нет спору, он не нов,
Но до чего ж хорош на деле!

**ЗАЩИТНИКАМ РОДИНЫ
ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРИВЕТ!**

Бойцам отваги беззаветной,
Покрытым славою всесветной,
Которым равных в мире нет,
Семьей народной всей — несметной!—
Мы первомайский шлем привет!

Желаем вам и тем, кто старше
И кто моложе всех в строю,
Неутомимости на марше,
Неуязвимости в бою!

Желаем вам в своем отменном,
Искусном мастерстве военном
Достигнуть сказочных вершин!

Желаем вам, чтоб в сроке скором
Предстал пред вашим гордым взором
Покрытый мраком и позором,
Во прах поверженный Берлин!

Победным сталинским маршрутом
Мы все уверенно идем.
С недель каждой, с каждым днем
Мы приближаемся к минутам,
Когда в фашистском гаде лютом
Сустав последний захрустит
И громовым своим салютом
Победу над немецким спрутом
Москва всемирно возвестит!

ПОДВИГ

Несчетным голосам, теплом согрета майским,
Внимает родина, могучих сил полна,
Чутьем испытанным, заботливо-хозяйским,
Значенье голосов распознает она.
От зеленеющих Карпат к горам Алтайским
Двойной доносят гул — работа и война.

Колхозные поля пропитывает влага,
Кормя и зернышко и свеженький росток,
Стихийна в пахарях к трудам весенним тяга.
В колхозной кузнице, усердный работяга,
Стучит без устали веселый молоток.

Заводы, рудники, железные дороги
Стремятся перекрыть вчерашних цифр итоги.
Юг, север, запад и восток
В могучий творческий включилися поток!

В морях идут бои за честь родного флага,
На суше — пушек гром, с площадок взлетных
ввысь

Стальные соколы взвились.
Труд и военная отвага
В едином подвиге слились!

ДЫРА ЗА ПРУТОМ

Антонеску спал с лица,
Жалобно захныкал,
Гитлер горе-подлеца
В карту носом тыкал:
«Фронт наш прорван по Днестру,
Русские за Прутом.
Дай мне войско, чтоб дыру,
Мог закрыть дыру там!»
«Где ж я войска наберу!
Проиграли мы игру,
Лучше нас не троньте...»
Гитлер хватъ его и — тпру!

Разве так заткнешь дыру
На Восточном фронте?

В Р А Ж Ь И В А Л Ы

В своих сообщениях немцы усиленно подчеркивают, что у них где-то в глубине имеется «главный» атлантический вал.

(Из газет.)

1

Замотавшись в брехе шалом,
Геббельс стал писать ногой,
Что за первым, дескать, валом
Есть у немцев вал другой.

«Главный» вал! Имеет — грозный! —
Он особенность одну:
Каждый раз в момент серьезный
Он уходит в глубину.

Не стоит он дня в покое.
Это — правда, а не ложь.
Что-то в этом есть такое,
От чего — при летнем зное —
Немчуру кидает в дрожь.

Вал, конечно, встанет где-то.
Срок его движений сжат.
Все фашисты знают это
И от ужаса дрожат.

При предсмертном их «амине»,
Перед карой по вине,

— Вот что их страшит так ныне! —
Вал окажется в Берлине,
В их последней глубине.

Средь фашистов каждый чует:
Возвестив конец войны,
Вал их «главный» докочует
До — тюремной их стены!

2

Финский вал был крепким валом
С белофинским злым оскалом:
Годы строился, не дни!
Но наш фронт — с стальным закалом:
В темпе самом небывалом
Громыхнул с таким запалом
По бетону и по скалам,
Что — рассыпались они!

А давно ль с Берлином в паре
Гельсингфорс в шальном угаре
Лил словесный водопад,
Дескать, финским «Пиетари»
Станет русский Ленинград!

За такие аппетиты
Финны биты, будут биты.
Их не минет строгий суд.
Ни бетоны, ни граниты
Их от кары не спасут!

И за то, что с пьяным воем
В схватку с городом-героем
Лезли финны, дико злы,
Их теперь, могучим строем
Сокрушая все валы,
Бьют нещадно смертным боем
Ленинградские орлы!

НА МИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Вписавши новую страницу
В святую летопись войны,
Гоня фашистов за границу,
Мы белорусскую столицу
Вернем под кров родной страны!
В своем военном сообщенье
Уже отметила Москва:
«Вчера на Минском направленьи
Мы развивали наступленьи».
Какое гордое волненье
В нас эти вызвали слова!

Фашисты воют диким воем.
Сомненья нету: грозным боем
Мы город-мученик вернем
И — скоро речь пойдет о нем! —
На направлении Берлинском,
Крепя победу с каждым днем,
Напором нашим исполинским
И сокрушительным огнем
Фашизму голову свернем!

О С В О Б О Д И Т Е Л Я М

Уж немцы здесь бывали ране,
У вод чудских, среди псковских нив,
Но — смерть прошла во вражьем стане:
Торжествовали псковитяне,
Всех псов немецких разгромив.

Преданья озера Чудского,
Великий подвиг старины
Освободителями Пскова
Сегодня вновь воскрешены!

Бойцы стремительным ударом,
Напомнив прадедов дела,
Врагов, засевших в Пскове старом,
Разбили в прах, смели дотла!

Смотри: среди гари и обломков,
У древних стен, в лучах зари
Встречают доблестных потомков
Их прадеды-богатыри;

Псков ликованием их встречает,
Блюдя обычай древний свой,
И славой их Москва венчает
За новый подвиг боевой!

ДОЧУРКА

Здесь был разбойный стан коричневой орды.
Неистовству врагов здесь не было предела.
Злодеи изгнаны. Остались следы
Незабываемо-преступного их дела.
Рыдает девочка. Она осиротела.

Пред ней клочок родной земли.
Убита мать ее. Убийц жестоких двое
Сестрицу старшую с собою увели.
Отец — она о нем слыхала, о герое,—
Он в партизанах был и весть прислал зимой,
Что немцев крепко бьют и вскорости, похоже,
К семейству своему вернется он домой.
Не знает девочка, где он теперь, мы — тоже.
Но не останется ребенок сиротой,
Мы приютим его, таков наш долг святой,
И в тихий час, к его склоняся изголовью,
Согреем ласкою своею и любовью.

«Ф А Р Г Е Л Е Т»

Любители хвастливо привирать
В конце концов скандалятся обычно.

*

Какой-то баритон иль бас, умевший зычно
В труднейших операх любые ноты брать,
Однажды в обществе стал выхваляться с жаром
Обширнейшим своим репертуаром:
Нет оперы такой, в какой бы он не пел!

Тут кто-то хвастуна поддел,

Сказав ему с притворной грустью:

«Чем ближе жизнь моя среди мелких дрызг и дел

Подходит к роковому устью,

Тем в памяти живей картины давних лет:

Я помню — в юности моей с каким экстазом

Я слушал оперу Россини «*Фаргелет*»!»

«Ну, как же, — не сморгнувши глазом,

Соврал артист, — в свой бенефис

Я в этой опере пел арию на бис.

Театр безумствовал и, что всего дороже,

Рукоплескали мне, представьте, в царской ложе!»

Всеобщий смех лжецу достойный был ответ

Очковтиратель был и впрямь разыгран знатно,

Он оскандалился: ведь не было и нет

Подобной оперы, и слово «*Фаргелет*»,

Звучащее так оперно-приятно,

Есть слово «телеграф», прочтенное обратно.

*

Конкретных хвастунов я не имел в виду.
Я некую мораль под басню подведу,
Очковтирательства коснувшись и «всезнайства».
В науке ль, в области ль хозяйства,
В искусстве ли — на общую беду —
Еще не вывелись ведь и такие типы:
Они представят вам проектов пышных кипы,
Из фраз такой состряпают балет!..
Скажите им: «А вот ученый, *Фаргелет*,
Он в этой области слывет авторитетом,—
Полезно бы узнать при составленьи смет,
Какого мнения он о проекте этом?»
Очковтиратели вам вмиг дадут ответ:
«Ну как же!.. Фаргелет!.. Еще минувшим летом
Мы, опасаясь лицом ударить в грязь,
Вступили с ним в прямую связь
И консультацию имели с Фаргелетом!»

В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ НА РЕКЕ

Шумят детишки на реке,
Одни купаются, другие
Нашли приют на островке.
Тела их, бронзово-тугие
И целомудренно-нагие,
Блестят в воде и на песке.
Как жизнью, как детьми своими,
Залюбовалось солнце ими;
Приветно с берега реки
К ним наклонились тростники.
Во всей природе столько неги!
Отраднa летняя пора,
Цветите, юные побеги!
Расти, родная детвора!

Оберегая ваше детство,
Своей мы жизни не щадим.
Мы величайшее наследство
Любовно вам передадим.
Храня его, в его защите
Вы, превратясь в стальных бойцов,
Бессмертной славой завершите
Путь героический отцов!

ЗМЕИНАЯ ПРИРОДА

*...Лучшая змея,
По мне, ни к черту не годится.*

(И. А. Крылов.)

Стрелок был в сапогах добротных,
Охотничьих, подкованных и плотных.
Он придавил змею железным каблуком.
Взмолилася змея перед стрелком:
«Не разлучай меня со светом!
Я натворила много зла,
Винюсь и ставлю крест на этом!
Есть змеи подлые. Я не из их числа.
Я буду, позабыв, что значит слово «злоба»,
Великодушие твое ценить до гроба.
Вот доказательство: два зуба у меня,
В обоих яд, их все боятся, как огня.
Ты можешь выкрушить мне оба!»
«Умильны,— отвечал стрелок,— слова твои,
Но только тот от них растает,
Природы кто твоей не знает:
Коль не добить зубов лишившейся змеи,
Пасть снова у нее зубами зарастает!»

*

Еще не наступили дни,
Но мы все знаем, что они
Не за горою,
Когда, прижатая железным каблуком,
Прикинувшись чуть не родной сестрою,

Фашистская змея затреплет языком:
«Клянусь, я жизнь свою по-новому устрою,
Ребенку малому не причиню вреда.
Россия!.. Господи, да чтобы я когда...

Я горько плакала порою,
Все, мной сожженные, припомнив города!
Я каюсь и в своем раскаянье тверда!»
Да мало ли чего еще змея наскажет,
Но зубы вырастут, она их вновь покажет,
Все покаянные свои забыв слова.
Змеиная природа такова!
Змея, раскаявшись наружно,
Не станет жить с одной травы.
Лишить ее, конечно, нужно,
Но не зубов, а — головы!

РЕЧЬ ПРО... «ТЕЧЬ»

*В одной из последних статей Геббельс
сравнил Германию с кораблем, давшим течь.*

(Из газет.)

Геббельс в страхе начал речь:
«Дал корабль германский течь!
Приналечь должны мы, немцы,
Чтоб команду уберечь!..»
Но нещадно бьет волна:
Властно снасти рвет она,
И команда — то есть банда —
Вся как есть обречена.
Лживый Геббельс все лопочет,
Полагая, что отсрочит
Время краха своего.
Но сие, как говорится,
Не зависит от него!

П Е Р Е Д С И Г Н А Л О М

Казалось, сошла с основ земная ось
И варварский потоп грозит родной планете,
Враг ждал, что русский путь пойдет и вкривь
и вкось,
Но вождь наш зорок был и тверд в своем обете:
Его пророчество в Москве, в ее Совете —
На нашей улице быть празднику! — сбылось,
Как ни одно пророчество на свете.

Очистив Родину от зло-фашистских змей,
В сознание правоты своей,
Сильны, отважны и умелы,
Во вражьи вторглись мы пределы!

В Берлине хвастались: как Волга далеко!
Как будет немцам жить легко,
Когда мы русского повалим исполина!
Теперь мы меряем, насколько велико
Все расстояние — от Волги до Берлина!

Берлин! Здесь логово врага,
И мы в него войдем чрез месяцы, не годы.
Врагу мы волжские припомним берега,
Мы всё напомним вам, фашистские уроды:
И чем нам Родина безмерно дорога,
И чем кончались все на нее походы!
Чтоб видеть, чем поход кончается для вас,
Не надобно смотреть в большие телескопы.

Весь наш народ, собрав всех сил своих запас,
Обрушился в неожиданный вами час
На ваши полчища, на дзоты, на окопы.
От вас, погромщиков, он спас
Цивилизацию Европы.

Он не дал погасить и растоптать дотла
Всего, чем наша жизнь светла
И что разит врага и красит подвиг друга!
Вот в чем поистине великая была
Пред человечеством пред всем его заслуга!

Заслугой этой мы горды
И после боевой неслыханной страды,
Кровопролитнейших сражений,
Жестоких вражьих поражений
И полного — из мест ее вторжений —
Изгнания вражеской орды;
Мы, исполнители всех чаяний народных,
Сигнала ждем, в своем решении тверды,—
Во вражье логово, сомкнув свои ряды,
С позиций ринуться исходных!

КРЫСЫ ТОНУЩЕГО КОРАБЛЯ

У крыс фашистских зреют планы,
Иные крысы уж в пути:
Упаковавши чемоданы,
Через моря и океаны
Они спешат в такие страны,
Где б и следов их не найти.

Но подлым крысам быть в ответе!
Будь это остров, или мыс,
Иль Аргентина на примете,
Такого места нет на свете,
Где б не нашли немецких крыс.

Природа что-нибудь да значит.
Зря крыса там себя дурачит:
«Шмыгну в кусты или под мост!»
Где крыса голову упрячет,
Там крысу выдаст — длинный хвост!

ЗА СОВЕТСКОЕ ОТЕЧЕСТВО!

Любовь к Отечеству всех доблестей начало.
Любовью этой мы сильны. На том стоим.
Оно росло, цвело, мужало, и крепчало,
И поражало мир величием своим.
Речь первая о нем там, где сойдутся двое,
К нему обращены сердца их и глаза.
Содружество его народов боевое
Сказалось — для врагов смертельно-роковое —
В фашистском ужасе и похоронном вое:
Столь сокрушительна была его гроза!
Мы чтим Отечество и чтим его Законы,
Их не отнять у нас: какие лишь циклоны
К земле ни гнули нас — и не могли согнуть!
Бой за Отечество ведя, свои заслоны
Мы двинули вперед, и мы щадить не склонны
Зверье, что на него дерзнуло посягнуть!

Преодолели мы тягчайшую науку.
Мы пред врагом стоим с карающим мечом.
*Кто на Отечество на наше поднял руку,
Тому мы руку — отсечем!*

НЕИЗЛЕЧИМО БОЛЬНОЙ, ИЛИ ИЗДЫХАЮЩИЙ ГИТЛЕР

В связи с событиями в Венгрии в Вене царит паника. На железнодорожных вокзалах образовались очереди бегущих, стремящихся уехать любым поездом.

(Из газет.)

Он растерялся, он убит.
В здоровье нету перемены.
Его болезнь — тромбофлебит —
Грозит закупоркою Вены.

Кровоподтеки. Хрип в груди.
Что Вена? Вена — род трамплина!
Больному явно впереди
Грозит закупорка Берлина!

ПОСЛЕДНЯЯ СТАВКА,
ИЛИ БЕРЛИНСКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
В НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

Дед рождественский в печали
Нес в Берлин пустую елку.
«Стой!» — эсэсовцы вскричали,
Ухватив его за холку.

Дед испугом был подавлен.
Он, захваченный среди ночи,
Был эсэсовцем представлен
Перед геббельсовы очи.

«Дед рождественский я, право! —
Шамкал дед.— Живу недужно»
Геббельс прыгал: «Браво! Браво!
Вот таких-то нам и нужно!

Сверхтотально,
Моментально
Мы на фронт тебя отправим!
Уж теперь-то, натурально,
Мы дела свои поправим;

Мы врагов своих проучим,
Нашу карту крыть им нечем:
Резервистом столь могучим
Мы победу обеспечим!»

Но — мы сделаем добавку:
Немцам впору лезть в удавку,
Уж какая тут «победа»,
Раз пришлось им делать ставку
На... рождественского деда!

КАВАЛЕРИЙСКАЯ АТАКА

По условленному знаку,
Налетевши с двух сторон,
Лихо бросился в атаку
Удалой наш эскадрон.

Пронеслись кавалеристы
Знойным вихрем в городке.
Забарахтались фашисты,
Словно раки в кипятке.

Злая участь им досталась:
Ни дороги, ни тропы.
Через час от них осталась
Только куча скорлупы!

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Какая жуткая картина разоренья
В местах, где изгнана фашистская орда!
Как много приложить нам надобно труда,
Чтоб вновь восстановить сожженные селенья,
Колхозы, фабрики, заводы, города!

Труд этот начался в размахе небывалом:
Вновь исправляются пути и провода,
С машинами, с материалом
В сожженные места стремятся поезда.

Отрадно знать бойцам на суше и во флоте,
Что наш народ — семья одна,
Что, весь в хозяйственной и фронтовой заботе,
Наш тыл не ждет, пока окончится война:
Восстановительной работе
Спешит на помощь вся страна!

1945

РУСЬ

Где слово русских прозвучало,
Воспрянул друг и враг поник.
Русь — наших доблестей начало
И животворных сил родник.
Служа ее опорой твердой
В культурной стройке и в бою,
Любовью пламенной и гордой
Мы любим *Родину* свою!

Она — поборница свободы.
Ее овеваны теплом,
Находят братские народы
Защиту под ее крылом.
Несокрушимою державой,
Объединясь в одну семью,
Словами песни величавой
Мы славим *Родину* свою!

Мы приближаемся к порогу
Неомрачимо-светлых дней.
Нам *Ленин* указал дорогу,
И *Сталин* нас ведет по ней.
Крепя ученья их основы
В работе мирной и в строю,
Мы насмерть стать всегда готовы
В борьбе за *Родину* свою!

ПРЕДСМЕРТНЫЙ БАНКЕТ

Банкет в фашистской преисподней.
Какой убогий реквизит!
От этой встречи новогодней
Могильным холодом разит.

Скулят Лавали все о крахе:
«Что нам сулит грядущий день?»
Кровавый Гитлер в диком страхе
Глядит на собственную тень.

Идут события грозным ходом.
Над уголовным этим сбродом
Навис неотвратимый рок.
Враги дрожат пред новым годом:
Он их прикончит в должный срок!

МОСКВА — ВАРШАВЕ

1

Освободителям Варшавы наш салют!
Сегодня наши пушки бьют
Торжественный сигнал блистательной эпохи.
То перекличка двух столиц,
То — в зимнем небе — блеск зарниц,
Победы зреющей всполохи.

Варшава! Враг терзал ее не год, не два.
Казалось, черная над нею смерть нависла.
И вот — Варшава вновь свободна и жива,
И плещет радостной волной пред нею Висла!
Торжественно ее приветствует Москва,
И родственно звучат ее слова,
Великого исполненные смысла!

Нет, не о розни вековой,
Не о разладе, им обеим ненавистном,
О дружбе говорят они о боевой
И о союзе бескорыстном!

Да будет же на долгие века
Их связь сердечная крепка,
И да покроется неомраченной славой
Союз Москвы, творящей подвиг свой,
С соратницей своею боевой,
Демократической свободною Варшавой.

Дрожа, спасаясь от расправы,
Бегут фашистские удавы.
В Варшаве немцев больше нет!
Освободителям Варшавы
Наш гордый, боевой привет!

Охвачен паникою дикой,
От вас бежит фашистский зверь.
Пред Польшей вольной и великой
Вы распахнули настежь дверь:
«Смотри! Свободна ты теперь,
И в Вислу радостно глядится
Твоя прекрасная столица!»

Все́й Польше шлем мы братски весть,
Что мы поможем ей расцвести
И засверкать волшебной новью.
Тому порукой — наша честь
И дружба, спаянная кровью!

«Д Е Н Ь С А Л Ю Т О В !»

Таких стремительных маршрутов
Не видел мир еще пока.
С названьем славным
«День салютов!»
День этот перейдет в века.

В раскатах грозного похода
Сказались, гордость в нас будя,
И гений нашего народа
И гений нашего вождя.

ВРАГА ПОЩАДИТЬ — В БЕДУ УГОДИТЬ

В пастуший, в золотой, как говорится, век
Жил-был пастух, добрейший человек.
По доброте своей безмерной,
Когда в степи он стадо пас,
Он даже как-то волка спас
От смерти верной;
Надежным псам, точней сказать,
Он не дал волка растерзать.
«Острастку сделали,— сказал он,— и
прекрасно!»
Волк, дескать, тоже божья тварь
(Пословица была такая встарь!),
Так что ж губить его напрасно?
Он волка пожалел. Но не прошло трех дней,
Как вышла пастуху за доброту награда:
Волк выбрал ночку потемней
И вырезал у пастуха полстада.

Пастух, конечно, был классический дурак,
Мы скажем так,
Судя по скорбным результатам.
Фашистским прихвостням и всем их адвокатам
Из басни вывод мы подносим, он таков:
Уничтожение волков
Должно законом быть в обычае пастушьем,
Мы за друзей стоим горой. Спокон веков
Известны мы своим радушьем,
Но скажем господам иным за рубежом:

Врага, что сердце нам хотел пронзить ножом,
Не склонны мы дивить своим великодушьем.
Мы перед *Родиной* ответственные во всем
И пред *потомками*. Пусть знают «адвокаты»:
Фашизму не избыть расплаты,
Ему мы голову снесем!

НЕМЕЦКОЕ «НЕУДОБСТВО»

В результате русского наступления для Германии возникает то неудобство, что больше уже не существует запаса пространства, которое можно было бы стратегически использовать.

(«Дейче цейтунг и н Норвеген» от 20 января с. г.)

С каким свирепым окаянством
Враги в советский вторглись двор!
Они гнались за *пространством*,
Им русский нужен был простор.

Враги ожглись. И вот тогда-то
«Пространство» стало им претить:
В том, что им стало туговато,
«Пространство», дескать, виновато,
«Пространство» надо сократить.

Досокращались в полном смысле:
Их фронт разорван, скомкан, смят,
Вчера громили их на Висле,
Сейчас на Одере громят.

И вот — какое постоянство! —
Враги опять морочат свет:
Эх, будь у них теперь пространство!
Беда, пространства больше нет!

Мы объяснять не станем длинно,
Как проиграл наш враг войну.
Пространство в этом неповинно.
Мы на себя берем вину.

К просторам русским для фашистов
Навек заказаны пути:
Убийц, воров-рецидивистов
Казнят иль держат взаперти!

С Т О Й И С Э Т О Й С Т О Р О Н Ы

«Мы устроим русским пробку!
Вот приказ сторожайший мой!»
Нажимает Гитлер кнопку.
Телефон — глухонемой!

«Данциг! Данциг! Тоже глух ты?»
Данциг Гитлеру в ответ:
«Я не глух. Но только бухты
У меня уж больше нет!»

Немцам мы... Раскроем скобку,
Правду мы сказать должны:
Мы устроили им пробку
С той и с этой стороны!

ХОЗЯИН

Повесть

Бывает так, что мы — одни,
И все же мы не одиноки.
В те исторические дни,
Когда пишу я эти строки,
Богатыри родной страны,
Я вижу вас в делах войны.
Наш враг в панической тревоге:
Сомнений нет ни у кого,
Что в скором времени его
Добьете вы в его берлоге
И — победители — потом
Сквозь гул приветствий по дороге
Вернетесь в свой иль отчий дом.
Здесь ждет вас встреча на пороге
С отцом и с матерью родной,
Иль с бабушкой еще не хилой,
С сестрою, братом и женой,
С подругой иль невестой милой.
Соседи набегут на двор.
Пойдет всеобщий разговор,
Слова тут станут сами литься.
Всем будет что порассказать,
Про что спросить, что показать,
Чем горделиво похвалиться.
Придется вам, бойцам, не раз,
Домашний слушая рассказ,
Иному делу подивиться,

Иным примером умилиться:
«Так вот вы, значит, как без нас!
Шагали, значит, с нами в ногу.
Да вы ж герои все, ей-богу!»

Герои, да, и старики
И, что важней всего, подростки.
Героев юных не с руки
Хвалить мне с первой же строки,
Их ставить сразу на подмости:
Они и так ведь на виду,
Отмечены чертой глубинной,
Чертой исконной в их роду —
Недетской, сказочно-былинной
Любовью к родине, к труду.

Об этом в повести недлинной
Я речь правдиво поведу.

*

Казалась жизнь извечным благом,
И вдруг — огонь прожег сердца:
Война! На фронт зовут бойца.
Егорка шел широким шагом,
Не отставая от отца.
Мать с малышами шла за ними,
Полна вся думами своими:
Муж уцелеет ли в бою?
Руками женскими одними
Как поддержать ей дом, семью?

В конце деревни, возле клена,
Побагровевший чей убор
Осыпал землю и забор,
Сказал отец: «Не плачь, Алена:
Авось, как немцев победим,
Вернуся жив и невредим.
Заметь, проверено войною,
Что смелых пуля не берет!»
С детьми простившись и с женою,
Он быстро зашагал вперед.

Пройдя немного, обернулся,
На деревушку оглянулся,
Не видел вроде до сих пор,
Проникся чувством умиления:
«Вон детский сад... Вон дом правленья...
А вон — просторный скотный двор...
Чей поработал здесь топор?
Вся эта плотничья работа
Моя, Раздолина Федота!»

Он на пригорок бросил взор.
Пред ним, не уходя с пригорка,
Его родная вся четверка,
Жена, сынок старшой, Егорка,
И двое малышей-ребят
Стоят, как на портрете, в ряд:
Жена в платке крестьянском черном,
Дочь, Валя, с личиком задорным,
Вцепилась в маму, егоза,
Девятилетний Анатолий
Трет хмуро кулачком глаза, —
Егорка всех взрослых, поболеей...
«Проворен парень и толков.
Придется — нету мужиков! —
Ему хозяйство весть неволей.
Как сладит? Возраст ведь каков:
Всего четырнадцать годков!»
Мог про Егорку кто угодно
Сказать: он не пойдет с сумой,
Безделье малому не сродно.
Учился в школе он зимой
И возвращался ежегодно
С похвальной грамотой домой.
Служа другим во всем примером,
Был образцовым пионером,
Ребятам дружным — друг прямой.
Был крепко падок он на книгу:
Иному сунь скорей ковригу,
Он — хлеба мог не взять куска
В ночное лето, жадно книгу
Суя за пряжку пояса.

Над рыбной ловлею парнишки
Смеялись люди сколько раз:
Клюет рыбешка, но от книжки
Не оторвать парнишке глаз!

Сказал отцу его, Федоту,
Однажды так сосед Кузьма:
«О сыне поймей заботу,
Парнишка — умственный весьма.
Его, в моей будь это власти,
Я б двинул по ученой части».
Федот на это промолчал,
Не оказаться чтоб в конфузе,
Но сам давно уж намечал
Для сына умственный причал
В каком-нибудь советском вузе.
И, раздобыв комплект программ,
В них в каждую вникая строчку,
Частенько он по вечерам
«Путевку в жизнь» искал сыночку.

Его отцовские мечты
Пленялись не одним примером:
Он видел — строит сын мосты,
Став первоклассным инженером;
То крупным стал Егор врачом,
И обязательно колхозным,
То образованным ткачом,
То агрономом стал серьезным;
То сын его средь гор и скал
Руду железную искал...

Война отцовские подборки
Смела, лишила всех корней.
Война! Везде лишь речь о ней.
Ушел на фронт отец Егорки:
Артиллеристы там нужней.
О книгах нету речи боле:
Сошел с Егорки книжный хмель.
Сложил он книги все в портфель
(Им премирован был он в школе!).
«Лежите, — он сказал, — доколе
Вновь не понадобятся мне,

Когда придет конец войне!
И с грустью после предисловья,
Вбив толстый гвоздь у изголовья,
Портфель повесил на стене.

*

Как и везде, в деревне Горки
Война народ подобрала.
С войной у юного Егорки
Пошли по-взрослому дела.
Как взрослый, он пахал и сеял;
Как взрослый, хлеб он убирал,
Хлеб убирал — скирды метал;
Как взрослый, молотил и веял.
Потом с пилой и топором,
С отцовским, стало быть, добром,
Он, практикуясь понемногу,
Встал на отцовскую дорогу.
Хотя не строил он хором,
Но все почуяли нутром:
В нем плотник редкостный открылся,
Ему, что хочешь, закажи.
Он в разных справочниках рылся.
Учился делать чертежи.
Что дело у него спорится,
В соседнем знали уж селе.
Он голову, как говорится,
Умел прикладывать к пиле.
И не к одной пиле. Телега
В трясину ухнула с разбега.
Как быть? Подмоги нет кругом.
Егорка объяснит «научно»,
Как одному благополучно
Поднять телегу — рычагом.
Рычаг! Слово загнет какое!
Егорка не сидит в покое:
Прелюбопытную на взгляд
Затеял мастерить игрушку,
«Модель», особую кормушку
Для самых маленьких телят.

Но было всем не до кормушки:
Уж невдали гремели пушки,
Скот угонялся на восток.
И вот до Горок, деревушки,
Достигнул вражеский поток,
Верней, немецкий хоботок,
Мразь, батальон какой-то сводный,
Сплошь весь ободранный, голодный.
Вошло ворье во все дома.
Полезли немцы в закрома,
Обшарили все кладовушки,
Тащили платье и подушки,
Из печек брали хлеб сырой,
Еще не обданный жарой;
Что попадалось из съестного,
Из рыбного или мясного,
Все пожиралось немчурой.
Фашисты с бабушки Егорки
Содрали валенки-опорки,
Сорвали с матери платок,
Большой платок, тот самый, черный;
Какой-то немец тошнотворный
Платок в бестарку поволок,
Где вся поклажа состояла
Лишь из одних таких платков.
«Мороз. Платки для наш полков
Позлюжит зместо одеяла!»
Сидела дома детвора,
А в школе грелась немчуря:
Глотая спирт за стопкой стопку,
Бросали немцы книги в печь.
Не удалось книг сберечь:
Пошел Тургенев на растопку!

Ждала деревня светлых дней
И дождалась. Вздохнув вольней,
Она впивала воздух чистый.
Не засиделись немцы в ней:
Их наши выбили танкисты.
Войдя за ними, наш отряд
Узрел знакомую картину:

Бурлит огонь, дома горят,
Не все, однакоже, подряд:
Спеша, боясь подставить спину
Под штык, под пулю, под снаряд,
Враг свой разбойничий обряд
Исполнил лишь наполовину.
Семье Федотовой судьба
Отрадных дней не предвещала:
Там, где была ее изба,
Лишь обгорелая труба
Над пеплом тлеющим торчала.

Война! В ней есть своя краса.
Далеких предков голоса
Нам слышатся в ее тревогах.
И не пустые словеса,
Что на больших ее дорогах
Порой бывают чудеса.
Случилось так: с немецкой сворой
В районе том сводила счет
Как раз дивизия, в которой
Бойцом Раздолин был Федот.
Тоска по родине, что шило:
Вонзится в сердце, сердце — ек!
Федота счастье оглушило:
Ему начальство разрешило
С родной семьей провесть денек.
И вот немецкое злодейство
Пред ним открылось: холод лют,
А дом сожжен, его семейство
В чужом углу нашло приют.
«Ну, немец, я ж тебя согрею!» —
Федот от бешенства дрожал.
День проведя с семьей своею,
Федот вернулся в батарею.

*

Отца Егорка провожал.
В пути продрог. Был день морозный.
Жилья чужого теплота,
Как ни приятна, но — не та.

Егорка хмурый стал, серьезный,
Вдруг перерос свои лета.
Жизнь без работы — маята.
Чтоб уберечь запас навозный,
Стал чистить скотный двор колхозный,
В котором не было скота.
Вновь занялся уж не игрушкой,
А настоящей кормушкой
На удивление ребят:
«Кормушка есть, а нет телят!»
«Аль скот вернуть нам позабудут?»
На то Егоркин был ответ:
«Телят покамест, верно, нет, —
Вернется скот, телята будут,
Все будет малость погода!»
Ребята это понимали.
В колхозе немцы, уходя,
Весь инвентарь переломали,
Ни вил не стало, ни лопат,
А сору — выше подбородка.
Егорка подобрал ребят
Себе под стать, своих погодков,
И вот — в колхозе грабли есть,
Их изготовили на честь,
Есть метлы, мусор чем подмести,
На ручки вилы насадили,
Везде порядок наводили,
В конюшню — сделали что с ней! —
Хоть заводи сейчас коней!

У погорельцев уйма дела.
Нужда со всех сторон глядела:
Всё — избы, утварь и бельё —
Сожгло немецкое жулье, —
Амбарчик, банька уцелела,
То счастье: все-таки жильё.
Другим — уж тут не до гулянки! —
Пришлось наспех рыть землянки
Иль забиваться в блиндажи.
Житье! Что может быть плачевней?
Егорка тут пред всей деревней

Себя возьми и окажи:
«Не стану я копать землянку!»
И к председателю: «В лесу
Прошу мне выделить делянку,
На сруб я бревен припасу». —
«На сруб?»
«На ладный, без обману,
Небось клетушки класть не стану.
Война красна своим концом.
Как с фронта мой отец вернется,
Пусть он довольно улыбнется,
Не стыдно будет пред отцом:
Я покажу товар лицом!»

«В делянке нет тебе отказу». —
Егорка встрял в работу сразу.
На стройке зазвенел топор,
Сруб рос все выше, выше, выше.
Топор звенел уже на крыше.
Прошла сквозь крышу уж труба.
Все видят: ладная изба!
«Что ж мы в землянках-то спасались?»
У многих руки зачесались.
Пошли дела наперебой.
Видали б немцы-душегубы:
Где после них остались трубы,
Там, рядом с первою избой,
Белели новенькие срубы.
Нет стройки радостней труда.
Устройство своего гнезда —
Наиприятнейшее время.
И то сказать: ведь не на время
Гнездились люди — навсегда!
Какой-то новою приметой,
Великим новым образцом
Труд выражался в стройке этой,
Упорным начатой юнцом.

Любуясь новою избой,
Ее отделкой и резьбой,
Егорка пред своим крыльцом
Стоял с сияющим лицом:

«Есть, как отец вернется с бою,
Чем похвалиться пред отцом!»
Через неделю — вот веселье! —
Справлял Егорка новоселье.
От стен сосновый свежий дух.
Дорожки. Чисто, словно в келье,
А на столе шумел, не тух,
Гостей вгоняя в пот обильный,
Огромный самовар «фамильный».
(От немчуры он был укрыт,
В саду с вещами был зарыт.)
Тарелки на столе с брусничкой,
Превкусной ягодкою дикой.
Чай пили с блюдечек взасос.
Была закуска небогатой,
Ведь дом достатком не оброс.
Егорка, тонок, востронос,
Сидел с улыбкой виноватой
Над книгой пухлой и лохматой,
Его прельстившею весьма
Презанимательной начинкой,
Амурной разной чертовщинкой,
Точней — мальчика сводил с ума
«Виконт де Бражелон» Дюма.
Сидел он в праздничной одежде,
Еще потертой не вполне.
Его портфель висел, как прежде,
У изголовья на стене.

Письмо лежало перед Валею
Отцу на фронт — поди, узнай,
За Днестр, за Вислу, за Дунай
Или еще куда подалей!
Отец узнает из письма,
То скажет первая уж строчка,
Что Валя — грамотная дочка,
Письмо составила сама
С пренебреженьем трудных правил.
В письме весть главная о том,
Что брат Егорка дом поставил,
С сениями, во! Хороший дом!

Потом... потом... Что, бишь, потом?
Ах, да! Придумывать не надо:
Вернулося в деревню стадо.
Теперь деревня со скотом.
Всем стойлам сделали просушку.
Какой в телятнике уют!
Телятницы в ладоши бьют,
Когда в Егоркину кормушку
Телята мордочки суют!
К ярму приучены коровы —
Коней нехватка ведь сейчас.
«С тем будьте, тятенька, здоровы,
Не беспокойтеся о нас!»

Письмо найдет отца, нагонит,
Хоть бьет он немцев далеко.
Его письмо дочурки тронет,
Он на письмо слезу уронит,
На сердце станет так легко.
Как разговор пойдет про семьи,
Федот при случае таком
Перед товарищами всеми
Родным похвалится сынком:
Вот, мол, каков Егор Раздолин!
Умишком впрямь не обездолен:
Чего способен натворить!
«Сынишкой крепко я доволен:
Хозяин, что и говорить!»

Товарищи на речь Федота
Ответят весело: «Ну, вот!
Грустил порою ты, Федот,
О детях мучила забота.
А что мы видим там и тут?
Что ты тревожился напрасно:
Дела у нас идут прекрасно,
И в детях наших — это ясно —
Герои новые растут!»

«БЛУЖДАЮЩИЕ КОТЛЫ»

В своем обращении к солдатам Восточного фронта начальник генерального штаба немецкой армии генерал-полковник Гудериан заявил: «От берегов Вислы в ее среднем течении наши «блуждающие котлы» движутся на запад».

Пришлось миру увидеть
Шедевр немецкого «парада»:
Котлы!.. Котлы!.. Котлы «блуждать»
Пустилися со Сталинграда.

С тех пор усиленно росло
«Котлов блуждающих» число.
От их «блужданий» много ль толка?
Попавши в сети — не из шелка! —
В них застревал весь наш «улов» —
Из всех разгромленных котлов
Не уцелело и осколка!

Теперь котлов уже не счесть.
Их ждет такая ж точно честь.
Их список длинный исполинским
Котлом закончится — «берлинским»!

Ему — мы можем утверждать —
Уж будет некуда «блуждать»,
Придется приговора ждать.
В тот час — сомнений нет — в Берлине
Не станет Гитлера в помине:

Конца страшася своего,
Он, потемнее выбрав ночки,
«Блуждать» умчится в одиночку,—
Но и «блужданию» его
Сумеет мы поставить точку!

Его подручных палачей
Не защитит покров ничей.
Фашизм — чума, наш долг (врачей!)
Навек убить его живучесть,
Хотя бы тысячи плачей
Его оплакивали участь!

БРАНДЕНБУРГ

Славянский край с седых времен,
Немецким сдавленный напором,
Когда-то назывался он
Не Бранденбургом — Бранным Бором.

Мы в Бранденбург вонзили клин.
В Берлине дикая тревога.
Из Бранденбурга на Берлин
Наикратчайшая дорога.

Фашисты в панике вопят,
Речь Геббельса — одна икота.
Берлинцы с ужасом глядят
На «Бранденбургские ворота»:

Здесь совершится вход гостей,
Гостей неожиданных, нежеланных!
От жутких фронтовых вестей
Мороз фашистов до костей
Всех пробирает, окаянных!

Как не напомнить гадам тут
О вое их зверино-лютом:
«Москва — капут! Москва — капут!»
Войска советские идут,
Грозя фашистам их «капутом»!

**СОЗДАТЕЛЬ
«ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО РЕЙХА»**

Гитлеровский «тысячелетний рейх» вступает в 13-й год своего существования.

Он был царем, немецким шейхом,
Он был пророком, он «вещал».
Он всех колбасников прельщал
«Тысячелетним третьим рейхом»!

Двенадцать лет, велик ли срок?
Но год тринадцатый — опасный.
Что видит в ужасе пророк:
Над ним разверзся потолок!
Весь рейх потряс удар ужасный.

Удар неслыханный, тройной —
Земной, подземный и надземный!
Злодей, пытавшийся войной
Закабалить весь шар земной,
Двор пред собой узрел тюремный!

Да, рейх заменится тюрьмой,
Откуда, мир оставив тесный,
Дорогой он пойдет прямой
В «четвертый, вечный рейх» — небесный!

ИСТОШНЫЙ «КРИГК» ГИТЛЕРОВСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Немецкий радиокomentатор Отто Крик жалуется, что он тщетно пытался найти в документах Крымской конференции хотя бы одно слово, оставляющее надежду для гитлеровцев.

(Из газет.)

Мы вытираем слезы и кровь...

(Геббельс.)

Фашисты заварили кашу,
Теперь, познав позора чашу,
Они грозятся не путем:
«Мы показали ярость нашу,
Теперь мы в бешенство придем!»

Перемешалось все — угрозы
И жалобы. Трещат морозы,
И все вокруг Геббельса трещит.
«Мы вытираем кровь и слезы!» —
Уныло Геббельс верещит.

Рвут гады на себе одежды.
На Крым надеялись невежды.
Смело надежды как рукой:
«Хотя б одно словцо надежды!
Надежды нету никакой!»

Ч Е М Э Т О П А Х Н Е Т ?

Телеграфный зал. На ленту
Гebbельс пьлится:
«Дело близится к моменту —
Фронт развалится...»

Гитлер смотрит, гибель чуя,
Озадаченно:
«Что на ленте, знать хочу я,
Обозначено?»

Гebbельс воег заунывно:
«Поражения!..
Ежедневно, непрерывно
Окружения...»

Всюду признаки крушенья...
Ужас множится...
Черноморские решенья...»
Гebbельс ежится.

То вздохнет подлец, то охнет
С кислой миною:
«Ах, для нас все это пахнет
Аргентиною!»

Гитлер шелкает зубами,
Смoтрит гадиной:
«Этo пахнет все... столбами
С перекладиной!»

ПОСТУПЬ ИСТОРИИ

1

Да здравствует победоносная Красная Армия, героически борющаяся за честь, свободу и независимость нашего Отечества против немецко-фашистских захватчиков!

(Призывы ЦК ВКП(б) к 26-й годовщине Красной Армии.)

Наш взор к минувшему мы обращаем году.
Наш фронт был вешнему подобен ледоходу,
Который сокрушал в погоду, в непогоду
 Устои вражеской стены.
Клич боевой наш был: борьба за честь, свободу
И независимость своей родной страны!

2

Да здравствует победоносная Красная Армия, армия-освободительница, изгнавшая немецко-фашистских захватчиков с советской земли и громящая гитлеровские войска на территории Германии!

(Призывы ЦК ВКП(б) к 27-й годовщине Красной Армии.)

И вот — во вражеской стране, не на пороге,
А в глубине ее, с врагом мы сводим счет.
Враг, нами в собственной настигнутый берлоге,
 В предсмертной мечется тревоге:
 От нас пощады он не ждет.
И в нашем лозунге мы слышим — в каждом слове:
*То с огненным мечом, в судейской строгой тоге
Железной поступью История идет!*

«НА БЕРЛИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ»

«Войска 1-го Белорусского фронта, после месячной осады и упорных боёв, завершили разгром окружённой группировки противника и сегодня, 23 февраля, полностью овладели городом и крепостью Познань — стратегически важным узлом обороны немцев на Берлинском направлении».

(Приказ Верховного Главнокомандующего.)

Круша клыки во вражьей пасти,
Под Сталинградом и под Минском
Мечтали наши чудо-части
О «направлении Берлинском».

Что́ рисовалось в отдаленье,
Теперь сбывается реально:
Нам о «Берлинском направлении»
Возвешено официально!

В предсмертных судорогах змеи
Шипят в гнезде своем змеином.
Дрожат фашистские злодеи
Пред русским фронтом-исполином.

Творцы побед, сыны отваги
Слились в стремлении едином:
«Вперед! Вперед! Пусть наши флаги
Взовьются гордо над Берлином!»

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ...

В последнем выступлении по радио Геббельс заверяет немцев, что «в случае катастрофы он охотно лишит себя жизни».

Сел Гитлер. Ноги, словно гири.
С ним Гиммлер с Герингом сидят.
В «Самоучитель харакири»
Все трое с ужасом глядят.
Шут-Геббельс скачет перед псами,
Их утешая словесами:
«Я извещу весь шар земной:
Не нас повесили, мы сами
Переселились в мир иной!»

ЗАПЛЕТАЮЩИМ СЯ ЯЗЫКОМ...

Заключительная фаза войны будет, как и всегда, самой тяжелой. Час, предшествующий восходу солнца, бывает всегда самым темным часом ночи. Глубокий мрак предшествует приближающемуся утру. Но никто не должен опасаться того, что оно забудет наступить.

(Из статьи Геббельса «Борцы за вечную империю».)

Как эти выклики смешны,
Как дико слышать эту фразу
Про заключительную фазу
Уже проигранной войны!

Чем не «пророческое» слово
В заверстку прочих ахиней:
«Перед восходом солнца — ново! —
Бывает ночь всегда темней».

Гнус окунулся в Брамапутру ¹
И провещал фашистам так:
«Окутал нас глубокий мрак,
Но мрак, предшествующий утру!

Не поддавайтесь же кручине.
Оно придет. Не может быть,
Чтоб по какой-нибудь причине
Оно забыло наступить!

¹ Священная река индусов.

Глаголю вам: век скоротечный...»
Да, Геббельс плох. В свой час конечный
Святошей сделался бандит,
В фашистский рейх загробный, «вечный»
Глазами мутными глядит.

Ему б хотелось смерть отсрочить.
О ней он думать не привык.
Он что-то пробует «пророчить»,
Но заплетается язык.

Крах! Все идет к его кончине,
Наступит смерть. Не может быть,
Чтоб по какой-нибудь причине
Она забыла наступить!

ПЕРВОКЛАССНЫЙ ИНСТРУМЕНТ

Мы с корнем вырвали «восточно-пруссский клык»,
Иль Кенигсберг, сказать иначе.
Его принудили мы к сдаче:
Фашисты все кричат на крик,
Не ждали-де подобной вещи!

Как ни были крепки
Фашистские клыки,
Но оказались покрепче наши *клещи*,
В наипаснейший момент
Врага разивший и по праву
Всемирную стяжавший славу
Наш первоклассный инструмент!

«НЕТУ ФЮРЕРА ПОРТРЕТА НА СТЕНЕ!»

Малодушных людей мы должны взять на прицел так же, как и тех трусов, у которых в сердце изгладился образ фюрера, а на стене их комнаты нет его портрета.

(Из берлинской радиобеседы Шмидта-Деккера.)

Фриц и Мориц выли оба
На весь свет:
«Верность фюреру до гроба —
Наш завет!»

Оба шнапс в себя качали
И коктейль.
Речи Гитлера встречали
Ревом: «Хейль!»

Липли к каждой телеграмме
О войне.
Красовался Гитлер в раме
На стене.

Повторяли Фриц и Мориц,
Как урок:
«Фюрер — маг и чудотворец,
Он — пророк,

Золотые нам пророчит
Времена.
Нашу власть навек упрочит
Блиц-война!»

Но неладно вышло с «блицем»,
«Блиц» падул.
Завопили Мориц с Фрицем:
«Кар-р-ра-ул!»

А когда война к Берлину
Подошла,
Оба стали корчить мину:
«Дрянь — дела!

Поумнеть нам не пора ли?» —
И — умны —
Рожу Гитлера убрали
Со стены.

К ним при этой тайной сценке
Шпик подсел.
Взяли их, поставив к стенке,
«На прицел!»

«Вашу стойкость мы удвоим,
Шантрапа!»
Просверлили им обоим
Череп!

Приключилась казнь им эта
По вине:
«Нету фюрера портрета
На стене!»

НЕ СЫСКАТЬ ДРУГОГО СЛОВА

Передовая статья, помещенная в газете Херста «Дейли миррор», опасается установления при встрече дружественных отношений между американскими солдатами и бойцами Красной Армии.

(Из телеграмм.)

«Фронт советский недалече,
Наша встреча с ним близка.
Будут рады этой встрече
Наши славные войска!»

Так в Нью-Йорке, в Вашингтоне
Речи честные звучат.
Но в другом, враждебном, тоне
Твари в херстовском загоне
Воют, хрюкают, рычат.

«Фронт советский! Осторожно!» —
Указательный свой перст
Угрожающе-тревожно
Поднимает грязный Херст.

В страхе, потный — рожа смокла! —
Дичь неся про русский фронт,
Сквозь фальшивейшие стекла
Смотрит Херст на горизонт.

Чертыхнется, смотрит снова.
Прет из Херста без покрова
Профашистских чувств основа.
Крокодилий зев разверст.
Не сыскать другого слова
Омерзительней, чем — Херст!

О К Р У Ж Е Н Н Ы Й Б Е Р Л И Н

Был день — фашистские болваны
Свои раскрыли нагло планы:
«Захват Москвы — вот наша цель!
Уж мы устроим русским Канны¹,
Каких не видел мир досель!»

И вот — волшебная картина!—
Какой случился камуфлет!
Мы доказали, что Берлина
На свете «каннистее» нет!

Где Гитлер? В страхе небывалом
Дрожит в Берлине под обвалом?
Успел ли ноги унести?
С фашистским этим «ганнибалом»
Охота счеты нам свести.

¹ К а н н ы — город в древней Италии, возле которого римское войско, попавшее в окружение, было начисто уничтожено Ганнибалом.

**СЛАВА НАШЕМУ НАРОДУ!
СЛАВА НАШЕМУ ВОЖДЮ!**

1

«Сорок первый», черный год.
Гитлер ринулся в поход.
«Я,— кричит,— Наполеон!
Из России душу вон!
Смерть советской всей стране!»
Гитлер скачет на коне;
Осрамившись под Москвой,
Гитлер поднял шалый вой:
«Чтобы я, да чтобы мы!..
Вся беда из-за зимы!»

2

Год настал «сорок второй».
Воздух был весной — сырой.
Летом — страшная жара.
Гитлер скачет от Днепра
К Дону, к Волге... Тут он, гад,
Лоб расшиб о Сталинград!
Распоролися все швы!
Конь лишился головы!
Дать пришлось задний ход!

3

«Сорок третий» год идет.
Потеряв Кавказ, Кубань,
Видит Гитлер: дело дрянь.

Но орет: «Свое возьму!»
Тут мы всыпали ему,
Дали жару под Орлом!
Вот был немцам костолом!
Уж не едет Гитлер вскачь.
У него дела, хоть плачь:
После нашего огня
Лишь осталось полконя!

4

На четвертый год войны
Гад не чувствовал спины
И не чувствовал боков,
Весь распух от синяков.
Ленинград его ушиб.
Чуть под Минском не погиб.
Тут — «котел», а там — разгром.
Очутился за Днестром.
Из России — псу урок! —
Еле ноги уволок.
И Дунай уж позади.
Будапешт трещит, гляди,
Польша вся — была, сплыла.
А уж в Пруссии дела!..
От коня осталась треть,
Просто не на что смотреть!

5

«Сорок пятый» год. Ура!
Гитлер ищет, где нора.
Жмут его и там и тут.
Палачу пришел капут.
Проиграл войну, прохвост!
От коня остался хвост.
Не осталось и хвоста!
Мы — в Берлине! Красота!
Отстояли мы свободу!
Красный май сулит погоду
К урожайному дождю.
Слава нашему народу!
Слава нашему вождю!

ВЕСНА ПОБЕДЫ

На Красной площади торжественный парад.
В сиянье солнечном горят
Победоносные знамена.
Защитники Москвы, бойцы за Ленинград,
За Киев, Минск, за Сталинград
Идут за стройною колонною колонна.

Мы все глядим на них, наш вождь на них глядит,
Гордясь их мужеством, всесветно подтвержденным.
Враг — кровожаднейший из всех врагов — разбит!
Зверь оказался побежденным!
За каждый город наш, за каждый наш плетень,
За дым сожженных деревень,
За все, что сделали фашисты-людоеды,
На головы врагов обрушив злые беды,
Мы в светлый праздник наш, в наш первомайский
день,
Приветствуем триумф борьбы,
Весну победы!

П Р А З Д Н И К П О Б Е Д Ы

Вождю, бойцам, стране родной,
Народу, вставшему за Родину стеной,
Поем восторженно мы славу!
Победа куплена великою ценой.
Враг не осилил нас преступною войной,
И отстояли мы Советскую державу!

Враг сломлен: сокрушен его военный пресс,
Посрамлена его военная кичливость.
Победу празднуют гуманность и прогресс
И мировая справедливость!

Как радостно звенят сегодня голоса!
Как солнце щедро шлет в столице, в селах, всюду
Весенний яркий свет восторженному люду!
Победный алый стяг взметнувши в небеса,
Ликует Родина. Живой воды роса
Упала на ее поля, луга, леса.

Победной гордостью полны — ее обличье,
Ее могучая краса,
Ее суровое величье!
Как многоцветен, как богат ее убор!
В победно-радостный, единый братский хор
Слилось народностей ее многоязычье!
Былинным нашим кузнецам,
Ковавшим мощную броню родным бойцам,—

Волшебную броню по ковке и по сплаву,—
Душевной красоте советских матерей,
Вскормивших сыновей — бойцов-богатырей,
Чьей бранной доблестью гордимся мы по праву,—
Народным подвигам в работе и войне,
Вождю народному и всей родной стране
Мы возглашаем гордо славу!

СТАТЪИ, ПИСЪМА

А В Т О Б И О Г Р А Ф И Я

Придворов, Ефим Алексеевич, крестьянин села Губовки Херсонской губернии Александровского уезда — таково мое подлинное имя и звание. Родился я 1/13 апреля 1883 года в вышеназванном селе. Помню я себя, однако, сначала городским мальчиком — лет до семи. Отец тогда служил сторожем при церкви Елисаветградского духовного училища. Жили мы вдвоем в подвальной каморке на десятирублевое отцовское жалованье. Мать с нами жила редкими временами, и чем эти времена случались реже, тем это для меня было приятнее, потому что обращение со мной со стороны матери было на редкость зверское.

С семи лет и до тринадцати мне пришлось вытерпеть каторжную совместную жизнь с матерью в деревне у деда Софрона, удивительно душевного старика, любившего и жалевшего меня очень. Что касается матери, то... если я остался жильцом на этом свете, она менее всего в этом повинна. Держала она меня в черном теле и была смертным боем. Под конец я стал помышлять о бегстве из дому и упивался церковно-монашеской книгой — «Путь ко спасению».

Спасение пришло с другой стороны. В 1896 году «волею неисповедимых судеб» попал я не в елисаветградскую обойную мастерскую, куда меня было уже сговорили, а в киевскую военно-фельдшерскую школу.

Жизнь в военно-учебном заведении — после домашнего ада — показалась мне раем. Учился я старательно и успешно. Казенную премудрость усвоил настолько основа-

тельно, что это сказывалось даже тогда, когда я был уже студентом университета: долго я не мог отделаться от военной выправки и патриотической закваски.

Влезши в военный мундир, когда мне было тринадцать лет, вылез я из него, когда мне пошел двадцать второй год. В 1904 году, выдержав экзамен в качестве экстерна за полный курс мужской классической гимназии, поступил я в Петербургский университет на историко-филологический факультет.

После четырех лет новой жизни, новых встреч и новых впечатлений, после ошеломительной для меня революции 1905—1906 годов и еще более ошеломительной реакции последующих лет я растерял все, на чем зиждилось мое обывательски-благонамеренное настроение. В 1909 году я стал печататься в коронковском «Русском богатстве» и очень близко сошелся с известным поэтом-народовольцем П. Я. (П. Ф. Якубовичем-Мельшиным). Влияние П. Я. на меня было громадно. Смерть его — через два года — перенес я как ни с чем не сравнимый в моей жизни удар. Однако только после смерти его я мог с большей независимостью продолжать свою эволюцию. Дав уже раньше значительный уклон в сторону марксизма, в 1911 году я стал печататься в большевистской — славной памяти — «Звезде». Мои перепутья сходились к одной дороге. Идейная сумятица кончалась. В начале 1912 года я был уже Демьяном Бедным. (Об этом см. статью тов. М. Ольминского в книге: *«Из эпохи Звезды и Правды»*.)

С этого времени жизнь моя, как струнка. Рассказывать о ней — все равно, что давать комментарии к тому немалому количеству разнокачественных стихов, что мною написаны. То, что не связано непосредственно с моей агитационно-литературной работой, не имеет особого интереса и значения: все основное, чем была осмыслена и оправдана моя жизнь, нашло свое отражение в том, что мною — с 1909 года по сей день — написано.

К Р И Т И Ч Е С К А Я Г Р И М А С А

Издатель вечерней «Биржевки» перед Новым годом затосковал. Помилуйте, он ли не старался, он ли не понукал последнее время своих подручных: «Делайте шум! делайте, ребята, шум!»

По какому только поводу «ребята» не шумели — от горе-юбилея Иеронима Ясинского до горе-конкурса «литературного» включительно. И все же Новый год наступил для «Биржевки» при самых печальных ауспичиях. Тут еще поднес нечистый «Вечернее время».

Несчастный С. М. Проппер хватался в отчаянии то за голову, то за карман, — то за карман, то за голову... И бысть ему в эту пору некое видение. Узрел он на страницах «Синего журнала» в «Конкурсе гримас» — человека, и не просто человека, а — извините! — без штанов.

«Эврика!» — воскликнул почтенный г. Проппер.

Через три дня в «Биржевке» появился рассказ, если не литературного генерала, то в некотором роде — литературной «генеральши», Зинаиды Гиппиус, рассказ-загадка: «Что ей делать?», сопровождаемый сногшибательным, умопомрачительным редакционным послесловием:

Рассказ нашей талантливой писательницы Зинаиды Гиппиус «Что ей делать?» является в сущности психологической загадкой, разгадать которую можно, только тонко понимая и чуя человеческое сердце.

Жизнь создает поразительные коллизии. Жизнь сталкивает людей в их поисках личного счастья с такими комбинациями, которые совершенно *разрушают обычные моральные представления и требуют, так сказать, революционного решения.*

Так и сказано: «требуют революционного решения»! Всеобщего, прямого, равного и... явного снятия не штанов только, а всего, что делает человека — человеком. Зинаида Гиппиус, до сих пор лепетавшая в стихах и прозе, что самое лучшее, если «папа любит маму» и «мама любит папу», вдруг на склоне лет задумалась: папа маму... Ну а что, если не маму, а доцю? — т. е., по словам редак[ционного] послесловия,

в рассказе-загадке З. Гиппиус вопрос в *обнаженной простоте* ставится весьма резко: *может ли отец жениться на своей дочери?*

Быть может,

великая, благодатная, все исцеляющая, житнетворческая любовь все оправдывает, все освящает, все прощает?

Впрочем, последней решающей инстанцией признаются все же гг. читатели «Биржевки».

Послесловие гласит:

Много вопросов ставит рассказ-загадка З. Гиппиус. И, предлагая это произведение вниманию читателей, мы хотели бы получить от них отклик на эту загадку. Мы просим русских женщин ответить нам на вопрос, как они поступили бы в данном случае, руководясь своим разумом и сердцем?

Лучшие ответы читательниц и читателей мы напечатаем на страницах нашего издания. *Ред.*

Что же? Пусть их — выскажутся.

Может, будет по этому вопросу объявлен какой-нибудь конкурс?

Только, кажется, на этот раз мещанская пошлость и гнусность себя исчерпали. Дальше идти некуда.

ИХ ЛОЗУНГ

Критические заметки

Всякий раз, когда в нашем благословенном отечестве жизнь становится невмоготу, когда миазмами разложения отравлен воздух и нечем дышать, — в пору наибольшего единения печального бесправия с диким произволом, — постоянно и неизменно, с какой-то роковой неизбежностью, снова и снова в русской литературе выдвигается — под тем или иным флагом — один и тот же лозунг: искусство для искусства.

На этот раз, начертав его на своем картонном щите, выступил с ним в декабрьской книжке «Рус[ской] мыс[ли]» Андрей Белый, пресловутый горемычный бард и сумбурный теоретик российского чахлого символизма. Лозунг провозглашен в форме вопроса о «корнях» и «цветах» в искусстве.

Наши упадочники, справедливо обвиняемые в беспочвенности своих бредовых, истерически-крикливых писаний, долго и тщетно пытавшиеся обосновать свое существование, найти и указать его корни в прошлом, после упорных, но бесплодных поисков решили, наконец, плюнуть на корни и объявить самым важным в искусстве — цветы.

Это, видите ли, тенденциозная критика привыкла прежде всего искать в произведениях искусства легко обнажаемые идейные корни, не стесняясь срывать «пышную корону» и искусственно обнажать художественное произведение от листьев, сводя его «к единой тенденции, всегда скучной».

«Такая критика — ужас нашего времени, — восклицает Андрей Белый, — и не только нашего: в прошлом, — говорит он, — подлинную идейность литературы русской унижала она требованием идейных прописей...»

Тенденциозная критика искони отвергала радугу красок искусства; радуга красок, по ее мнению, заслоняла идейный свет. Так, тенденциозная критика создавала *«светлую»* личность автора; чем *«светлей»*, тем бесцветней. Радугой красок попрекала она Фета; Фет для нее — [поэт цветов, бабочек. Некрасов — поэт] *«светлой идеи»*. Между тем если уж говорить об идее, то *«идея»* Некрасова не поднимается выше идеи вполне честного, *вполне неоригинального человека* своего времени; *идеи* же Фета все время *парили на высотах философского обобщения*.

Что идея Некрасова в сравнении с идеями «парящего на высотах» Фета есть идея «вполне неоригинального человека», это еще у Андрея Белого, пожалуй, мягко сказано. Сам Фет, как известно, в послании к Некрасову выразился куда энергичнее:

На рынок! Там кричит желудок,
Там для стоокого слепца
Ценней *грошовый твой рассудок!*
Безумной прихоти певца.

Там сбыт малеваному хламу,
На этой затхлой площади, —
Но к музам, к чистому их храму,
Продажный раб (?!), не подходи!

Влача по прихоти народа
В грязи низкопоклонный стих,
Ты слова гордого, *свобода*,
Ни разу сердцем не постиг.

«И это — по справедливому замечанию поэта-борца П. Я. — имел развязность говорить человек, который действительно всю жизнь низкопоклонничал перед сильными мира (о чем свидетельствует отдел многочисленных од), «свободу» же обнаруживал единственно в том, что людей «толпы» не называл иначе, как глупцами и подлецами!»

Несмотря на подчеркнутое пренебрежение А. Белого к «светлым личностям», которые берутся храбрым апологетом поэзии «о цветах и бабочках» в иронические кавы-

чки, я позволю себе и относительно идей Фета сослаться на мнение П. Я. — Об идеях этих, по словам П. Я.,

панегиристам Фета лучше не упоминать...

Махровый цветок, пышно расцветший в теплице помещицкой усадьбы, поэзия Фета на самом деле *совершенно безидейна*, — и не трудно понять тот гнев, который она не раз вызывала в людях 60-х годов, в тот острый момент, когда борьба идей только что вышла из тиши литературных кабинетов на широкую арену жизни. (Очерки русск[ой] поэзии, 202.)

Обратимся, однако, к Андрею Белому.

Художественное произведение, — говорит он, — это растение: растение, как известно, покрывается цветами, пряча корни глубоко в землю; цветы же приносят плоды; и потому-то *поэты цветов и бабочек плодотворнее тенденциозных поэтов* вопреки мнению тенденциозной критики; мнение же это заключается в том, что художественные произведения должны зарываться цветами в землю, но высоко вытягивать под солнце, в воздух, растущие корни.

Когда я читаю произведение Надсона о том, что за речкой зеркальной «честный рабочий почил», я вижу в воздухе бесплодно растущий корень: растения, покрытого цветами, бабочек, переносящих пыльцу с цветка на цветок, я не вижу. Эта строка Надсона для меня — торчащий корень.

Так говорит Андрей Белый.

«Сейте разумное, доброе, вечное» — это идея «вполне неоригинального человека», а «шепот, робкое дыханье» — это «парение на высотах философского обобщения», это — «подлинная идейность литературы русской».

«Апостол труда и терпенья, честный рабочий почил» — это бесплодный нелепо торчащий корень; а «Яри мя, Ярила» или как это там у какой-то девицы, соальманашницы Андрея Белого (Антология, 242).

«Молодые бедра
Я тебе подставлю!»

«Станем любиться!
Будешь ко мне прижиматься и биться!»

Это — цветы! Это — явное дело — плодоносные цветы, с «пыльчey» и с «бабочками».

Дальше Андрей Белый, впадая в некий транс, выражает негодование по поводу проведенного в «Литератур-

ном распаде» (кн. I) сравнения между идеями Л. Толстого, Достоевского, Влад. Соловьева и идеями Лаврова, Михайловского.

Забавно, однако, что, утверждая неприкосновенность авторитета Толстого, А. Белый этим, сам того как будто не замечая, губит и себя и весь символизм, отрицательное отношение к которому Толстого общеизвестно.

Впрочем, символисты наши по части самоуверенности народ такой, что им хоть кол на голове теши. Сам Толстой, напр[имер], в глаза говорил Бальмонту, что решительно ничего не понимает в его стихах, до такой степени они стоят вне общечеловеческой логики, — а Бальмонту, что с гуся вода, и он без всякого смущения печатно заявил: «Толстой *притворился*, что не понимает моих стихов: я ему прочел еще». Есть люди, для которых плевков — божья роса...

Нам остается привести заключительную выдержку из статьи А. Белого, вскрывающую основной смысл его выступления:

Если и в наши дни находятся критики, которые Толстого называют «уродливым Терситом», удивительно ли, что среди художников находятся такие, которые в ответ провозглашают лозунг: «*искусство для искусства*». Сам по себе этот лозунг не имеет смысла; в нем больше эмоции, нежели подлинной правды; но сама эмоция, породившая лозунг, правдива, как переживание; дважды два не пять; но когда вам ни к селу ни к городу твердят таблицу умножения, вы правдивы, утверждая обратное; смысл такого утверждения один: *пошли прочь, дураки!..*»

«Дураки!..»

Андрей Белый, очевидно, ударился в символизм. Но такой «символический» диалект нам недоступен, кроме того — не везде принято на нем выражаться.

Все, однако, ясно. Поставим точку. Но, г. Андрей Белый! Мы уже знаем примеры. Придут иные времена, и вы запоете иные песни, заговорите иным языком. Напрасный труд. Что сказано, то сказано. Что сделано, то сделано. Сказанное и сделанное зачтется.

ЮБИЛЯРЫ

(Из «литературных» нравов)

Ш А Р Ж

Славное времечко. Пышно зацвел на диких полях российской словесности чертополох. Зарезвились песьи мухи. Зашевелилась мошкара: хорошо ей купаться в теплых ароматных испарениях гнилого болота. З-з-з! З-з-з! З-з-з! Миновала буря. Привольное, беззаботное житье. «На нашей улице праздник!»

На радостях друг друга величают, венчают, правят торжественные юбилей. Первым делом прожужжали по всем задворкам о великой мухе — Иерониме Биржевом. Отпраздновали юбилей. Изведав сладкого опьянения, вошли во вкус. Храбрые трубачи-комары затрубили о новых юбилеях. Брешки да Арны, Арны да Аяксы — инда горло порвали кричавши. Ударили челом Глинскому из псевдоисторического вестника. Был юбилей, и бысть веселие велие. Гениальный критик Измайлов произнес пышную речь. Знаменитый публицист К. Ар[абажи]н, ухмыльнувшись направо и налево, посмотрел лукаво и головою покачал. Отвеличав искажителя истории русской революции, выкопали откуда-то немаститого (хотя и лысого) поэта Мазуркевича. «Малый Ярославец», столько-то рублей с персоны, дамы бесплатно, чествуйте, кто желает! Желавшие нашлись. Плакали и декламировали:

Я вас ждала, а вы... вы не пришли.

(Ах, противный мужчина! Гадкий, гадкий!)

Отликовали. Теперь... За кем, бишь, очередь? Поэт(?) Рославлев и еще какие-то комары затрубили в газетах: Корецкий! Корецкий! Опять замелькает: ресторан такой-то, с персоны столько-то... А кто такой этот Корецкий? Быть может, и не плохой человек, но вот — «зачествуют»! Неизвестно и за что. Невинную душу погубят. Не долго ждать, пожалуй, юбилея самого Рославлева, а за ним и всей теплой компании из «Голоса земли», разных там Сергеев Городецких и тому подобных Цензоров. Пойдут затем юбилеи юбилеев — 25-го, 50-го, 100-го!.. Под конец допразднуются до того, что выскочит на верх болота какой-нибудь этакий желторотый трехкопеечный виршеплет из трехкопеечной «Панорамы» — Сидоров, скажем, или Иванов — и потребует юбилея.

— По какому случаю?! — По такому случаю, что из 25-й комнаты хозяйка за неплатеж выставляет.

Одним словом, молодцы даром времени не теряют. Некоторым образом, тошно писать о них, но я уж так, к слову.

Надо ж и нам как-нибудь почествовать «юбиляров».

МАСКАРАД БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

К чему весь этот маскарад?
«Сатирикон», № 10

«И очень просим вас послать нам деньги сейчас же, как прочтете это обращение».

«Не забудьте же».

«Обещаем(?!), что каждая копейка дойдет по назначению и о каждом пожертвовании будет *напечатано* в отчете «Сатирикона» с *указанием фамилии* жертвователя и суммы».

«*Так горячо, так искренно* хочется помочь несчастным, гибнущим от голода». («Сатирикон», № 10.)

Поистине, такие, можно сказать, изощренные пускатели «Зайчиков по стене», «Кругов по воде» и усовершенствованных лопающихся от хохота мыльных пузырей, — этакие веселые греховодники, — и обрели вдруг голос благочестия:

«И очень просим *вас* послать *нам* деньги *сейчас же!*»
«Как горячо!.. Как искренно!»

Достохвальные благодетели обещают, как добрые монахи, «помянуть душу» каждого, кто внесет самую малую лепту, хотя бы один гривенник:

«Если каждый читатель пришлет *только по гривеннику* (стоимость одного номера), то соберется сумма в 25 — 30 тысяч рублей».

Этакие «веселые устрицы»!

Эх, и зачем добросердечный рабочий люд, напр[имер] рабочие рояльной фабрики Беккера (см. «Звезду» № 50), не доверяющие «прилипчивым» рукам некоторых «благотво-

рителей», поторопились адресовать свои «гривенники» в самые надежные, по их мнению, руки — членам с.-д. фракции Государственной думы.

Не догадались направить пожертвования «сейчас же» в «Сатирикон» к веселым устрицам. Там бы лучше распорядились. Они умеют, с ними не страшны ни «трус», ни «глад», ни «нашествие иноплеменников».

Пример уже был по случаю «труса».

Ведь это же они, сатириконцы, ровно год тому назад столь «широковещательно много шумели» об устраиваемом ими благотворительном маскараде в пользу пострадавших от землетрясения в Семиреченской области.

В залы дворянского собрания публика валила столь густо, щедрясь на пятирублевые входные билеты, что нельзя было ни стать, ни сесть, ни духу перевести.

Устроители, не давшие и десятой доли обещанных сногшибательных зрелищ, оправдывались тем, что именно это совершенно непредвиденное нашествие публики, эта теснота и давка лишили их возможности выполнить намеченную (?) программу.

И что же? Несмотря на непредвиденное переполнение зала собрания, несмотря на этот наплыв, переваливший, очевидно, какой-то «предусмотренный» максимум, этот вечер, давший и непредусмотренный, стало быть, почти двенадцатитысячный сбор, принес чистой выручки всего 1722 руб. Из оных, за вычетом 500 руб., переданных в пользу детских приютов В.У.И.М., на долю несчастных семиреченцев, ради которых был собственно и вечер устроен, досталось всего каких-то 1222 рубля. Да и те, надо полагать, не особенно потолстели, пройдя еще через ряд рук. Вот вам и двенадцатитысячный сбор!

После этого надо ли удивляться одесскому журнальчику «Крокодил», который, устроив вечер в пользу литераторов и ученых, собрал 7000 руб., из коих литераторам и ученым перепало на бедность всего 1500 руб.

Так ведь то «Крокодил»!!

Я далек от мысли подозревать «веселых ребят» из «Сатирикона» в чем-либо. Боже упаси!

Но ежели, к примеру сказать, вы из разухабистых

молодцов делаетесь благодетелями рода человеческого, то «разухабистость» не мешало бы и побоку. А то не разберешь, что это: не то песня «Ухарь купец», не то благотворительный отчет:

1) Плата за зал, артистам, оркестру, за ноты, костюмы, бутафорские принадлежности, шампанское, цветы и игрушки	4465 р. 73 к.
2) Постановка декораций и других украшений зала	2182 » 57 »
3) Рекламы, публикации, типографские расходы, вознаграждение разных лиц за труды по устройству бала и покупка благотворительных марок	3041 » 73 »
4) Разные расходы	295 » 96 »
	<hr/>
	Итого 9986 р. 01 к.
	Чистая прибыль 1722 р. 89 к.*
	<hr/>
	Всего 11 708 р. 90 к.

* Из 1722 р. 89 к.— 500 руб. от продажи 100 билетов переданы в Комитет по сбору пожертвований в пользу СПБ совета детских приютов В.У.И.М.

Спрашивается, кто же здесь был облагодетельствован? Артисты, оркестр, костюмеры, винные торговцы, поставщики бутафории, декораторы (свои?), наляпавшие несколько картонов с рожами, типографшики, «разные лица»?

Вечное кривлянье на потеху невзыскательной публики, вечное щекотанье «своего» читателя, игра на «пододеяльных» инстинктах, дикое гоготанье и завыванье, «пир во время чумы» — даром не проходят.

Присяжные балагуры и блудословы, они разучились говорить простым человеческим, захватывающим сердце языком, чему доказательство — теперешнее рекламистое воззвание:

«Обещаем быть честными! Пожертвуйте. Не забудьте!..»

О чем шум?

Не беспокойтесь ради бога!.. Не забудем, чего уж там...

Ни одна трудовая копейка, жертвуемая рабочим людом своим несчастным братьям, не попадет в ваши «умелые» руки!

Ведь ваше «кредо» напечатано в том же № 10 «Сати-
рикона»:

Откроем карты, господа!
Довольно лгать и притворяться!

.
Долой из чуждого нам стана.
Его стремления...

Смешны сынам кафе-шантана...

.

Читатель! едем в кабарэ!!.

*Оттуда — в клуб! Оттуда —
к Дашке!..*

Вот и посылай, читатель, им по гривеннику!
Зачем же этот маскарад, г-да сыны кафе-шантана?!

ПИСЬМА к П. П. МИРЕЦКОМУ

⟨20-е числа мая⟩ 1913 г. СПб.

На такую статью и на такое письмо, каким вы, добрейший Павел Петрович, порадовали меня, нельзя не ответить сердечной благодарностью. Боюсь только, что перехвалили вы меня. Но я рад, что мог вызвать *именно такие* горячие отклики и *именно из провинции*. Я, к сожалению, кроме вашей статьи и статьи Войтоловского в «Киевской мысли» (№ 103, 13/IV), — статьи тоже чрезмерно хвалебной, — других провинциальных отзывов не читал, хотя слышал от третьих лиц, что такие отзывы попадались им, и все хорошие отзывы. Пусть я переоценен, но важно то, что такая встреча внушает мне некоторую веру в себя и свою скромную работу. Право же, мне пришлось выслушивать дружеские советы — перестать возиться с басней и от пустяков перейти к «настоящей» литературе, к чему, дескать, у меня есть некоторые данные — язык, например.

В моей книге нет нескольких басен — «Шпага и топор», «Сурок и хомяк», «Свеча», и в басне «Лапоть и сапог» — сапога-то и нет. Будь все это на месте, вам бы трудно было назвать меня сочувственником мирной организации. Я ей «сочувственник», поскольку она не цель, а средство.

Вы обратили ль внимание, что у меня несколько эпиграфов служат специально для проведения под их флагом контрабанды, вроде басни «Дом». Уберите эпиграф — и «Дом» погибнет по 128 ст., как погибла «Свеча». Да мало ли к каким фокусам приходится прибегать!

Вы желали бы иметь мою карточку. У меня нет другой, кроме прилагаемой — из серии «30 коп. дюжина». Дети — в шесть пудов весом. Крепкая черная кость. Пускайтесь в дальнейшие автобиографические измышления я не охотник, особенно на бумаге. При случае, ежели что, отчего и не поговорить о былом. Но — при случае. Выйдет правдивее. А так, вообще, автобиографии врут.

Я бы охотнее поговорил о том, чего у меня нет, — о южном воздухе, которого седьмой год не нюхал, застрявши в питерском болоте. Читаю на вашем письме: «Ново-черкасск», и зависть берет. Живут же где-то люди. И как чувствуют! Попробуйте здесь кого расшевелить. Душа вытравлена.

У вас там вишни давно отцвели. Не за горами — ягоды. «И ставок, и млынок, и вишневенький садок», и — «выпьем, куме, добра горилки!» Рай, и больше ничего. А мы здесь пробавляемся уксусной эссенцией и «Новым временем».

По-вашему, я — трибун, который зорко следит и т. д. А трибуну хочется в траве поваляться, опьянеть от степного воздуха, слушать трескотню кузнечиков и фырканье стреноженных лошадок.

Измытарился и устал. Говорю откровенно. Но буду писать — и никто этой усталости не заметит. Надо быть бодрым. Желаю бодрости и вам.

Жму руку. Д. Бедный.

Р. S. Адрес мой и настоящая фамилия подчеркнуты на прилагаемой «автобиографической» вырезке

Р. P. S. Весьма буду благодарен, если не откажете мне в высылке нескольких экземпляров вашей статьи. Точно так же не откажите указать, где вы еще встречали отзывы.

⟨Начало июня⟩ 1913 г. СПб.

Глубокоуважаемый Павел Петрович!

Получив ваше милое письмо и статью обо мне, я немедленно ответил вам закрытым письмом и препроводил отдельной бандеролью свою книжечку с личной надписью.

Так как я в письме, между прочим, просил вас не отказать мне в высылке еще нескольких экземпляров вашей статьи и так как до сих пор ничего не получил, то начинаю побаиваться: дошло ли до вас мое письмо и бандероль? Неприятно, если письмо перехвачено тем «местом», которым недавно я сам был перехвачен.

Кроме одной неосторожной фразы, в письме криминалов нет.

Успокойте меня, пожалуйста. Не о себе думаю (мне что?!) — о вас...

Прилагаю при сем две басни для «Донской жизни». Из «Азбуки» я советую первые четыре строки выбросить (о Льве). «Свеча» была напечатана с моралью, но за мораль подверглась конфискации (№ 2 журн. «Просвещение») и света не увидела. Она интересна и без морали, и цензурна.

И «воопче» — будьте здоровы.

Душевно преданный *Демьян Бедный*.

Почерк у вас удивительный, гипертрофический какой-то.

Адрес: Спб. Пушкинская, 3. — Еф. Алексеевичу Придворову.

Я охотник до провинциальных газет и не прочь получать «Донскую жизнь». Уплата — баснями конечно.

19 июня 1913 г. Спб.

Душевнейший Павел Петрович!

Должно быть, вы преоригинальнейший человек: почтовые ваши листы — сверхлисты, почерк — сверхпочерк, восторг — сверхвосторг. Прочел в «Донской жизни» отчет о деле Котова, — и там вы сверхзащитник какой-то: заведомого женоубийцу оправдали.

По вашему описанию, так и Новочеркасск какой-то удивительный город. О соборе, например, я напишу басню.

Странное совпадение: вы знакомы с Айхенвальдом. Тоже гипертрофический критик.

Моя очередь хвалить: откровенно скажу, что более удачного определения Вербицкой нигде не встречал. Это «лакейство» (психологическое), будь оно трижды проклято.

Со мною рядом окнами живет бывший лакей. С 8 часов утра он заводит граммофон, и эта штука не умолкает до 12 часов ночи. От этой музыки, я заметил, даже петух во дворе стал неврастеником. Петух — на питерском дворе! Об этом петухе многое можно было бы порассказать. Придет очередь. А о граммофоне басня будет в ближайшие дни.

Посылаю для «Донской жизни» басню «Честь». Да не смущается сердце ваше. После появления у вас «Честь» пойдет здесь в расширенном варианте: будет до скандала ясно, о каком политике идет речь. Скандал предвидится такой, что басня редакцией «Правды» послана на окончательное суждение за границу Ленину. Я дал вам басню в том «невинном» (общем) виде, в каком она пойдет в моей второй книге. Угадайте, кто «бабушка»? Жму крепко вашу руку.

Ваш Д. Б.

Р. С. Вы на письма не скупитесь, пожалуйста!

24 июня 1913 г.

Милый Павел Петрович!

Узрел я в номере «Донской жизни» от 20 июня, что вы—во редакторах. Ежели у вас еще и свои иные дела,— значит, вы, помимо прочих «сверх», еще и сверхработник. Сие вызывает во мне великую зависть, ибо я немалую склонность имею к лени. Порою станет стыдно перед самим собой, и я начинаю подыскивать философское оправдание: в покое, дескать, обретается моя внешняя оболочка, а в это время усиленно работает «внутреннее» я, подсознательное, так сказать, подвижничество. Вранье это, должно быть? Хотя, знаете ли, я в подсознательную работу начинаю сильно верить. Иначе многого не объяснить. Откуда появилась такая-то мысль? Такой-то образ? Вы, например, думаете, что я чуть ли не фабричный рабочий. А я только один раз бежал мимо завода, когда за

мною в Елисаветграде гнались черносотенцы с завода Эльворти. Парень я был ловкий, перемахнул через ряд заборов,— а вот прыгавший со мною товарищ еле выжил, ходит теперь со свороченным рулем: мы его прозвали — «октябрист» (дело было при издании манифеста 17 октября).

Я рабочих постигаю, стало быть, не весьма понятным образом, на лету, то там, то здесь. Я думаю, что полюбили они меня, как своего, потому что все они — по существу, по крови — «мужики», а уж мужицкой закваски во мне — вдосталь. Вы это «мужицкое» почти уловили во мне. Я иду к рабочему «от мужика».

Посылаю вам, Павел Петрович, басню из вчерашнего номера «Правды», «Муравьи». Басня — в силу тяжелой темы, широкого охвата — велика. Надо было нарисовать целую картину. Это почти уж и не басня. Просто — аллегорический призыв рабочих поддержать в тяжелое время свою газету...

А дела «Правды» доведены до крайности. Не знаю, как откликнутся «муравьи» на мою басню. Ее бы следовало перепечатать и у вас: все бы маленькая польза, кто-нибудь пришлет в «Правду» лишний грош.

Не лишнее сделать три строки предисловия: вот, мол, как «Правда» взывает к демократическому читателю о поддержке. Тяжело выносить конфискацию за конфискацией (см. мою басню «Предпраздничное». Тоже можно поместить впереди «Муравьев»).

Спасибо за номер «Утра Юга» со статьей обо мне. Признайтесь — это ваш грех? Милый, что вы делаете? Не ахти какой талант я. Честный работник, вот и все. Надо упорно бить в одну точку, в одну точку. Народ давно подметил силу капли, подумайте — капли! — которая долбит камень. Я — капля. Могучий поток — впереди.

Ваш Д. Бедный.

15 июля 1913 г. СПб.

Милый Павел Петрович!

Ваш «трибун» изволил в последнее время разнервничаться чуть не до порока сердца. С «днем первого июля»

(получили вы басню «Муравьи»?) вышла чертова перечница. Я призывал «Муравьев» проработать один день с отчислением заработка в пользу своей газеты, а «Муравьи» взяли да «с первого июля» стали... бастовать, выражая этим протест против угнетения рабочей печати. Результат получился блестящий: «Правда» и «Луч» прекратили свое существование, а на заборах появились плакаты градоначальника о карах за забастовки. «Вышло дело — аромат», как поется в одной частушке. Прошла неделя. Вместо «Луча» родилась «Живая жизнь». «Правда» стала «Рабочей правдой». Последняя за три номера успела уже конфисковаться. Рабочие газеты — газеты четвертого измерения — будто бы существуют, а найти их порою невозможно. Где они?!

Что будет дальше — увидим...

Что касается посылаемого вам транспорта басен, то все они — увы! — сверхморальны. Я отнюдь не для того посылаю их вам, чтобы вы их все напечатали. С меня довольно и одного такого читателя, как вы. Но я все-таки полагаю, что №№ 1 и 2 могут быть напечатаны, № 2 бесспорно, а № 1 («Враль») с примечанием такого характера: автор задался целью написать ряд народных сказок, пользуясь для этого тем печатным и устным материалом, какой дает сам народ. Народной морали и народных взглядов автор не намерен переделывать и искажать, иначе басня перестанет быть народной. Точность передачи басни «Враль» может быть проверена по сборнику Н. Ончукова, печатанному по распоряжению «Императорского русского географического общества». Басня № 208.

Ежели вы, Павел Петрович, отнесетесь к сказке не предвзято, я дам исключительно для «Донской жизни» серию сказок, могущую составить книгу сказок. Было бы хорошо, если бы вы расширили примечание и разъяснили читателю, с какими требованиями надо приступать к сказке.

Разумеется, я дам и политические сказки, цензурность коих будет обеспечена возможностью сослаться на первоначальную основу. А там, глядишь, и свою сказку контрабандой проведу.

Подумайте.

№ 3 без морали туда-сюда. А мораль — караул!

№ 4, «Сурок и хомяк» — сплошное беззаконие, на мой взгляд. Никакие эпитафии «с боку припека» не спасут.

№ 5, «Пустоцвет». Черт ее знает! Хлесткая, веселая басня. Я, знаете ли, уверен, и вы как юрист сами видите, что к ней по 1001 статье не подкопаться. Она была в наборе для «Звезды», да помешал один благочестивый человек. А то бы прошла. Полетаев в думе ее показывал. Все соглашались, что «не подкопаться». Я метил в «беспартийных прогрессистов».

Словом, разбирайтесь в транспорте, как знаете. Я охотно дам вам басню на «новочеркасскую тему», буде таковая у вас объявится — острая, нужная, так что вы даже укажете ее. Вообще — как видите, я в дружбе — щедр.

Будьте здоровы и невредимы.

Ваш Д. Бедный.

Р. С. На кой вы черт поместили статью Ленского об Арцыбашеве? Самая хамская статья. Какой же Арцыбашев «большой писатель, с колоссальной и т. д. популярностью»? Популярность и у Вербицкой! Я у Арцыбашева помню только один хороший рассказ — «Смерть Ланде», кажется. А после — сбился парень с панталыку.

12 августа 1913 г. СПб.

Я не сержусь на людей, которым верю. Не сердитеесь и вы, что я замедлил с ответом на ваше хорошее письмо. Все ждал досуга, чтобы ответить обстоятельно. А досуга нет. И тревога большая. Главную мою «Трибуну» бьют и бьют. Отстаивание ее существования принимает поистине героический характер. Надеемся. Но надежды часто так обманчивы. Осень покажет.

Помимо «Трибуны», «Просвещения» и «Современного мира» я принял еще работу в харьковском «Утре», где преобладают «свои», и теперь некогда «высморгаться». Не скрою, что предложение «Утра» было принято мною главным образом по соображениям «предусмотрительного» свойства: на случай вынужденного отрясения столичного праха от ног моих.

По поводу вашей «исповеди» я желал и мог сказать много. Но это — потом. Главное — не придавайте никакого значения тому, что ваши «опыты были горячо встречены Л. Толстым, Короленко, Мельшиным, Горнфельдом, Миролюбовым, Айхенвальдом». Могла быть и обратная встреча, что решительно ничего не доказывало бы. В последние два года жизни Мельшина я был настолько близок к нему, что и помер он на моих глазах: жена его, сестра да я — втроем, только облегчали мы ему «переселение». Любил я его до самозабвения. А вот суду его всецело не поддавался. Не говорю о Горнфельде: тот, вероятно, и поныне с недоумением взирает на мои басни. Не укладываются они в его эстетический трафарет. Что же из этого? Я считаю, что всякий талант (хоть такая мелюзга, как мой) должен показывать свою силу и самоценность, идя «напролом». Всякий талант — дерзок, всякий талант — завоеватель. Я отмежевал маленькое-маленькое место. Но в этом месте нет никого выше меня.

Шутя, я называю такое мое мнение «нахальством». Но этого «нахальства» я желаю всем.

Самое страшное — это раздвоение личности. Нет ли у вас сего? Надо бить в одну точку, а не братья за все. Надо сосредоточиться на своем «властном синтезе», и тогда «найдутся слова». Сами найдутся, не надо искать. Ваша «душевная драма» есть драма всех ищущих и еще не нашедших себя. Но, черт возьми, тут никакая чужая помощь не годится. Надо родить самому. Ребенок, которого мне кто-то помогал «делать», наверное окажется не моим. Тут надо самолично. И ежели с напором — богатырь получится. Осечка один раз? Заряжайтесь снова. Пока есть порох в пороховницах.

Вам сорок лет. Вы в соку и физическом и в духовном. Больших дел наделать можно. А вы стонете: «Жизнь уходит, и я день за днем ухлопываю черт знает на что». Так не ухлопывайте! Есть один испытанный прием: приучить себя к ежедневному «жертвоприношению» — каждое утро засесть на три часа перед своим «алтарем» и, несмотря ни на какие влияния ленивой мысли, понуждать себя: пиши, сукин сын, пиши! Смекните: Л. Толстой был величайшим работником. Гений — это труд. Любимый, конечно.

Мне смешно: я говорю какие-то азы. Но без азов нельзя. Нет одного аза, и вся азбука — не азбука. А без азбуки — ты слепой.

Я очень горячо убеждаю не только вас, но и... себя. Я ленив до безобразия. Дьявольски ленив. Всего один год, как я стал втягиваться в интенсивную работу, и вот... Уже все «лентяи» прокричали обо мне. Встряхнитесь и дайте мне возможность покричать о вас.

Любящий вас *Еф. Придворов.*

ДОБЕЙТЕ ЗМЕЕНЫШЕЙ!

(Письмо к питерским рабочим)

Дорогие товарищи!

На днях я вернулся из трехнедельной поездки по деревням Тверской губ.

Хотелось мне лично убедиться, есть ли хоть слово правды в криках левоэсеровских проходимцев и прочих пустопорожних болтунов, будто крестьяне отворачиваются от нас, коммунистов, и будто деревни кишат злостными дезертирами, не желающими защищать рабоче-крестьянскую власть и социалистическое отечество.

И я скажу прямо:

Все это — гнусная ложь!

Все крестьяне — за советы.

И злостных дезертиров нет.

Дезертиров с фронта во всей Тверской губ. я не встретил ни одного.

Правда, видал я большое количество так называемых дезертиров из тыловых запасных частей, но это — не дезертиры, а кем-то обманутые, сбитые с толку или же просто легкомысленные ребята: кто побежал за сухарями, кто отпахаться вздумал, кто задержался в отпуску с той же целью, а тут еще пасхальные праздники соблазнили.

Каждый думал про себя:

Отработаюсь, или подкормлюсь, или отгуляюсь, и айда обратно в часть.

Про великое дело, к которому призваны, забыли.

Теперь, однако, все хлынули обратно в свои части.

Поняли. И не только бывшие в частях, но и те, что раньше вовсе не являлись по мобилизации, и те опаматовались: просятся на фронт.

На мой взгляд, в Красную Армию теперь вливается такая сила, что если все, кто считался в дезертирах, честно исполнят свой долг и усилят ряды самоотверженных наших красных бойцов, — этот приток сил сразу скажется: и белогвардейские банды будут вконец уничтожены, и, что для нашего крестьянства в горячую летнюю пору самое важное, — нам не придется спешить с новыми очередными призывами и отрывать раньше срока крестьян от полевых работ: и сено скосим, и хлеб уберем, и новый засеем, а потом, ежели что — и от винтовки не откажемся.

Вот как обстоит дело. И вот почему, когда до меня дошли слухи, что не то рота, не то часть одного из петроградских полков покрыла себя несмываемым пятном черной измены, перекинувшись к белым, я этому не мог поверить.

Потому что: к кому же рабочие и крестьяне могли перекинуться?

Если они потеряли совесть, то не лишились же они сразу ума. На какие блага они, совершая измену, могли рассчитывать?

Разве белогвардейские генералы не поставят их снова под ружье и не поведут в бой — против кого? Против своих братьев. За чьи интересы? Ясно: не за рабочие и не за крестьянские, а за возврат власти тем, кто целые века угнетал нас и грабил, чья злая воля стояла народу неизмеримых мук, неисчислимых жертв.

Не с радости мы их сбросили, и не для радости нашей они норовят вновь сесть нам на шею.

Нам, разоренным прежними хозяевами нашими, нам, теснимым со всех сторон врагами нашими, — нам, имевшим рабский опыт, но не имевшим опыта в управлении собою и своими, общегосударственными, делами, нам трудно теперь сразу «выйти на сухое место», залечить все старые болячки, наладить весь государственный аппарат, все учесть, распределить, чтоб никто не загреб лишнего и никто не остался в обиде.

Все это — дело трудное, и дело — наше общее. Но не все еще прониклись этим сознанием: что каждый из нас —

винтик, необходимая и незаменимая часть огромного налаживающегося механизма.

Механизм хорошо работает, когда мы все заработаем, каждый на своем месте.

Он еще плохо работает, потому что не все части его исправны и не все на своих местах.

Честные работники — надрываются.

Бесчестные — делают свое бесчестное дело до поры до времени, пока не настигнет их беспощадная кара революционного суда.

Все же остальные — перебирают ошибки первых и негодуют на преступления вторых.

Легко, ничего не делая, разбирать неизбежные и невольные ошибки тех, кто перегружен делом.

Было бы лучше — облегчить своим трудом работу честных революционеров и избавить нас от необходимости пользоваться услугами людей сомнительных.

К счастью, так уже и происходит: рабочие и крестьяне уже выдвинули из своей среды немало выдающихся строителей новой жизни.

Их будет еще больше.

Нечисть отметаается.

Мы стоим на пути к лучшему, а не к худшему.

Мы делаемся и культурно, и экономически, и в военном отношении сильнее с каждым днем.

Это видят и знают наши враги.

И потому-то они нападают на нас с таким ожесточением.

Это — отчаянная борьба; это — безнадежная попытка народных поработителей ухватиться коченеющими руками за последний куст, перед тем как им упасть в приготовленную для них историей пропасть; это судорожные, наиболее сильные, но последние корчи смертельно раненой змеи: ее укусы еще страшны, но для нас уже не смертельны, потому что змеиный яд весь израсходован.

Змею надо добить. И мы ее добьем. Она уже побеждена, потому что не надеется на победу.

Страшен не этот враг, а страшно наше малодушие.

Издыхающая змея высылает на нас змеенышей. Все эти *Колчаки*, *Деникины*, *Юденичи*, *Маннергеймы* — это последыши, с которыми мы справимся.

И позор тем, кто, увидав их число, смалодушествовал.

Позор им и горе им. Потому что трусы и изменники из наших рядов, перешедшие во вражий стан, разделяют судьбу врагов наших.

Из числа этих врагов случайно я лично знаю одного. Он не лучше прочих, и не хуже.

Такое же умственное и нравственное ничтожество, как и все остальные.

Он в числе тех выхоленных, титулованных дармоедов, сброшенных нами царских приспешников, лакированных, золотопогонных злодеев, что ведут отряды из подлецов или из дураков на нашу любовь и на нашу гордость — на Красный Петербург.

Генерала Родзянко — я о нем говорю — я знал еще в начале царской войны в 1914 году, когда он был только бравым гвардейским ротмистром.

Как и все богачи-патриоты, этот племянничек председателя царской думы на войне первым делом устроился так, чтобы своей благородной крови не проливать, а получать только боевые отличия.

И примазался в штаб Гвардейского корпуса, в собутыльники генерала Безобразова. Весь штаб этот состоял из тогдашних черносотенцев — нынешних белогвардейцев, именитой своры князей, графов, принцев, богатых и родовитых дворян, пьяниц и развратников, прожигавших жизнь в близком тылу с любовницами и женами, пышными, расфранченными.

Напивались и били друг другу морды, а больше всего измывались над солдатами.

Ротмистра, а потом полковника Родзянко сопровождала его жена, англичанка.

Где-то там, на каких-то конских бегах в Англии, перед самим королем, Родзянко брал призы по верховой езде и тогда же породнился с англичанами.

Так что для напирających на нас английских банкиров — это свой родной человек.

Наездник. Рослый и здоровый. Выкормленный на помещичьих хлебах. Кулаки зубодробительные.

Их восчувствовало множество солдат, осчастливленных родзянковским рукоприкладством.

Офицеры, шкурники и трусы, по отношению к солдатам как раз и отличались наибольшею жестокостью.

И это они нынче так изуверски в захваченных местах расправляются с рабочими, вешая их тысячами на деревьях, расстреливая их жен, убивая детей.

Таков и Родзянко.

Но этот штабной трус побежит во все лапчатки при первом на него натиске.

Мы можем разгромить — и мы разгромим! — родзянковские отряды, мы захватим весь его штаб, но самого этого героя мы не увидим.

Он убежит! Он имеет королевский приз за быстроту бега!

Товарищи! От нас зависит: и генерала Родзянко и всю остальную белогвардейскую свору, поддерживаемую англо-французскими капиталистическими акулами, заставить убежать так, чтобы они, как пожелала им при мне одна старушка, крестьянка, мать красноармейца, — «туда бы не добежали, а назад не вернулись»!

Уничтожьте змеенышей на месте!

ПРЕДИСЛОВИЯ
К КНИГЕ Л. ВОЙТОЛОВСКОГО
«ПО СЛЕДАМ ВОЙНЫ»

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ

В бытность мою на царском фронте в 1914 году я в первые пять месяцев войны не разлучался с записной книжечкой, которую держал за голенищем. Накопилось у меня исписанных книжек несколько. Но все они погибли в декабре того же года. Вырвавшись на две недели домой, я прихватил с собой и мои книжечки. В Финляндии, когда я ехал лесной дорогой в деревню Мустамяки, мой возница, безрукий Давид, вдруг засуетился, стал подхлестывать лошадь и оглядываться.

Сзади где-то фыркали лошади и заливался колокольчик.

— Пиона едет! — заявил безапелляционно Давид.

— Шпион?!

— Пиона! — повторил Давид.

— Гони!.. И сразу сверни во двор к Иорданскому. Свернули. Колокольчик прозвенел мимо.

Вбежав в дом Иорданского, я моментально все мои записные книжки и письма швырнул в печку. Все горело. На следующий день в мою квартиру привалили — жандармский полковник, человек пять охранников и еще какие-то типы. Меня не было дома. Перетряхнули все, забрали все рукописи и письма, вплоть до детских. После такого случая мне не оставалось ничего другого, как раньше истечения срока отпуска подрать на фронт. Я так и сделал. Потом пришлось давать тягу обратно. Но это другое дело. Суть в том, что я долго-долго не переставал

жалеть о гибели моих записок. Были мной записаны изумительные вещи. Свежие записи, на месте. Повторить нельзя.

Один случай из записанных мной особенно врезался мне в память.

Где-то под Краковом читаю я солдату, Николаю Головкину, газету кадетскую «Речь». Газета, захлебываясь от восторга, описывает патриотическую манифестацию интеллигенции и студентов: с иконами и трехцветными флагами чуть ли не стояли на коленях у Зимнего дворца.

Головкин слушал-слушал, потом сплюнул и изрек: — По-рож-ж-жняки!

Охарактеризовать более метко русскую интеллигенцию нельзя было.

А сколько таких метких суждений мною было записано! И все погибло.

Понятно поэтому, с какой жадностью я набросился года четыре назад на походные записки тов. Л. Войтоловского «По следам войны». Они для меня некоторым образом возмещали мою потерю.

Я читал рукопись. Теперь записки в трехтомном издании выходят в печатном виде. Сомневаться в их успехе не приходится ни на минуту. Такой книги (за исключением разве книги С. З. Федорченко «Народ на войне») об империалистической войне у нас еще не было. Ни историку, ни психологу, ни тем более художнику, желающему понять, истолковать, изобразить настроение народной многомиллионной массы, брошенной в пекло империалистической бойни, нельзя будет миновать записок тов. Войтоловского. Но и каждый читатель, который непосредственно к ним обратится, получит неисчерпаемое удовольствие и неоспоримую пользу.

Чтоб узнать мужика, надо с ним пуд соли съесть и, во всяком случае, не пренебрегать ни одной самомаleastшей возможностью, счастливым случаем узнать его поближе, разгадать его подлинный лик.

Припоминаю случай с В. И. Лениным. Владимир Ильич как-то в 1918 году, беседуя со мной о настроении фронтовиков, полувопросительно сказал:

— Выдержат ли?.. Не охоч русский человек воевать.

— Не охоч! — сказал я и сослался на известные русские «плачи завоенные, рекрутские и солдатские», собранные в книге Е. В. Барсова «Причитания северного края»:

И еще слушай же, родная моя матушка,
И как война когда ведь есть да сочиняется,
И на войну пойдем, солдатушки несчастные,
И мы горючими слезами обливаемся,
И сговорим да мы бесчастны таковы слова:
«Уж вы, ружья, уж вы, пушки-то военные,
На двадцать частей, пушки, разорвитесь-то!»

Надо было видеть, как живо заинтересовался Владимир Ильич книгой Барсова. Взяв ее у меня, долго он ее мне не возвращал. А потом, при встрече, сказал: «Это противовоенное, слезливое, неохочее настроение надо и можно, я думаю, преодолеть. Старой песне противопоставить новую песню. В привычной своей, народной форме — новое содержание. Вам следует в своих агитационных обращениях постоянно, упорно, систематически, не боясь повторений, указывать на то, что вот прежде была, дескать, «распроклятая злодейка служба царская», а теперь служба рабоче-крестьянскому, советскому государству, — раньше из-под кнута, из-под палки, а теперь сознательно, выполняя революционно-народный долг, — прежде шли воевать за черт знает что, а теперь за свое и т. д.».

Вот какую идейную базу имела моя фронтовая агитация.

У тов. Войтоловского в его записках правдиво и художественно изображено, как народ воевал «за черт знает что» и как он ума набирался.

Многое из записок этих может быть использовано и нашими агитаторами.

Следовало бы даже из трех томов выбрать особый сжатый сборничек, который был бы весьма и весьма подходящ для изб-читален.

Да мало ли как мог бы быть использован неисчерпаемый материал, заключенный в этих записках.

Сам я сюжет для моей сказки «Болотная свадьба» взял отсюда. Есть еще в записках сказка «Хут». Гениальнейшее народное символическое изображение мировой

войны. Я на него давно нацелился. Материала хватит не на меня одного.

Записки должны быть всесторонне использованы.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ТОМУ

В предисловии к первому тому настоящих «походных записок» я писал. «Ни историку, ни психологу, ни тем более художнику, желающему понять, истолковать, изобразить настроение многомиллионной массы, брошенной в пекло империалистической бойни, нельзя будет миновать записок тов. Войтоловского. Но и каждый читатель, который непосредственно к ним обратится, получит неисчерпаемое удовольствие и неоспоримую пользу».

Многочисленные печатные отзывы о первом томе отличались редким единодушием, горячо и сочувственно подтверждая мои слова. Никто, однако, из рецензентов не досказал того, чего я в предисловии не мог сказать в силу ряда причин, среди которых редчайшая скромность автора «походных записок» занимала не последнее место.

Досказал недосказанное... Максим Горький. Досказал так, как только мог досказать такой, как он, громадный и исключительно чуткий ко всему талантливому писатель. Вот отрывок из его письма, адресованного автору «записок»:

«С потрясающим увлечением прочитал Вашу книгу. Думаю, что Вы дали ей все основания для того, чтоб сердечно поздравить Вас с работой замечательно удачно сделанной и, бесспорно, имеющей глубочайшую историческую важность.

Большие слова? Не бойтесь. Для меня Ваша книга совершенно покрывает высоко ценимую мною работу Федорченко «Народ на войне», да и вообще это самое ценное, что сказано у нас — и всюду — *о мужике* на войне...

Объективизм, с которым Вы пишете, это почти объективизм художника; местами я вспоминал «Войну и мир» Л. Толстого.

Чсть Вашему мужеству! Ибо книга, помимо всех ее достоинств, написана и мужественно... Правда ее ослепляет и очень многому учит.

Нет,— хорош русский писатель, когда он смотрит зорким, честным глазом!»

Так отозвался Максим Горький. Действительно, «большие слова» сказал добрейший Алексей Максимыч. Однакож я уверен, что, ознакомившись с настоящим, вторым, томом «походных записок» Л. Н. Войтоловского, сам Алексей Максимыч — да и остальные вдумчивые читатели — найдут даже в этих «больших словах» недосказанность, недооценку.

Перед нами — это уже теперь совершенно ясно! — не просто «работа, замечательно сделанная... почти с объективизмом художника», а большое полотно большого писателя, медленно разворачивающаяся, широчайшая, не «почти», а насквозь подлинно-художественная эпопея, в которой, как, пожалуй, ни в какой другой книге, нашли художественно-правдивое отображение — «все липовое: и цари, и святые, и штабы», вся бестолочь прежней русской жизни, бесконечная выносливость и житейская мудрость простого народа, столь же бесконечная бездарность и подлость правящего класса и последние — то «наступательные», то «оборонительные» — судорожные, несмысленные и между собой не связанные движения гигантского государственного организма, в котором центрально-нервная система замирала в последних стадиях паралича.

Развал... Обреченность... Гибель...

И вот в эту-то злую пору у народа, у наилучшей его части, брошенной на голый, беззащитный, безоружный, «убойный» фронт, «обмокла кровью душа... и пошли думки разные...»

Любовно подслушанные и правдиво записанные Л. Н. Войтоловским, эти народные думки производят на нас, читателей, *потрясающее впечатление.*

Претворенные народом в живое и спасительное действие, эти думки привели погибавшую, парализованную Россию к *потрясающему событию.*

Имя этому событию — *Октябрьская революция.*

О РЕВОЛЮЦИОННО-ПИСАТЕЛЬСКОМ ДОЛГЕ

Мне предложили написать предисловие к собранным в одну книжечку моим разновременным высказываниям о писательской работе. Я не поклонник предисловий. Хорошая книга и без предисловия хороша, а плохой книге никакое предисловие не поможет.

Перелистывая корректурные листки моей книжки, я вижу, как много можно бы и надо бы было досказать по существу основной ее темы. Удастся ли мне урвать когда-либо время для этого, не знаю. О писательской работе так много пишут, что умножать эти разглагольствования — порой никчемные — у меня нет особой охоты. Мне больше нравится тот юбиляр-музыкант, мастер играть на трубе, который в ответ на все юбилейно-музыкальные разговоры о его мастерстве скромно ответил: «Что, собственно, ко всему тому, что сказано вами о моей работе, я могу добавить? Лучше я вам сейчас сыграю на моей трубе». И сыграл. Хорошо сыграл, как мастер своего дела.

Писатель прежде всего должен уметь играть на своей трубе, то есть на своем инструменте. Писательский инструмент — слово. И первый совет начинающему писателю: научись словесным инструментом владеть. Учеба эта трудная и длительная. Основные пособия — жизнь и хорошие книги. Распространяться на эту тему я не стану. В моем «вместопредисловии» я хочу сказать несколько слов об одном: о революционно-писательском долге.

Кто-то из наших критиков — не помню, кто — писал: тематика и язык Д. Бедного настолько близки к жи-

эни, настолько придвинуты к читателю, что из-за этой близости читатель перестает ощущать Д. Бедного как поэта. Критик, надо полагать, имел в виду ту особую разновидность читателей, у которой современная жизнь и ее живой язык не вызывают особо радостных переживаний, и она, эта читательская разновидность, способна «ощущать как поэта» только такого поэта, который уводит ее подальше от этой жизни и от ее живого языка.

Так из-за близости к жизни, к своему читателю не всеми литературными критиками в свое время Некрасов «ощущался как поэт». Предпочтение отдавалось А. Майкову и другим, которые сами говорили о себе:

Мы все, блюстители огня на алтаре,
Вверху стоящие, что город на горе,
Дабы всем виден был: мы — соль земли, мы — свет...

Подальше от жизни... вверху... на горе... у алтаря...

К такому расстоянию от жизни, к такой пышной позиции я никогда не стремился и другим не рекомендую. Там, где «алтари», там и «жрецы», «вверху стоящие» над «тупой чернью», там и поэты, «бряцающие рассеянной рукой по вдохновенной лире» и осаживающие «непосвященный, бессмысленно внимающий народ»:

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!

Лиры, алтари, жрецы — красивые, завлекательные образы. Так бывают красиво-завлекательны болотные цветы. Но красота болотных цветов привлекает — в трясину. Болотные цветы — слизистые, скользкие. На них однажды поскользнулся сам гениальнейший Пушкин. Не зря породили целую дискуссионную литературу его запальчиво-опрометчивые строки:

Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношение,
Жрецы ль у вас метлу берут?

Мы, как я сказал, не «жрецы», и если наше революционное служенье того требует, мы «метлу» берем.

Эх, мети, моя метла,
Мусор выметем дотла!—

писал я как-то. И не без умысла я на исходе двадцатилетия моей писательской работы написал большой стихотворный, тщательно оформленный фельетон — «Утиль-богатырь», посвященный доказательству того, как нам несходим сбор... утиль-сырья. Утиль-сырье, отбросы! Вместо жреческого шествия к алтарю я полез, с позволения сказать, в выгребную яму, где обретаются — по выражению К. Маркса — «экскременты потребления... вешества, выделяемые человеческим организмом, остатки платья в форме тряпок и т. д.». Вот тебе и алтарь!

Собирайте рвань-бумагу,
Кости в поле, по оврагу,
Старый войлок и сукно,
Чуни, рваное рядно,
Рог, копыто и рогожу,
Гвоздь, попавший под забор,
Гайку, сломанный топор
и т. д., и т. д.
Все несите Утилю!

Когда я писал эти строки, агитирующие за организованный сбор «экскрементов потребления», тряпок, костей, рваной бумаги и прочего «хлама», я был воодушевлен темой по-настоящему, считая, что я выполняю свой революционно-писательский долг, агитируя за увеличение сырьевой базы нашей советской промышленности.

— Какая ж это поэзия? — скажут литературные чистоплюи из вражеского лагеря. — Это «утиль-поэзия!» Утиль-сырье — разве это тема для поэта? Уборка и использование отбросов и нечистот — разве это подвиг?

Однако, когда дело касается интересов буржуазии, она и в уборке нечистот способна видеть подвиг. Разве буржуазными историками не приводился пример древнеклассической доблести, образец выполнения гражданско-го долга одним великим мужем древней Греции, который, будучи назначен заведующим уборкой городских нечистот, поставил это дело на такую небывалую высоту, довел санитарное благосостояние своего города до такого блестящего положения, показал, словом, такое добросо-

вестное отношение к порученному ему делу, что с тех пор само звание — «заведующий уборкой городских нечистот» — превратилось в этом городе в почетное звание, которым награждали героев за выдающиеся заслуги.

Этот пример полезно напомнить тем буржуазным чистоплюям, которым наша героинка не по нутру, которых от наших подвигов воротит.

Писательское ремесло — нелегкое ремесло. Не каждому литературному ремесленнику удастся сделаться литературным мастером. В приобретении мастерства играют роль — труд и способности. Но и мастерство самое высокое может оказаться пустым, а то и вредным мастерством у того писателя, который безоговорочно, честно и горячо не поставит свое искусство на служение тому великому делу, которое называется — пролетарской революцией.

Ленин в послесловии к своей книге «Государство и революция» сказал: «...приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать». В согласии с этим я бы сказал, что для поэта, поскольку его стихи являются его делом, приятнее, полезнее и почетнее своими стихами участвовать в революции, нежели писать стихи о революции. Участвовать в революции — это значит: выполнять любое задание революции, не брезгуя никакой темой и формой, варясь, так сказать, в творческом соку революционной жизни, шагая нога в ногу рядом со своим читателем, революционным пролетарием и крестьянином, а не пребывая от него на дальнем расстоянии, «на горе», «у алтаря».

Не мало алтарей свергли мы с высоты в пропасть. Литературным алтарям дорога туда же.

Выполнению революционного долга писатели должны учиться у пролетариата. Для примера приведу такой случай.

Одного рабочего-большевика, — назовем его Федоров, — искусного мастера по добыче и обработке металла, самоотверженного ударника и выдающегося организатора, все время — именно из-за его высоких партийных и рабочих качеств — перебрасывали с места на место, переводя его туда, где было туго, где было особенно трудно, где его выдающаяся работа была наиболее нужна,

Сорванный с благодатного советского юга, перебрасываемый с места на место, очутился он под конец далеко в Сибири в тяжелых условиях героического строительства одного из наших заводов-гигантов, где он, этот великолепный мастер, качеством и ударностью своей работы превзошел самого себя. И вот возникла необходимость в срочной работе по добыче металла... на Сахалине, на этом когда-то каторжном острове. Нужно было послать туда крепкого, испытанного работника. Естественно, что подумали прежде всего о товарище Федорове. Но как ему сказать об этом: дескать, вот, в награду тебе за все — на Сахалин не угодно ли? Стали ему говорить, замялись:

— Вот, товарищ... На Сахалине, значит... Дело такое важное, понимаешь... Сахалин...

— Чего Сахалин? — спросил Федоров. — Ехать надо, что ль, на Сахалин?

— Хорошо бы, знаешь... Дело такое важное...

— Солнце на Сахалине есть? — спросил Федоров.

— Есть.

— Советская власть на Сахалине есть?

— Есть.

— Партия большевистская на Сахалине есть?

— Есть.

— Ну так какого ж дьявола вы тут мнетесь? Давайте путевку, что ль!

Вот как революционный рабочий понимает и выполняет свой революционный долг. Вот каков подлинный рыцарь пролетарски выполняемого революционного долга. Пролетарские поэты еще не сложили о таком пролетарском рыцаре песни, которая могла бы перекликнуться с пушкинской песней:

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой...
Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А.М.Д. своею кровью
Начертал он на щите,

на щите, прикрываясь которым, он — «дик и рьян» — бросался в гущу битвы.

Революционный писатель, пролетарский писатель, если он способен и если он стремится самоотверженно рыцарски служить не «сладостной мечте», а сладостному великому делу раскрепощения рабочего класса и утверждения пролетарской диктатуры, он, выходя на боевую арену в полном революционно-идейном и литературно-техническом художественно-боевом снаряжении, должен на своем щите начертать своею живою кровью вместо божественных букв А.М.Д. (Ave mater dei) символические для всего мирового пролетариата буквы — А. П. Р. — «Ave, — то есть да здравствует! — пролетарская революция!»

И мало — написать. А биться художественным словом на всех фронтах и всеми способами за дело, обозначаемое этими буквами, биться так «дико и рьяно», как бился воспетый Пушкиным смелый и прямой духом рыцарь.

ПЕСЕЛЬНИКИ, ВПЕРЕД!

Поэзия — один из наиболее отстающих у нас фронтов литературы, и никакими красивыми фразами этого факта не скроешь. Поэты наши еще далеко не всегда отдают себе отчет в том, чего ждет от них страна и наша сталинская эпоха, как им нужно петь, чтобы песни были ко времени.

В самом деле, осмотритесь кругом. Наша социалистическая родина на наших глазах расцветает, она стала сильной, бодрой, могущественной страной. Она требует боевых и радостных песен.

Без преувеличения можно сказать, что русский народ по заслугам славился своим творческим песенным даром.

В области песни русским народом созданы исключительные творческие памятники, подлинные шедевры. То, что собрано и опубликовано, не составляет и сотой доли песенного богатства народа.

Это богатейшее народное творчество — живой источник, который никогда не иссякнет. Из этого источника черпали свое вдохновение наши величайшие поэты. Обращение к этому живому источнику народного творчества удесятерять творческие силы, подобно прикосновению героя греческой мифологии к матери-земле.

К сожалению, не видно, чтобы наши поэты льнули жадными устами к этому гигантскому источнику творческого вдохновения.

В ответ на требование народа песни действительно начинают появляться. За последнее время создано несколько прекрасных песен. Но мы не были бы большевиками, если бы удовлетворились немногими хорошими песнями.

Больше того, это означало бы не слышать сигналов, которые идут из народных масс. Ведь дело у нас обстоит так, что мы, поэты, должны запеть вместе со всей страной.

Подумайте о том, в какое время мы живем, о том, что творится кругом во всем мире. Мы должны отказаться от свойственного нам благодушия и склонности к внутреннему самоуспокоению. Время требует от нас бдительности. Мы, писатели, прозаики и поэты, должны чувствовать себя боевой творческой организацией. Каждый из нас должен постоянно чувствовать себя литературным бойцом.

Подтягивая отстающий поэтический фронт, мы должны уделить особое внимание песенному творчеству.

В самом деле, тот, кому приходилось участвовать в боевых походах, не раз испытал это чувство. Бывало, например, кончается сорокаверстный поход, все страшно устали, ночь, кажется, не двинешься ни шагу вперед, и вдруг команда: «Песельники, вперед!» Выйдет вперед несколько кудрявых молодцов, лихо запоют, спляшут, и неизвестно откуда силы берутся, опять бодро идешь вперед.

Свое обращение к поэтам я бы и хотел озаглавить: «Песельники, вперед!»

Речь, конечно, идет не о плохих, а о хороших песельниках.

А можно ли быть хорошим песельником, не зная народного творчества? Мы, к сожалению, не можем похвастать овладением народным творчеством не только в поэзии, но даже и в науке, в фольклористике.

Между тем вопрос о песенном жанре неразрывно связан с задачей изучения и овладения народным творчеством. В этом отношении большую помощь поэзии должна оказать фольклорная секция Союза советских писателей. Для песенного жанра мы должны использовать замечательную энергию и опыт народного фольклора.

Народ — поистине гениальный творец.

Объективна и вместе с тем конкретна народная поэзия. Не одни поэты пишут злободневные стихи. Народ это тоже делал и не только в частушках. Есть целая серия народных песен, названная несправедливо, если не ошибаюсь, у Соболевского, — «низшей эпикой». Это пре-

красные, короткие исторические песни, посвященные активной и конкретной тематике. Заклоченная в этих песнях «злота дня», выраженная поэтическим народным языком, сохранила свое значение и до настоящего времени, она живет и учит, и мы должны у нее учиться.

Песенный жанр у наших поэтов характеризуется слишком большим однообразием. Между тем народный фольклор отличается бесконечным разнообразием жанров. В частности, от нас ускользнул один очень важный и актуальный вид песенного жанра. Почти погибла народная сатирическая песня, ее никто не записывал. Дело в том, что в прежнее время сатирическая песня распевалась тайно. Чрезвычайно много записано любовных песен. Между тем немало осталось в народе и сатирических песен. Их выявлением необходимо заняться.

Зазвучавшие у нас за последнее время некоторые песни являются пока весьма односторонним и далеко не полным ответом на запросы масс и требования времени. А насколько многообразен песенный жанр, об этом свидетельствует народный фольклор. Возьмем, например, семейные песни. Что-то не слышать, чтобы кто-либо сейчас писал семейные песни и чтобы народ их пел. Между тем именно в семейном быту произошли громадные революционные изменения, — коренным образом изменилось положение женщины в семье, взаимоотношения детей и родителей, отношения жены к мужу, мужа к жене и т. д. Созданы ли у нас об этом песни? Не созданы.

Возьмите далее вдовье положение, положение сирот, — разве это не благодарнейшая тема для песни? Народные песни о сирых и убогих, как известно, были чрезвычайно унылые. А мы можем написать веселую песню, песню об исчезновении у нас сиротской доли, уничтоженной колхозом.

Множество интереснейших, социально-насыщенных песенных тем в нашей великой стране.

В репертуаре дореволюционной народной песни большое место занимали так называемые «плачи». Эти «плачи» мы бросим. В нашей стране плакать не приходится. Но вместо бывших рекрутских, солдатских песен мы можем дать, и уже даем, песни красноармейские, и какие!

Народный фольклор знает также песни фабричные, о бурлаках, а также детские песни. Кто у нас сейчас пишет детские песни? Создана ли, например, хорошая колыбельная песня? Нет, не создана.

А хороводные песни? Почему не вести нам советских хороводов? А игровые песни?

Ничего этого до сих пор нет, никто в этом направлении не работает.

А обрядовые песни? Как умел народ наш украсить песней все свои жизненные обряды. Обрядовые песни у него делятся и на свадебные, и подблюдные, и масленичные, и жнивные. На все случаи жизни — песня.

Наши поэты таких песен пока не пишут.

У нас много отраслей труда, в которых могли бы быть созданы свои песни. Свои песни — в Донбассе, свои песни — у паровозостроителей, бетонщиков и т. д. К песенному творчеству нужно привлечь поэтов из среды работников этих отраслей.

Почему бы не собрать воспеваемые в отдельных отраслях труда частушки и песни и не поработать над ними, превратив неграмотные, зачастую, стихи в грамотные.

При таком отношении к делу у нас вся страна запела бы действительно хорошие песни. Мы бы и сами зажглись и других вдохновили на создание песен.

Почему я заговорил о песенном жанре? Вопрос этот интересует меня отнюдь не только академически: давайте, мол, изучим песенный жанр, ликвидируем его однообразие и т. д.

Дело в другом. Ведь мы живем и боремся в героическое время, и наш честный поэтический голос должен звучать вовсю, мы должны полностью владеть своим мастерством.

Между тем ряд сигналов убеждает в том, что мы, поэты, еще отстаем от общего подъема страны.

Наши достижения в песенном жанре удовлетворить нас никак не могут. Поэты всей нашей страны должны работать над повышением своего мастерства в этом жанре.

Общим для всех нас будет социалистическое содержание наших песен при обязательной, однако, национальной форме.

Как прекрасны песни наших национальностей! Возьмите, например, песни марийского народа. Переводя некоторые из них для книги «Двух пятилеток», работая над переводом поэмы одной марийской женщины, я был взволнован до слез. Безвестный автор дал в поэтическом обобщении волнующий образ современности, воспел радостную нашу долю в образе красивой девушки. Я принял все меры, чтобы разыскать ее. Но оказалось, что два месяца назад эта женщина скончалась. Песня, ею созданная, потрясает своей силой.

Глубоко потрясают национальные ойротские песни, как и песни других наших народов.

У всех нас, у всех народов СССР, есть одна общая песня. Эта песня — Сталинская Конституция, воплощающая грандиозные победы социализма в нашей стране. Эта песня будет звучать в веках.

Давайте, поэты, глубоко изучать нашу великую Конституцию, воплотим ее замечательные победы в наших песнях, воспоем достижения, в ней запечатленные, тех людей, которыми эти достижения завоеваны.

Пропоем такую песню, чтобы в ней была вся наша душа, и тогда эту песню запоет весь народ.

Мы должны нашу песню сделать боевым оружием, готовые встретить гром, если он грянет. В час испытаний поздно оттачивать свое оружие, его нужно готовить заблаговременно.

Дело идет не просто о песне, а о наших творческих обязательствах.

Народ наш поет и требует от нас хороших, полноразвучных песен.

К созданию таких песен я и призываю наших поэтов.

ЧЕСТЬ, СЛАВА И ГОРДОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О Крылове нельзя было сказать, что «ларчик просто открывался». В годы ранней молодости Крылова «ларчик» и открывать было не нужно: он был открыт.

Если бы мы, не назвав имени поэта, начали писать о нем так: поэт-волжанин, провел он свои детские годы в условиях близкого соприкосновения с «простым народом», у которого он много хорошего воспринял и любовь к которому сохранил на всю жизнь. Попав в Петербург, он обнаруживает склонность к писательству, проявляет на этом поприще исключительную энергию в качестве драматурга, журналиста-сатирика и стихотворца. Обзаводится даже собственной типографией, на которую пало правительственное подозрение, что в ней отпечатана «преступнейшая» по тому времени книга... Если бы мы так начали писать, то можно было бы подумать, что речь идет о ... Некрасове. Но таков был в молодости Крылов: та же бьющая ключом энергия, то же неприкрытое влечение к радикально мыслящим, передовым деятелям своего времени (Радищеву).

Но над Крыловым нависла опасность. Ему стала грозить беда. Его постигло горькое разочарование: лбом стены не прошибешь. И Крылов, как говорится, сошел со сцены. И не на малый срок: на двенадцать лет. Перебывал он за это время в разных, порой пренеприятных, положениях, о которых впоследствии не любил вспоминать. Он стал скрытным, осторожным. «Ларчик» закрывался наглухо. Поэт Батюшков вынужден был о Крылове сказать: «Этот человек — загадка, и великая!»

Крылов возмужал. По внешнему складу это был высокий, коренастый, величественный дуб. Но этот умудренный горьким жизненным опытом человек в 1806 году всенародно объявил, что он — трость. Случайно или не случайно так получилось, но первая крыловская басня «Дуб и трость» приобрела видимость авторского манифеста: я — трость.

В другом случае кряжистый автор объявил, что он — «василек», который, «голову склоня на стебелек, уныло ждал своей кончины».

В третьем случае он прикинулся невинным чижиком:

Уединение любя,
Чиж робкий на заре чирикал про себя,
Не для того, чтобы похвал ему хотелось,
И не за что; так как-то пелось!

«Чиж робкий». Такое самоуничижение Крылова носило издевательский характер над тугоухим коронованным «Фебом», сиречь над Александром I, к которому приведенное «чириканье» и адресовалось; издевательским потому, что Крылов сторонником чистого искусства («так как-то пелось!») заведомо не был и не мог им быть по самой природе своего сатирического дарования.

Однажды Крылов приравнял себя к соловью, но только для того, чтобы своим читателям доверительно («на ушко») пожаловаться:

Худые песни Соловью
В когтях у Кошки.

Да и то сказать: главная кошка, «ласково его сжимая», не безоговорочно верила соловью. Была оговорка. Однажды Александр I изрек, что он «всегда готов Крылову вспомоществовать, если он только будет продолжать хорошо писать».

Крыловский ходатай, статс-секретарь Оленин, подкрепил в начале 1824 года свое ходатайство мотивировкой, которая обнажает смысл царского изречения:

«Всемиловитивейший государь! Я бы никак не осмелился утруждать ваше величество подобною просьбою, если б не имел еще в памяти царского вашего изречения в подобном случае и если б г. Крылов, сверх отличного

Крылов в свою очередь тоже был в курсе дела и знал, что обозначает царское требование: хорошо писать. На это он ответил тем, что с 1824 года совсем перестал писать. В 1823 году он опубликовал 24 басни. В 1824, 1825 (год смерти Александра) и в 1826 (после подавления восстания декабристов) годах не появилось ни одной крыловской новой басни. В 1827 году Крылов написал одну басню, в 1828 — две, в 1829 — опять только одну. Такое трехлетнее молчание и такая скудная басенная продукция в последующее трехлетие сами за себя говорят. Близость Крылова к Пушкину и кругу его друзей свидетельствует, куда клонились его симпатии.

Внешне Крылов был правящими верхами обласкан. Не в их интересах было отталкивать, раздражать популярнейшего баснописца. Но внутренне они ему не доверяли, для чего имели более чем достаточные основания. От многих горьких истин, даже сказанных по необходимости «вполоткрыта», им приходилось морщиться, но не обнаруживать своего недовольства. Увидя в крыловском сатирическом зеркале свою рожу, обиженная персона брезгливо отворачивалась:

Что́ это там за рожа?
...Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.

Обиженные не замечали, точнее — делали вид, что не замечают сходства с собою.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.

Широкий круг читателей искал в баснях Крылова иронию, сатиры, памфлета и находил их. В образе крыловских басенных персонажей —

«волков»,

всячески утесняющих и поедających беззащитных овец,

«медведя»,

проворовавшегося при охране доверенных ему пчелиных ульев,

«щуки»,

промышлявшей разбоем в пруде,
за что ее в виде поощрительного
наказания бросили в реку, где
для разбоя ее открывались неограниченные
возможности;

«слона на воеводстве»,

разрешившего волкам брать с овец оброк,
«легонький оброк»; с овцы «по шкурке, так
и быть, возьмите, а больше их не троньте
волоском»,

«лисиц»,

лакомых до кур и изничтожавших их всеми «за-
конными» и незаконными способами,

«осла»,

который в качестве вельможи, став «скотиной
превеликой», мог проявлять свою админи-
стративную дурь, и, наконец, самого

«льва»,

одно рычание которого наводило трепет на его
верноподданных, льва, который в минуту бедст-
вий, притворно «смирив свой дух», пытался по-
казать, что он не лишен совести, и который
в то же время с явным удовольствием внимал
льстивым словам лисы:

— Коль робкой совести во всем мы станем слушать,
То придет с голоду пропасть нам
наконец;
Притом же, наш отец!
Поверь, что это честь большая
для овец,
Когда ты их изволишь кушать,—

в образе всех этих персонажей народ узнавал свое на-
чальство с царем-батюшкой во главе.

«У сильного всегда бессильный виноват»,— говорил
Крылов, рисуя горестное положение бессильных. Сколько
великолепных басен посвящено им иллюстрированию вы-
страданной народом старинной поговорки: «С сильным не
борись, с богатым не судись!»

Как же было народу не полюбить своего родного за-
ступника, который в некоторых случаях отваживался так

дерзить народным угнетателям, что только диву даешься, как могли подобные дерзостные басни увидеть свет («Мор зверей», «Рыбья пляска», «Вельможа» и так далее. «Пир» и «Пестрые овцы», впрочем, при жизни Крылова так света и не увидели).

Уже одну такую изумительную басню, как «Листы и корни», в которой Крылов явился открытым заступником крепостного люда, надо признать его гражданским подвигом. На дереве (государстве) правящая и роскошествующая верхушка дворянско-помещичьего класса представлена «листами». «Листы» хвалились:

— Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нем без нас?..

.....
— Примолвить можно бы спасибо тут и нам,—
Им голос отвечал из-под земли смиренно.

— Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?—
Листы, по дереву шума, залепетали.

— Мы те, —
Им снизу отвечали, —
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветете...

Басня была написана в 1811 году. В следующем — 1812 — году, в первую Отечественную войну, «корни» спасли дерево от смертельной опасности. Вместе с «корнями» в этой войне участвовал своим творчеством и Крылов. Его отклики на события 1812 года навсегда остались выдающимися художественными памятниками его высокого патриотизма.

Пушкин ли не знал Крылова? Но однажды он с горечью сказал:

«Мы не знаем, что такое Крылов». Он этим хотел сказать: мы, знающие Крылова, лишены возможности открыто сказать русскому читателю, «что такое Крылов» — подлинный гениальный сатирик, а не прилизанный, не прикрашенный казенной охрой добренький «дедушка Крылов», которого упорно пытались запереть в детскую: басни — это, дескать, только для детей. Но этим басням

сродни — и еще как сродни! — потрясающие сказки другого нашего великого сатирика — Салтыкова-Щедрина. Названием жанра — басня, сказка — их остроты, их сатирической силы не смягчишь и не затушуешь.

Всею правды о Крылове не мог сказать даже Белинский. Царская цензура не допустила бы того ни в коем случае. Этим отчасти можно объяснить, почему обещанный Белинским подробный разбор творчества Крылова так и не осуществился. Но и то немногое, что успел написать о Крылове Белинский, является поныне наилучшим из написанного о Крылове. Белинский знал, «что такое Крылов» и какой заслугой перед Родиной является его литературный подвиг, его, вросшее корнями в народную почву, гениальное творчество, которое в облюбленной Крыловым области по своему несравненному мастерству является вершинным. Белинский все это знал, когда определял Крылова словесной триадой, которая должна быть высечена на будущем крыловском всенародном памятнике: Крылов — «честь, слава и гордость нашей литературы». И кристальнейший Белинский знал также, почему во главе этой триады он поставил святое для него слово — честь!

ПРИМЕЧАНИЯ

*Примечания, помещенные непосредственно
под текстом произведений, сделаны автором.*

Настоящий, пятый и последний, том собрания сочинений Демьяна Бедного состоит из двух разделов.

В первом разделе даны поэтические произведения, написанные Бедным в период Великой Отечественной войны Советского Союза, с 1941 по 1945 год. Большинство текстов этого раздела печатается по последним авторизованным сборникам стихотворений Д. Бедного, а именно: «Наша сила», изд. «Советский писатель», М. 1942; «Несокрушимая уверенность», Гослитиздат, М. 1943; «Слава», Гослитиздат, М. 1945 (последний был подготовлен автором, но подписан к печати уже после его смерти, 1 июня 1945 г.). Произведения, не вошедшие в эти сборники, даются по первопечатным изданиям. Подписи к «Окнам ТАСС» приводятся по тексту плакатов, за исключением тех подписей, которые печатались автором в качестве самостоятельных произведений и включались в сборники стихов. Весь материал расположен в хронологическом порядке, по годам, а внутри годов — по датам написания произведений. Подписи к «Окнам ТАСС» даны в сгруппированном виде в конце каждого годового раздела. Содержание рисунков, к которым относятся тексты «Окон», разъяснено в примечаниях. Примечания строятся по тем же принципам, что и в предыдущих томах настоящего издания.

Второй раздел тома охватывает письма и статьи Д. Бедного, относящиеся ко всему периоду его творческой деятельности, начиная с февраля 1912 года, то есть с момента появления в большевистской газете «Звезда» его первой литературно-критической статьи. Материал этого раздела расположен также в хронологическом порядке, за исключением автобиографии Д. Бедного, помещаемой вначале. Из текстов, составляющих этот раздел, только автобиография и статья «О революционно-писательском долге» входили в сборники произведений Д. Бедного. Все остальные тексты приводятся по первопечатным изданиям.

В конце тома дается алфавитный указатель произведений ко всем пяти томам собрания сочинений.

СТИХИ

1941

Степан Завгородний (стр. 7).— Первая редакция этой повести относится к 1936 г. Она была опубликована в «Правде», 1936, № 223, 14 августа, под названием «Колхоз «Красный Кут». Сатирическая поэма, на истинном происшествии основанная». Под этим же названием была выпущена отдельной книгой (Гослитиздат, М. 1936) и вошла в однотомник 1937 г.

Поэме предшествовали те же три эпиграфа, которые даны в повести «Степан Завгородний». Следует особо остановиться на первом эпиграфе. Он позаимствован из статьи М. Горького «Несвоевременное», написанной в декабре 1914 г. для петроградской газеты «День» и не пропущенной царской цензурой. Статья была впервые опубликована в историческом журнале Централхива РСФСР — «Красный архив», 1931, том II (45), откуда и процитирована Д. Бедным. Однако цитата эта дана в чересчур урезанном виде, из-за чего неверно и неточно передает мысль, выраженную М. Горьким. Статья Горького, написанная в начале первой мировой войны, была направлена против разнузданной шовинистической пропаганды в буржуазной печати. «Желание уничтожить людей «до конца»,— писал с негодованием М. Горький,— едва ли может быть наименовано желанием беспристрастным... Жадничает, как известно, не народ, войну затевают не нации. Немецкие мужики точно так же, как и русские, колониальной политикой не занимаются и не думают о том, как выгоднее разделить Африку».

Отметив, таким образом, что империалистическая война одинаково враждебна интересам и германского и русского народов, М. Горький возмущался тем, что некоторые русские писатели с презрением относятся к немцам. Горький решительно осуждает клеветнические нападки на Карла Либкнехта, появившиеся в русской буржуазной печати: «...он,— писал Горький о Либкнехте,— доказал свое прекрасное отношение к русским тою умной и деятельной помощью нашим соотечественникам, которую он организовал в Берлине в первый месяц войны».

«Я, конечно, не стану отрицать,— писал далее Горький,— что многие из немцев желали бы отодвинуть Русь за Волгу и Урал, я не однажды слышал это из уст очень интеллигентных немецких людей — писателей, журналистов. Но ведь и многие из русских интел-

лигентов тоже выражали и выражают желание «отодвинуть», «уничтожить до конца» соседние племена и нации... Пресса разносит эти потоки темных чувств, пыль холодной злобы по всей стране». Статья заканчивается призывом к честным русским писателям «взять на себя роль силы, сдерживающей бунт унижительных и позорных чувств».

Выступая как интернационалист, ратуя за уважение к немецкому народу, Горький, таким образом, клеймит в своей статье и германский буржуазный национализм с его воинственными планами «продвижения на Восток» и русский буржуазно-дворянский шовинизм.

Поэма «Колхоз «Красный Кут» не имела авторского посвящения, предпосланного заголовку, и авторского указания (поставленного сразу после заголовка) на подлинность фактов, приведенных в первых двух частях произведения. Вместо этого указания к строке «недоставало шпор» (1 глава первой части) была дана сноска: «См. книгу: А. Вилков, «С немцами по России», Варшава, 1912 г. Описание продолжавшейся с 25 мая по 10 июля 1912 г. экскурсии по России большой группы немцев».

Поэма состояла из трех частей и делилась на главы, соответствующие строфам приводимого текста. Часть первая называлась «Киев 1912 года» и начиналась словами, позаимствованными из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай...

Эти слова заменены 8-ю начальными строками приводимого текста. В 4-й главе (начинающейся словами «В дороге за ночь выпавшись») после слов «Таков их был маршрут» содержался также следующий текст:

Их университетскою
Почтили первой встречею.
Цитович, ректор, выпренно
Изрек им, сколь он горд,
Сколь счастлив от сознания,
Что крепнет связь культурная
Двух наций исторических,
Добрососедской честности
Поставивших рекорд.
Доклад о роли Киева,
Святыни царства русского,
Прочел гостям внушительно
Свой немец, русский, внутренний,

Библиотекарь Кордт.
Гостей кормили завтраком,
Кормили, не скупилися,
Хоть брюхо завали!
А накормивши досыта,
Их в «первую гимназию»
Гуртом поволокли.
Гимназия особая,
Господская, богатая,
С разборчиво подобранным
Составом ученическим,
Блеснула гимназистами,
Поставленными в строй
И строем исполнявшими
Гимнастику сокольскую,
Гимнастику военную
С ружейными приемами,—
Все это называлось
«Потешною игрой».
А принимал для важности
Смотр этот гимназический
И «молодцы!» орал
Не кто-нибудь с обшивкою
Серебряно-басонною,
А собственной персоною,
Весь в орденах и в золоте,
Командующий округом
Иванов, генерал.
Все немцы восхищались
Гимнастикой потешною,
Не раз рукоплесканьями
Встречая одобрительно
Военно-гимнастический
Тот иль иной прием,
Но больше всё косились
На бороду лопатою
У генерала важного
И меж собой шептались
О чем-то о своем.
Потом гостям заменю
Приятнейшего зрелища
Явилось угощение
И вольное общение
Со всеми гимназистами.
Все гости, каждый с беленьким
Букетиком в руке,
Прощаясь, подивились
Успехам гимназическим
В немецком языке:
Им гимназисты вежливо,
Зо артихь унд зо фейн,

Воспитанные нравственно,
Сказать умели явственно,
Помимо «гутен морген'а»,
Еще «овф видерзейн».

Вместо этого отрывка в приводимом нами тексте даны шесть строк от слов «Устроились в гостинице», кончая словами «Ешь, брюхо завали!»

В следующей главе, начинавшейся в поэме словами «Отсюда на извозчиках...» (в повести эта глава соединена с предыдущей), после слов «Монах слащаво-благостный» содержались строки:

Духовной полный важности,
Но внутренне изнеженный,
Сластолюбиво-чувственный...

Далее после слов «Отец-архимандрит» следовал текст:

Шагая тихой поступью
Сквозь две шеренги братии,
Перебравшей четками,
Приросшими к рукам,
Про чудеса чудесные,
Про знаки про небесные,
Явления, целения,
Давал он объяснения
Гостям-еретикам.
Повел он их по трапезной,
По всем церквам и церковкам,
Потом привел в собор,
Где пел акафист: «Радуйся
Невесто неневестная!»
Откормленный монашеский
Многоголосый хор,
Где богомольцы падали
С придушенными стонами
Ничком перед иконами,
Где божи рабы
В порывах веры пламенной
О пол холодный, каменный
Так головами стучали,
Трещали ажно лбы.
Увидя старушоночку,
Молившуюся истово
Пред образом Исусовым,
«О чем она так молится?» —
Вилкова, провожатого,
Спросил профессор Виденфельд.
Вилков на то отвечивал:
«О чем? Да обо всем:
И о грехах содеянных,

И о живой и умершей
О всей своей родне,
О сыне о солдатике,
О дочери припадочной,
О муже, скорбно кончившем
Житейский скорбный путь,
Об урожае будущем,
О захромавшем мерине,
О курочках и уточках,
Еще о чем-нибудь». «Унд кейн гебетбух. Вундербар!..
А где ж ее молитвенник?» —
Спросил, дивясь, Виденфельд.
«Зачем он ей, молитвенник? —
С сердечным умилением
И с неприкрытой гордостью
Сказал патриотический,
Махрово-монархический
Приват-доцент Вилков. —
Ища у бога помощи,
С глубокой, чистой верою
Взывая к небесам,
Народ наш неиспорченный,
Весь девственно-безграмотный,
Не по книжонке молится,
А пред престолом Божиим
Несложно и бесхитростно
Творит молитву сам!»
Культурный немец, Виденфельд,
С большим вниманьем выслушав
Столь красочный ответ,
Такой народный, редкостный
Талант молитво-творческий
Уразумел по-своему:
«Так, так, народ безграмотный!
Зо, зо, анальфабет!»

Отрывок этот, как и приведенные выше три строки, сняты автором в последней редакции. Снято также содержавшееся в этой главе странное описание «нищенской рати», осаждающей монастырь. Серьезным изменениям подверглась и 9-я глава (начинающаяся словами «Весь день второй естественным...»). Наиболее существенна в ней замена девятью строками (от слов «Туристы стали спрашивать», кончая словами «и вашему желанию») следующего текста, содержавшегося в первоначальной редакции:

Под музыку военную
Туристы-гости с палубы
На город любовались.
Церквей-то! Раз, два, три,

Четыре... Сосчитаешь ли?
Святой был город подлинно!
Скиты, монастыри,
Соборы златоверхие,
Большие церкви, малые,
Церквей до черта лысого,—
Куда ни посмотри,
Бесчисленные маковки
Зеленые и синие
С крестами золочеными,
С серебряными звездами.
Сплошная благодать!
А заводские трубы где?
Где корпуса фабричные?
Их что-то не видать!
Туристы умилялися,
Туристы удивлялися,
В гостях не к месту критика.
Но все же посмотрите-ка:
Скиты, монастыри,
Соборы златоверхие...
Так много чистой святости
И — никакой индустрии,
Зольх эйне рейне гейлихкгейт
Унд — кейне индустри!!
На это без стеснения
Давать стал объяснения,
Стал врать, как неприкаянный,
Казенный враль отчаянный,
Приват-доцент Вилков:
«Сие весьма значительно,
И крайне поучительно,
Что церкви исключительно
В сиянии веков
На нас взирают благостно
С днепровских, святокиевских
Высоких берегов:
Богатства духа русского,
Не деловито-узкого,
А широко-душевного
Без привкуса плачевного
Борьбы с отцовской долею
Строптивных сыновей,
Жизнь близкая к идиллии —
Все это божьей волею
Сказалось в изобилии
Божественных церквей.
Уклад экономический,
Такой же идиллический,
Как он крестьянством строится;
Пред вами весь раскроется

Он завтра же с утра,
Когда по расписанию,
По вашему желанию,
— Ведь, мы вам, чтя Германию,
Служить во всем обязаны...

Вторая часть поэмы «Колхоз «Красный Кут» называлась «Хутора 1912 года» и почти целиком совпадает с текстом второй части повести «Степан Завгородний» — «Шварц'эрде!.. Чернозем!..» (есть лишь два разночтения в 8-й строфе: вместо строки «свело такую корчею» в поэме было «свело такой гримасою»; кроме того, строчки «бобра вышереченного на денешки казенные» в поэме отсутствовали).

Третья часть поэмы называлась «Украина 1918 года». В ней, помимо целого ряда сокращений и изменений, были сделаны также весьма существенные дополнения. Так, в начале этой части отсутствовали написанные автором позднее строки:

Они, как звери хищные,
Клыки свои оскаливши...

Далее отсутствовала строка «Коль хлеба им не выдадим». Отсутствовали и 17 строк со слов «В деревню немцы ринулись», кончая «туда же привели». Новую является также строка «Наш влясть не признавайт!». Вместо семи строк приводимого текста (от слов «Семь кожа с вас зрирайт!», кончая «Вот барин был каков!») в поэме была всего одна строчка («Шписсрутен!! Нашинайт!!»). Одна строчка («Ви толжен знать, каналаия») соответствовала также шести строкам приводимого текста (от слов «Пороли всех — по списочку!», кончая «Иметь ви должен знания»). Вместо восьми строк приводимого текста (от слов «Он недофольный з барином», кончая «По-их нему: «Яволь») поэма содержала следующий отрывок:

«Он недофольный з кутором!
Весь кож с него зрирайт! —
Кричал так эзекутором
Риттмейстер разъярившийся:—
Чтоб бризгал кров!.. Ол-райт!!»

Третья часть поэмы заканчивалась строкою «Немецкий есть земля!» Вся поэма завершалась главою «Украина 1936 года», текст которой соответствует четвертой части повести «Степан Завгородний», носящей название «Эпоха строительства Украины 1936 года». Сличение текстов производилось по однотомнику 1937 г.

Переработка поэмы, написанной в 1936 г. и дальнейшее развитие ее сюжета с выдвиганием на первый план образа народного

мстителя Степана Завгороднего, была предпринята автором вскоре после вероломного нападения на Советский Союз гитлеровской Германии 22 июня 1941 г. и начала Великой Отечественной войны. Одной из важнейших задач, вставших перед советским народом в самом начале войны, было всемерное развертывание партизанского движения в районах, занятых врагом. Этим и была подсказана Д. Бедному мысль о переработке поэмы «Колхоз «Красный Кут» и о дополнении ее эпизодами, рисующими борьбу украинских партизан против германских захватчиков. Наиболее существенной частью работы автора над этим произведением явилось введение им нового текста (188 строк, от слов «Ми, немец, ваш правительство!») в третью часть и написание заключительной главы «Партизаны, вперед!», целиком посвященной Великой Отечественной войне. Эпиграф к этой главе был взят из речи И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. (см. И. Сталин, «О Великой Отечественной войне Советского Союза», изд. 5-е, Госполитиздат, 1953, стр. 15).

Глава «Партизаны, вперед!» впервые напечатана в «Правде», 1941, № 192, 13 июля, со сноской: «Заключительная часть поэмы «Степан Завгородний». Это было первое выступление Д. Бедного в печати после начала Великой Отечественной войны. Спустя два дня, 15 июля 1941 г., было подписано к печати отдельное издание повести «Степан Завгородний», выпущенной 200-тысячным тиражом (Демьян Бедный, «Степан Завгородний», Гослитиздат, М. 1941). Составляя в 1943 г. сборник своих стихов «Несокрушимая уверенность», Д. Бедный включил в него отрывок из повести, озаглавив его «Украинские партизаны». Сюда вошли: третья часть повести (с несколько видоизмененным началом и с заголовком «Украинский урок, не пошедший немцам впрок»), четвертая часть (под названием «Украина 1936 года») и заключительная часть («Партизаны, вперед!»).

Ниже даем перевод содержащихся в тексте немецких слов: *Мит кавьяр, битте нох!* — Еще, пожалуйста, с икрой; *гох* — да здравствует; *зер* — очень; *гerr* — господин; *ди унзre пфлихт* — наш долг; *Яволь!* — хорошо; *зо артих унд зо фейн* — так послушно и вежливо; *гуттен морген* — доброе утро; *овф видерзейн* — до свидания; *кейн гебетбух* — без молитвенника; *вундербар* — удивительно; *анальфабет* — безграмотный; *зоьх зйне рейне гейлихкейт унд* — *кейне индустри* — перевод этих слов содержится в двух предыдущих строках текста; *берюмте* — прославленный; *шернасем* — искаженное русское слово «чернозем»; *греницланд* — пограничная страна.

Упомянутая в третьей части повести *Центральная рада* — контр-

революционная организация украинских буржуазных националистов, вступившая в 1918 г. в сговор с германскими империалистами о превращении Украины в колонию кайзеровской Германии.

Текст печатается по отдельному (полному) изданию повести, 1941.

А н к а-п а р т и з а н к а (стр. 44). — Впервые опубликовано в «Правде», 1941, № 223, 13 августа, под названием «Комсомолка-партизанка». Перепечатано в журнале «Крестьянка», 1941, № 17, под тем же названием. Вошло в сборник произведений советских поэтов «Военные стихи», М. 1941, и в сборник «Песни Великой Отечественной войны», Красноярск, 1942.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

В ы с о к и й о б р а з е ц (стр. 46). — Впервые опубликовано в «Комсомольской правде», 1941, № 195, 20 августа, под названием «Советской женщине» и с посвящением путевой обходчице тов. Сверковской.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Л е н и н г р а д у (стр. 47). — Впервые опубликовано в «Правде», 1941, № 233, 23 августа, под названием «Городу-герою», в подборке материалов, посвященных героической обороне Ленинграда от фашистских захватчиков. Материал объединен заголовком «Стальной стеной встают ленинградцы на защиту родного города — колыбели пролетарской революции».

Текст печатается по книге «Наша сила», 1942.

Д р а й п е т у к (стр. 48). — Впервые опубликовано в «Правде», 1941, № 234, 24 августа, с подзаголовком «Три петуха». Антифашистская сатирическая баллада.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Г и т л е р и с м е р т ь (стр. 50). — Впервые опубликовано в «Правде», 1941, № 269, 28 сентября, под названием «Неразлучные спутники». Текст сопровождался рисунком художника Дени, изображающим Гитлера рядом со смертью — скелетом в черном плаще, с надписью: «Террор. Рабство. Голод».

Текст печатается по книге «Наша сила», 1942.

П р и л е т е л а в о р о н а и з д а л е ч а — какова птица, такова ей и встреча (стр. 51). — Опубликовано в книге «Наша сила», 1942, где стихотворение датировано 1941 г.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

С ч а с т л и в ы й Б е н и т о (стр. 53). — Опубликовано в книге «Наша сила», 1942, где стихотворение датировано 1941 г.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Бенито, Бьянка — итальянские имена.

Немцы, венгры, итальянцы...— Имеется в виду участие в войне на стороне гитлеровцев итальянских фашистских дивизий, а также войск, посланных на фронт фашистским диктатором Венгрии Хорти.

Я верю в свой народ (стр. 55).— Впервые опубликовано в «Правде», 1941, № 309, 7 ноября.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Х в а с т л и в ы й к о т е н о к (стр. 56).— Написанное в ноябре 1941 г., стихотворение опубликовано в книге «Наша сила», 1942, откуда и печатается текст.

Эпиграф — см. И. С т а л и н, «О Великой Отечественной войне Советского Союза», указ. изд., стр. 31.

П р о с ч и т а л и с я! (стр. 57).— Написанное в ноябре 1941 г., стихотворение опубликовано в книге «Наша сила», 1942.

О провале фашистского плана «молниеносной войны» говорил И. В. Сталин в докладе, посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: «Предпринимая нападение на нашу страну, немецко-фашистские захватчики считали, что они наверняка смогут «покончить» с Советским Союзом в полтора—два месяца и сумеют в течение этого короткого времени дойти до Урала. Нужно сказать, что немцы не скрывали этого плана «молниеносной» победы. Они, наоборот, всячески рекламировали его. Факты, однако, показали всю легкомысленность и беспочвенность «молниеносного» плана. Теперь этот сумасбродный план нужно считать окончательно провалившимся» (И. С т а л и н, «О Великой Отечественной войне Советского Союза», указ. изд., стр. 20—21).

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Р я ж е н ы й б а н д и т (стр. 58).— Написанное в ноябре 1941 г., стихотворение опубликовано в книге «Наша сила», 1942.

Эпиграф— см. И. С т а л и н, «О Великой Отечественной войне Советского Союза», указ. изд., стр. 28.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Ф а ш и с т с к и й «к р а с а в е ц» (стр. 59).— Написанное в 1941 г., стихотворение опубликовано в книге «Несокрушимая уверенность», 1943, откуда и печатается текст.

П о д а р к и с «О с т - ф р о н т а» (стр. 60).— Впервые опубликовано в газете «Волжская коммуна», Куйбышев, 1941, № 304, 25 декабря.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.
1 9 4 2 (стр. 62).— Впервые опубликовано в «Правде», 1941, № 363, 31 декабря.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Н а ш е с л о в о (стр. 64).—Впервые опубликовано в «Правде», 1942, № 23, 23 января.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

В о е н н ы й у р о ж а й (стр. 66).— Впервые повесть опубликована в «Правде», 1942, № 110, 20 апреля. Выпущена отдельным изданием стотысячным тиражом (Д е м ь я н Б е д н ы й, «Военный урожай, весенняя повесть», Гослитиздат, М. 1942).

Эпиграф — из статьи М. И. Калинина «О весенне-полевых работах».

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

П е р в о м а й с к и й п р и в е т (стр. 75).— Впервые опубликовано в газете «Социалистическое земледелие», 1942, № 43, 1 мая.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

П и с ь м о з е м л я к а м (стр. 76).— Впервые опубликовано в «Совхозной газете», 1942, № 8, 1 мая.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Н е с о к р у ш и м а я у в е р е н н о с т ь (стр. 78).— Впервые опубликовано в «Правде», 1942, № 125, 5 мая. Написано в связи с тридцатилетием «Правды».

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

«Правда» была основана 22 апреля (5 мая по н. ст.) 1912 г. по инициативе петербургских рабочих. «Правда» в первые годы ее существования (1912—1914) боролась за воссоздание массовой рабочей революционной партии, завоевывала широкие массы на сторону большевизма и направляла рабочее движение по пути к революции. На страницах «Правды» был опубликован ряд статей В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Рабочий класс отважно рвался в бой.—Имеется в виду революционный подъем 1912 г., в обстановке которого родилась большевистская «Правда».

...поддельные друзья и ложные пророки. — Речь идет о предателях революции, меньшевиках и эсерах.

Во второй части стихотворения со слов «Враг новый...» говорится о гитлеровских захватчиках, угрожавших нашей родине и проорочивших ей гибель.

С волнением сталинский читали мы приказ... — Приказ № 130 Народного комиссара обороны И. В. Сталина, опубликованный в советской печати 1 мая 1942 г. (см. И. С т а л и н, «О Великой Отечественной войне Советского Союза», указ. изд., стр. 49—58).

Б ы т ь в е р н ы м к л я т в е! (стр. 80).— Впервые опубликовано в газете «Социалистическое земледелие», 1942, № 51, 21 мая, вслед за письмом Героя Советского Союза танкиста Николая Кретьова и его экипажа.

Обращаясь к трактористам, комбайнерам, механикам и всем работникам машинно-тракторных станций Советского Союза и приводя в письме примеры героизма танкистов в боях, экипаж танка заявлял о готовности с честью выполнить задачи, поставленные перед воинами в приказе Народного комиссара обороны И. В. Сталина от 1 мая 1942 г. Далее танкисты призывали работников МТС помочь фронту самоотверженной стахановской работой на колхозных полях.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Я р о с т ь (стр. 82).— Впервые опубликовано в «Правде», 1942, № 148, 28 мая. Вошло в литературно-художественный сборник для эстрады, театра и художественной самодеятельности «Тыл — фронту», изд. «Искусство», М.— Л. 1943.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

С т р е м и т е л ь н ы й п о т о к (стр. 83).— Впервые опубликовано в «Совхозной газете», 1942, № 16, 30 мая.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Ч е м т ы ф р о н т у п о м о г л а? (стр. 85).— Впервые опубликовано в «Правде», 1942, № 153, 2 июня, в виде подписи к рисункам-плакатам художников Корецкого и Жукова.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

М ы н е о с т а н е м с я в д о л г у (стр. 86).— Впервые опубликовано в газете «Труд», 1942, № 166, 17 июля, среди материалов, посвященных социалистическому соревнованию трудящихся.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

О г о н ы! (стр. 87).— Впервые опубликовано в «Красной звезде», 1942, № 173, 25 июля.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

В р а г б ы л о т п о т ч е в а н — р а з г р о м о м! — Имеется в виду удар, нанесенный Красной Армией гитлеровским войскам под Ростовом-на-Дону в начале 1942 г. Вторая часть стихотворения имеет в виду бой с фашистскими войсками на Дону летом 1942 г.

Н о ч н о й « г о с т ь » (стр. 88).— Впервые, под названием «Колхозный сторож», опубликовано в газете «Социалистическое земледелие», 1942, № 81, 30 июля. Под тем же названием и с подзаголовком «Подлинный случай» появилось в виде подписи к плакату

(«Окно ТАСС», № 531, художник Г. Савицкий), где текст дан с незначительными сокращениями. Плакат состоит из четырех рисунков, на которых изображено: 1) как дед замечает самолет противника; 2) как дед встречает незнакомца; 3) как пришелец рассказывает колхозникам небывлицы,—дед в это время посылает в район за отрядом; 4) как советские воины вместе с колхозниками разоблачают шпиона.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Помянем, братья, старину! (стр. 90).— Впервые опубликовано в «Правде», 1942, № 211, 30 июля. Появилось также в виде подписи к плакату («Окно ТАСС», № 532, художник П. Соколов-Скаля). Плакат состоит из двух рисунков: на первом изображена Куликовская битва, на втором — танковый бой с гитлеровцами на Дону.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Куликово поле — место на берегу реки Непрядвы (правого притока Дона), на котором 8 сентября 1380 г. русские под командованием московского князя Дмитрия Донского одержали победу над полчищами хана Золотой орды Мамай.

Враг новый рыщет на Дону. — Имеется в виду летнее наступление 1942 г., предпринятое фашистским командованием на советско-германском фронте благодаря отсутствию второго фронта в Европе.

Русские девушки (стр. 91).— Впервые опубликовано в «Правде», 1942, № 233, 21 августа, в подборке «На фронтах Отечественной войны». Вошло в сборник произведений советских писателей «Голос Родины», Йошкар-Ола, 1943.

В первопечатном тексте к строке «Всю зиму в «Верхушках» враги лотовали» была дана сноска: «В основу положен действительный факт».

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Боевой зарок (стр. 95).— Впервые опубликовано в «Правде», 1942, № 250, 7 сентября, в подборке «На фронтах Отечественной войны», с фотоснимком, на котором показана пылающая деревня и на фоне ее — женщина с двумя детьми. Подпись под снимком: «Гитлеровские бандиты сожгли дотла село Серболево, Ленинградской области. Колхозница с детьми покидает жилище».

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Русская женщина (стр. 97).— Впервые опубликовано как подпись к плакату («Окно ТАСС», № 593, художник П. Алякринский). Плакат состоит из четырех рисунков, изображающих русскую женщину в период Отечественной войны 1812 г., затем в период

Севастопольской обороны 1854—1855 г., далее — во время гражданской войны и, наконец, под Сталинградом в 1942 г.

В виде отдельного стихотворения опубликовано в «Правде», 1942, № 313, 9 ноября. Вошло в сборник советских поэтов «Стихи о Сталинграде», 1944.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Б о е ц - г е р о й (стр. 98).— Опубликовано в «Правде», 1942, № 320, 16 ноября, в подборке «На фронтах Отечественной войны». Дано в виде подписи к рисунку художника В. Корецкого: спасенная девочка на руках советского воина, внизу — поверженный бандит.

Печатается по тексту газеты.

Н а р о д н ы й о т в е т (стр. 99).— Впервые опубликовано в «Правде», 1942, № 352, 18 декабря, в подборке «Танки и самолеты на средства колхозников».

Написано в связи с развернувшейся в 1942 году среди колхозников кампанией по сбору средств на постройку танковых колонн и авиаэскадрилий.

Текст стихотворения с незначительным изменением (перестановка строк 7-й и 8-й) использован в качестве подписи к плакату («Окно ТАСС», № 620, художник Г. Савицкий). Рисунок изображает колхозников, вносящих средства на постройку танковых колонн.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Э т о — т о , ч т о н у ж н о ! (стр. 100).— Впервые опубликовано в «Правде», 1942, № 356, 22 декабря.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Л ю б а я к а р а и м м а л а ! (стр. 102).— Впервые напечатано как подпись к плакату («Окно ТАСС», № 595, художник Ф. Антонов). На рисунке — тощий, изможденный, покрытый рубцами человек, толкающий тяжелую тачку; у него на шее — бирка с надписью «Kрасну Пахарь 58» («Красный Пахарь 58»). В виде отдельного стихотворения опубликовано в журнале «Крестьянка», 1942, № 23—24, откуда и печатается текст.

Ф а ш и с т с к и е « и с к у с с т в о в е д ы » (стр. 103).— Впервые напечатано как подпись к плакату («Окно ТАСС», № 612, художник П. Саркисян). Рисунок на плакате изображает разграбленный музей. В первопечатном тексте отсутствовало 6 строк, со слов: «Среди фарфоровой посуды...» В 4-й строке вместо «набравшись опыта» стояло «с разбойным опытом».

В виде отдельного стихотворения опубликовано в книге «Несокрушимая уверенность», 1943, откуда и печатается текст.

Риббентрон — один из главных военных преступников, гит-

леровский министр иностранных дел, ведавший грабительским вывозом ценностей из оккупированных стран.

Легенды сложатся о нем! (стр. 104).— Впервые опубликовано в газете «Красный флот», 1942, № 278, 26 ноября. С некоторыми сокращениями появилось в виде подписи к плакату («Окно ТАСС», № 628), под названием: «Он был защитник Сталинграда», художник П. Алякринский. Плакат состоит из четырех рисунков, изображающих: 1) краснофлотца, готовящегося метнуть в танк бутылку с горючей жидкостью, 2) героя, охваченного пламенем, 3) героя, бросающегося на танк, 4) гибель фашистского танка.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Народная сила (стр. 106).— Впервые напечатано как подпись к плакату («Окно ТАСС», № 545), под названием «Подвиг лейтенанта Ильи Шуклина», художник М. Соловьев. В виде отдельного стихотворения, датированного 1942 г., опубликовано в книге «Несокрушимая уверенность», 1943, откуда и печатается текст.

Залог победы (стр. 107).— Датированное 1942 г., стихотворение опубликовано в книге «Несокрушимая уверенность», 1943, откуда и печатается текст.

Гвардия (стр. 110).— Опубликовано в книге «Наша сила», 1942, откуда и печатается текст.

«Окна ТАСС»

Фашистская ворона, или эрзац-пав (стр. 111).— «Окно ТАСС», № 457, художник Н. Радлов. Четырем строкам текста соответствуют четыре рисунка (последние три строки даны концовкой): 1) Геббельс, Геринг и другие фашистские главари наряжают ворону в павлиньи перья; 2) ворона пролетает над Европой, оставляя за собой горящие города; 3) ворона наткнулась на несокрушимую советскую крепость; 4) ворона под огнем советских войск.

Стихотворение печатается по тексту плаката.

Гордость родины (стр. 113).— «Окно ТАСС», № 467, художник П. Соколов-Скаля. На рисунке — женщина поддерживает раненого бойца, провожая остальных воинов в бой.

Стихотворение печатается по тексту плаката.

Геринг, палач-вампи́р, фашистский обер-банкир (стр. 114).— «Окно ТАСС», № 484, художник В. Айвазян. Трём строкам текста соответствуют три рисунка: 1) Геринг у пивной бочки; 2) Геринг держит в руках окровавленный топор, подле него — куча золота; 3) красный штык пронзает фашистскую гадюку.

Стихотворение печатается по тексту плаката.

Геринг — один из фашистских главарей и главных военных преступников, палач германского народа.

«*Фашистский рай*» (стр. 115).— «Окно ТАСС», № 518, художник В. Милашевский. Четырем строфам текста (последние две строки даны концовкой) соответствуют четыре рисунка: 1) гестаповец избивает немца-антифашиста; 2) гитлеровец отбирает у нищей и голодной женщины последние вещи; 3) продавщица с вежливой улыбкой сообщает покупателям, что никаких товаров в продаже нет; 4) немец, ставший инвалидом на фронте, получает билет в театр.

Стихотворение печатается по тексту плаката.

Подлую тварь — на фонарь! (стр. 116).— «Окно ТАСС», № 546, художники Кукрыникисы (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов). Рисунок изображает Лаваль на привязи у германских фашистов; в его руках приготовленный для хозяев мешок с надписью: «В Германию на работы»; но изменника подстерегают французские патриоты, вооруженные вилами и штыками.

Стихотворение печатается по тексту плаката.

Лаваль П.— предатель французского народа, до 1936 г. занимавший пост премьер-министра Франции, после оккупации страны гитлеровцами в 1940 г. вошедший в так называемое «правительство Виши», сотрудничавшее с оккупантами. По требованию гитлеровцев, нуждавшихся в рабочей силе, Лаваль организовал отправку в принудительном порядке, под военным конвоем, 750 тысяч французских рабочих в Германию. Это вызвало возмущение всего французского народа и массовый уход в подполье намеченных к отправке рабочих. 15 октября 1945 г. Лаваль был казнен по приговору Верховного суда Франции как изменник.

Фашистская «фортунa» (стр. 117).— «Окно ТАСС», № 567, художник П. Саркисян. Рисунок изображает Гитлера и его приближенных — Геббельса, Геринга, Риббентропа, восседавших на горе трупов и собирающих золото в мешок.

Стихотворение печатается по тексту плаката.

Знак любви народной (стр. 118).— «Окно ТАСС», № 578, художник В. Соколов. На рисунке — колхозники щедро угощают советского воина.

Стихотворение печатается по тексту плаката.

Немцы горюют: русские не по правилам воюют! (стр. 119).— «Окно ТАСС», № 584, художник П. Саркисян. Двум строфам текста соответствуют два рисунка. На первом рисунке изображен истощенный орущий Геббельс (гитлеровский министр

пропаганды), на втором — советский воин, стреляющий из автомата по врагам.

Стихотворение печатается по тексту плаката.

С в е р х у г о л о в н ы й э к с п о н а т (стр. 120).— «Окно ТАСС», № 610, художник В. Соколов. Рисунок изображает Гитлера в клетке; на его груди табличка с надписью: «Грабитель. Детоубийца. Людоед».

Стихотворение печатается по тексту плаката.

Б о е в о й с и г н а л (стр. 121).— «Окно ТАСС», № 618, художник С. Костин. Рисунок изображает Петэна и Лавалья, пытающихся посадить Гитлера на шею Франции.

Петэн — французский маршал, предатель интересов французского народа. Уже с 1939 г. вел тайные переговоры с Гитлером об установлении во Франции фашистского режима. После вторжения гитлеровцев во Францию в июне 1940 г. подписал условия капитуляции, продиктованные немецким командованием. Вслед за тем создал в стране фашистский режим и присвоил себе звание «главы французского государства», избрав столицей этого «государства» г. Виши. До последнего дня войны вел политику сотрудничества с фашистскими оккупантами.

Лаваль — см. прим. к стихотворению «Подлую тварь — на фонарь!» («Окно ТАСС», 1942).

Героический Тулон. — Речь идет о французских моряках-патриотах, которые на рассвете 27 ноября 1942 г. потопили в Тулонском порту французский флот и взорвали береговые батареи, морской арсенал, склады боеприпасов и резервуар с горючим, дабы все это не досталось гитлеровским оккупантам. Операция была проведена в момент вступления германских войск в Тулон.

Стихотворение печатается по тексту плаката.

1943

П о й г о р д о , р а д и о в о л н а! (стр. 122).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 1, 1 января.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

М е с т ь (стр. 123).— Впервые опубликовано в «Комсомольской правде», 1943, № 7, 9 января. Вошло в сборник советских поэтов «Стихи о Сталинграде», Сталинград, 1944.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Б о г а т ы р с к и й н а к а з (стр. 126).— Впервые опубликовано в «Комсомольской правде», 1943, № 11, 14 января, с рисунком художника В. Щеглова, изображающим старика колхозника рядом

с самолетом, построенным на средства колхозников (см. прим. к стихотворению «Народный ответ»).

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943, где стихотворение датировано 1942 г.

Г р о з о в о е п р е д в е с т и е (стр. 127). — Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 17, 17 января.

Написано в связи с крупным успехом, достигнутым советскими войсками под Сталинградом, где в результате операции, начатой 19 ноября 1942 г., были окружены плотным кольцом и в январе 1943 г. разгромлены две армии противника, насчитывавшие 22 дивизии, общей численностью в 300 тысяч человек.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

За отклоненный ультиматум... — 8 января 1943 г. советское командование, стремясь избежать напрасного кровопролития, предъявило окруженным гитлеровским войскам ультиматум, требуя прекратить сопротивление и гарантируя всем сдавшимся жизнь и безопасность, питание, медицинскую помощь и т. д. Фашистское командование отклонило ультиматум, ввиду чего 10 января 1943 года советские войска начали генеральную атаку окруженных дивизий.

Н е и з б е ж н о е (стр. 128). — Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 19, 19 января.

Написано в связи с победой, одержанной Красной Армией под Ленинградом. Как сообщило 19 января 1943 г. Советское информбюро, наши войска перешли в наступление на фашистские войска, блокировавшие Ленинград. В результате семидневных упорных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов, действовавшие на встречных направлениях, соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

То, что потрясло с ним — у Волги! — Имеется в виду разгром фашистской армии под Сталинградом (см. прим. к предыдущему стихотворению).

С л а в а ! (стр. 129). — Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 24, 24 января.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Сталинград и Ленинград — см. прим. к стихотворениям «Грозное предвестие» и «Неизбежное».

П р е д м и р о м з а с в е р к а л... (стр. 131). — Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 28, 28 января. Вошло в сборник советских поэтов «Стихи о Сталинграде», Сталинград, 1944.

Написано в связи с опубликованным 27 января 1943 г. сообще-

нием Советского информбюро о победоносном завершении операции наших войск под Сталинградом (см. прим. к стихотворению «Грозное предвестие»).

Две строки из стихотворения «Пред миром засверкал...» были процитированы в передовой статье «Правды», посвященной завершению Сталинградской эпопеи:

«Грандиозная битва за город, овеянный славой и дорогой сердцу каждого советского человека, подходит к концу.

Пред миром засверкал в боях, в громах, в огне —
Наш стратегический победоносный Гений!»

(«Правда», 1943, № 28, 28 января.)

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Москва (стр. 132).— Опубликовано в журнале «Красноармеец», 1943, № 1, январь, в подборке стихотворений советских поэтов, посвященных Москве. Печатается по тексту журнала.

Народное мужество (стр. 133).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 38, 7 февраля. Посвящено исторической победе, одержанной советскими войсками в Сталинградской битве (см. прим. к стихотворениям «Грозное предвестие» и «Пред миром засверкал...»).

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943, где стихотворение ошибочно датировано 1942 г.

Бойцы за Родину, вам равных не найти! (стр. 135).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 46, 15 февраля.

Написано в день освобождения Ростова-на-Дону от гитлеровских войск, дважды оккупировавших этот город на протяжении полутора лет войны. Одновременно с Ростовом нашими войсками был занят также город Ворошиловград.

Текст печатается по книге «Слава», 1945, где стихотворение ошибочно датировано 25 февраля 1943 г.

Блиц — «блицкриг», фашистская теория «молниеносной войны», потерпевшая крах на советско-германском фронте (см. прим. к стихотворению «Просчитался!»).

«Философ» мюнхенско-трактирный... — Имеется в виду Гитлер, начавший свою политическую карьеру (после окончания первой мировой войны) в мюнхенских пивных, где он собирал вокруг себя уголовный сброд и произносил демагогические речи.

Победоносной (стр. 137).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 54, 23 февраля. Написано в связи с двадцатипятилетием Советской Армии.

Текст печатается по книге «Несокрушимая уверенность», 1943.

Н а р о д н ы м г е р о и н я м (стр. 139).— Впервые опубликовано в «Комсомольской правде», 1943, № 55, 7 марта, в канун празднования Международного женского дня.

Текст печатается по книге «Слава», 1945, где стихотворение ошибочно датировано 8 марта 1943 г.

Б о е в о й п р и з ы в (стр. 140).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 66, 8 марта. Написано к Международному женскому дню.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

В о л к - м о р а л и с т (стр. 142).— Басня впервые опубликована в «Правде», 1943, № 153, 18 июня.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

З а н а м и — Р о д и н а с т о и т ! (стр. 144).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 156, 21 июня. Написано ко второй годовщине Великой Отечественной войны.

Текст печатается по книге «Слава», 1945, где стихотворение ошибочно датировано 25 февраля 1943 г.

С о в е т с к о й б о е в о й т е х н и к е — с л а в а ! (стр. 146).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 157, 22 июня. Написано в связи с открытием в Москве выставки образцов трофейного вооружения, захваченного в боях у фашистов. Выставка была организована по решению Государственного Комитета Оборона и открылась в день второй годовщины Великой Отечественной войны, 22 июня 1943 г.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Д о в е р ч и в ы й к у м (стр. 148).— Басня впервые опубликована в «Правде», 1943, № 161, 27 июня.

Текст печатается по книге «Слава», 1945, где басня датирована 21 июня 1945 г.

К и н ж а л (стр. 150).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 195, 6 августа.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

«Орловский клин».— Имеется в виду наступление немецких войск на Курск из районов Белгорода и Орла, предпринятое гитлеровским командованием летом 1943 г. Эта операция противника имела целью окружить и уничтожить наши войска, расположенные по дуге Курского выступа. Успешными действиями наших войск наступление противника было ликвидировано. При этом Красная Армия не только восстановила положение, занимаемое ею до начала наступления гитлеровцев, но прорвала оборону противника и переш-

ла в мощное контрнаступление. Гитлеровский план летнего наступления 1943 г. оказался полностью провалившимся. 5 августа после ожесточенных уличных боев наши войска овладели городами Орел и Белгород.

Ф а ш и с т с к о е « с в е р х о р у д и е » (стр. 151).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 198, 9 августа.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

«Тигр» — название, которое фашисты дали одному из видов своих тяжелых танков. На эти танки противник возлагал большие надежды в летнем наступлении 1943 г., считая их неуязвимыми.

«Фердинанды» — фашистские самоходные пушки, также не оправдавшие надежд, которые возлагал на них противник в летнем наступлении 1943 г.

Шпрее — река, протекающая в Берлине.

Тибр — река, протекающая в Риме.

П о г о с т ю — в с т р е ч а (стр. 153).— Басня впервые опубликована в «Красной звезде», 1943, № 196, 20 августа. Текст басни использован в качестве подписи к «Окну ТАСС», № 816, художник В. Ладягин.

Текст печатается по книге «Слава».

Н а д Х а р ь к о в о м в з в и л о с ь р о д н о е н а ш е з н а м я ! (стр. 154).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 211, 24 августа.

Написано в связи с победой, одержанной войсками Степного фронта, которые при содействии войск Воронежского и Юго-Западного фронтов сломали сопротивление противника и 23 августа 1943 г. штурмом взяли г. Харьков.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

З в е з д ы в е ч н о й с л а в ы (стр. 155). — Впервые опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение (см. прим. к нему). Написано по поводу торжественного салюта, произведенного в Москве в честь освобождения Харькова.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Н а ш и д е т и (стр. 156).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 228, 13 сентября.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

С а л ю т п о б е д и т е л я м (стр. 162).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 235, 22 сентября.

Написано в связи с победами, одержанными нашими войсками в период с 10 по 21 сентября 1943 г. За эти дни советские войска овладели городом и портом Мариуполь, городами Брянск, Бежица,

Бердянк (Осипенко), освободили Чернигов и продвинулись далеко вперед на Киевском направлении.

Текст стихотворения был использован также в качестве подписи к «Окну ТАСС», № 819, художники Моор и Долгоруков. На рисунке изображен советский воин, отбросивший врага от Чернигова и Брянска, в углу — Гитлер с приказом, гласящим: «Удержать Брянск любой ценой!»

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

О с в о б о д и т е л я м П о л т а в ы (стр. 163).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 237, 24 сентября. Написано 23 сентября 1943 г. в день занятия Полтавы войсками Степного фронта, успешно форсировавшими реку Ворксла и после трехдневных упорных боев освободивших город от захватчиков.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Б о г а т ы р с к а я п е р е п р а в а (стр. 164).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 249, 8 октября.

Написано в связи с успешными операциями по форсированию Днепра, проведенными в начале октября 1943 г. Против переправившихся советских войск фашисты вели ожесточенные атаки, которые отбивались с большими для противника потерями.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

П о д а р о к с т о л и ц ы (стр. 165).— Впервые опубликовано в газете «Труд», 1943, № 258, 31 октября, в подборке материалов о труде советских людей, восстанавливающих разрушенное оккупантами хозяйство.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Р а д О т е ч е с т в у с л у ж и т ы ! (стр. 166).— Впервые опубликовано в «Комсомольской правде», 1943, № 271, 17 ноября.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

М у д р ы й с к а з (стр. 167).— Впервые опубликовано в газете «Труд», 1943, № 275, 21 ноября, вместе со сказом П. Бажова «Живинка в деле», о котором и говорится в стихотворении.

Стихотворение печатается по тексту газеты.

Бажов П. П. (1879—1950)—советский писатель, выходец из семьи горнозаводского мастера, автор сказов и легенд, в большинстве своем основанных на фольклорных источниках, посвященных труду и быту уральских рабочих и мастеров; произведения эти собраны в книге П. Бажова «Малахитовая шкатулка», завоевавшей всенародное признание и удостоенной Сталинской премии. Сказ «Живинка в деле» повествует об уральском мастере прошлого века Тимохе Малоручке; в этом сказе утверждается идея вдохновенного, творческого труда.

З и м а и д е т ! (стр. 168).— Опубликовано в отделе «Юмор» журнала «Краснофлотец», 1943, № 21, ноябрь, откуда и печатается текст.

Не видел Гитлер летом света...—Имеется в виду провал летнего наступления, предпринятого гитлеровским командованием в 1943 г. (см. прим. к стихотворению «Кинжал»).

П а м я т и б о й ц а (Е. М. Я р о с л а в с к о г о) (стр. 169).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 300, 6 декабря, в день похорон Е. М. Ярославского.

Текст печатается по книге «Слава», 1945, где стихотворение ошибочно датировано 7 декабря 1943 г.

Ярославский Е. М.— старейший деятель Коммунистической партии, член ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР, скончался 4 декабря 1943 г.

Г е б б е л ь с о в с к и е и з р е ч е н и я, «р о ж д е с т в е н с к и е» д о у м о п о м р а ч е н и я (стр. 170).— Впервые опубликовано в «Правде», 1943, № 320, 30 декабря.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Геббельс — приближенный Гитлера, фашистский министр пропаганды, один из главных военных преступников.

«О к н а Т А С С»

В п е р е д — к р е ш а ю щ и м б о я м (стр. 172).— «Окно ТАСС», № 692, художник В. Айвазян. Плакат состоит из двух рисунков: 1) колхозник ссыпает зерно, предназначенное для фронта; 2) советский воин целится в гитлеровцев из автомата.

Стихотворение печатается по тексту плаката.

С в и р е п о с т ь б е ш е н о г о п с а (стр. 173).—«Окно ТАСС», № 697, художник П. Соколов-Скаля. На рисунке — фашист с оружием в зубах на фоне горящего города.

Стихотворение печатается по тексту плаката.

«Д а р ы » Г и т л е р а (стр. 174).— «Окно ТАСС», № 744, художник К. Лихачев. На рисунке изображен Роммель, покидающий Северную Африку на самолете; Гитлер встречает его и награждает «железным крестом» (фашистский орден).

Роммель — гитлеровский генерал, стоявший во главе немецких войск в Северной Африке. Под его командованием находились также дивизии итальянских фашистов.

Бизерта, Тунис — порты в Северной Африке; *мыс Бон* —там же.

Далее в тексте говорится о поражении фашистских войск под

Сталинградом и о «награждении» командовавшего этими войсками генерала фон Паулюса.

Стихотворение печатается по тексту плаката.

Т е с н и м в р а г а! (стр. 175).— «Окно ТАСС», № 790, художник П. Соколов-Скаля. На рисунке изображен советский боец, разящий гитлеровца штыком.

Стихотворение печатается по тексту плаката.

В р е м е н щ и к и (стр. 176).— «Окно ТАСС», № 868, художник В. Милашевский. На рисунке изображен фашистский убийца и поджигатель с факелом и автоматом в руках; позади него — пылающая советская деревня.

Эпиграф — см. И. С т а л и н, «О Великой Отечественной войне Советского Союза», указ. изд., стр. 120.

Стихотворение печатается по тексту плаката.

1944

В с т р е ч а (стр. 177).— Впервые опубликовано в «Правде», 1944, № 1, 1 января.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

«Р а з л у к а т ы, р а з л у к а!» (стр. 178).— Впервые опубликовано в «Правде», 1944, № 7, 8 января, с подзаголовком «Маленький фельетон».

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Г е б б е л ь с — см. прим. к стихотворению «Геббельсовские изречения, «рождественские» до упоминания».

Л е н и н — с н а м и! (стр. 180).— Впервые опубликовано в журнале «Знамя», 1944, № 1—2, январь—февраль. Написано к 20-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

Текст печатается по книге «Слава», где стихотворение датировано 21 января 1944 г.

Ф а ш и с т с к и е « а н г е л о ч к и » (стр. 181).— Впервые опубликовано в «Правде», 1944, № 39, 14 февраля.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

«Фёлькишер беобахтер» — центральный печатный орган гитлеровской партии.

П р е д з н а м е н о в а н и е (стр. 183).— Впервые опубликовано в «Правде», 1944, № 43, 19 февраля.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Т р и у м ф и х К о р с у н ь с к и й...— Имеется в виду ликвидация советскими войсками окруженных в районе Корсунь-Шевченковский гит-

леровских войск в феврале 1943 г. и освобождение этого района от фашистов.

Не избежать ему «котла»! — «Котел» — операция на окружение. См. также стихотворение «Блуждающие котлы», 1945.

Обиженный вор (стр. 185).— Басня опубликована в «Красной звезде», 1944, № 82, 6 апреля. Перепечатана в «Блокноте агитатора», 1944, № 13.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Антонеску — фашистский диктатор Румынии, пособник Гитлера, один из главных военных преступников.

Одесса (стр. 186).— Впервые опубликовано в «Правде», 1944, № 88, 12 апреля.

Написано в связи с победой, одержанной войсками 3-го Украинского фронта, освободившими 10 апреля 1944 г. город Одессу.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

В Крыму (стр. 187).— Впервые опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение. Написано в связи с начавшимся в апреле 1944 г. наступлением советских войск в Крыму и очищением его территории от фашистских захватчиков.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Испытанный прием (стр. 188).— Впервые опубликовано в «Красной звезде», 1944, № 87, 12 апреля.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Защитникам Родины первомайский привет! (стр. 190).— Впервые опубликовано в «Правде», 1944, № 105, 1 мая.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Подвиг (стр. 191).— Впервые опубликовано в газете «Труд», 1944, № 104, 1 мая.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Дыра за Прутом (стр. 192).— Впервые опубликовано в отделе «Сатира и юмор» журнала «Краснофлотец», 1944, № 9, май, откуда и печатается текст. Написано в связи с приближением советских войск к границам Румынии.

Антонеску — см. прим. к стихотворению «Обиженный вор».

Вражьины валы (стр. 193).— Впервые опубликовано в «Правде», 1944, № 146, 18 июня, откуда и печатается текст.

Геббельс — см. прим. к стихотворению «Геббельсовские изречения...»

Финский вал был крепким валом...— Имеется в виду мощный оборонительный пояс, сооруженный белофиннами севернее Ленинграда в период Великой Отечественной войны. В июне 1944 г. наши войска про-

рвали оборону противника на этом участке и начали наступление на север. Одновременно с приводимым стихотворением в «Правде» была опубликована оперативная сводка Советского информбюро об успешном развитии наступления наших войск на Карельском перешейке.

На Минском направлении (стр. 195).— Опубликовано в «Правде», 1944, № 155, 29 июня, откуда и печатается текст. Помещенная в том же номере газеты оперативная сводка Советского информбюро сообщает об освобождении от фашистских захватчиков ряда городов Белоруссии — Могилева, Шклова, Лепеля, Осиповичи и других и об успешном продвижении наших войск на Минском направлении. Минск был взят штурмом войсками 1-го и 3-го Белорусского фронтов 3 июля 1944 г.

Освободителям (стр. 196).— Впервые опубликовано в «Правде», 1944, № 180, 24 июля.

Написано в связи с освобождением Пскова от фашистских захватчиков. В первой строфе говорится о подвиге псковитян, участвовавших в разгроме войск ливонского ордена («псов-рыцарей») на льду Чудского озера в 1242 г.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Дочурка (стр. 197).— Впервые опубликовано в «Комсомольской правде», 1944, № 182, 2 августа, под названием «Отомстим за нее!» и в сопровождении фотоснимка, присланного военным корреспондентом газеты со 2-го Прибалтийского фронта. На снимке — плачущая девочка у разрушенного фашистами дома.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

«Фаргелет» (стр. 198).— Опубликовано в газете «Труд», 1944, № 184, 4 августа, откуда и печатается текст.

В летний день на реке (стр. 200).— Впервые опубликовано в «Комсомольской правде», 1944, № 211, 5 сентября, под названием «Севастополь, сентябрь 1944 г.». Текст сопровождался фотоснимком, изображающим детей на морском берегу. Начальная редакция первой строки: «Шумят детишки на песке».

Измененный текст стихотворения дан в книге «Слава», 1945, откуда он и печатается.

Змеиная природа (стр. 201).— Басня впервые опубликована в «Красной звезде», 1944, № 259, 31 октября. Вошла в коллективный сборник советских поэтов «Славься, Донбасс!», 1945.

Эпиграф взят из басни И. А. Крылова «Крестьянин и змея» («Змея к крестьянину пришла...»).

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Речь про... «течь» (стр. 203).— Опубликовано в отделе

«Сатира и юмор» журнала «Краснофлотец», 1944, № 18—19, сентябрь — октябрь, откуда и печатается текст.

Перед сигналом (стр. 204).— Впервые опубликовано в «Правде», 1944, № 272, 12 ноября. Написано в связи с освобождением Советского Союза от фашистских захватчиков и переходом наших войск на территорию противника.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

На нашей улице быть празднику! — Имеются в виду следующие слова из приказа № 345 Народного комиссара обороны И. В. Сталина от 7 ноября 1942 г.: «Враг уже испытал однажды силу ударов Красной Армии под Ростовом, под Москвой, под Тихвином. Недалёк тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!» (И. Сталин, «О Великой Отечественной войне Советского Союза», указ. изд., стр. 81).

Крысы тонущего корабля (стр. 206).— Впервые опубликовано в «Правде», 1944, № 288, 1 декабря.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

За советское отечество! (стр. 207).— Впервые опубликовано в «Правде», 1944, № 291, 4 декабря, среди материалов, посвященных 8-й годовщине Конституции СССР.

Текст печатается по книге «Слава», 1945, где стихотворение ошибочно датировано 5 декабря 1944 г.

Неизлечимо больной, или издыхающий Гитлер (стр. 208).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1944, № 297, 17 декабря, под названием «Неизлечимый больной» и за подписью «Д. Боевой». Текст сопровождался рисунком художника Б. Ефимова, изображающим больного Гитлера и бегущих из Вены фашистов. Бегство это было вызвано успешным продвижением советских войск по территории Венгрии, освобождаемой от фашистского ига.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Последняя ставка, или берлинское происшествие в ночь под рождество (стр. 209).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1944, № 303, 24 декабря, под названием «Берлинский рождественский дед образца 1944 года» и за подписью «Д. Боевой». Текст сопровождался рисунком художника Б. Ефимова. На рисунке изображен дед, схваченный эсэсовцем и доставленный к гитлеровскому министру пропаганды Геббельсу; у последнего над столом табличка: «Сверхтотальная мобилизация. Предельный возраст 65 (зачеркнуто), 85 (зачеркнуто), 105 лет».

Написано в связи с серией «тотальных» (чрезвычайных, всеоб-

щих) мобилизаций, проведенных в 1943—1944 гг. гитлеровским командованием, гнавшим на войну инвалидов и стариков.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

К а в а л е р и й с к а я а т а к а (стр. 210). — Написано в 1944 г. Опубликовано в книге «Слава», 1945, откуда и печатается текст.

В о с с т а н о в и т е л ь н а я р а б о т а (стр. 211). — Опубликовано в книге «Слава», 1945, откуда и печатается текст. Написано в 1944 г. в связи с проведением в жизнь постановления Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета партии «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» (принято в 1943 г.).

1945

Р у с ь (стр. 212). — Впервые опубликовано в «Правде», 1945, № 1, 1 января, затем в журнале «Дружные ребята», 1945, № 1, январь.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

П р е д с м е р т н ы й б а н к е т (стр. 213). — Впервые за подписью «Д. Боевой» опубликовано в «Известиях», 1945, № 1, 1 января, откуда и печатается текст. Текст сопровождался рисунком художника Б. Ефимова. Рисунок изображает банкет: за столом — беснующийся Гитлер, под столом — охваченные паническим ужасом подручные Гитлера: главарь итальянских фашистов Муссолини, предатели французского народа Петэн и Лаваль (о них — см. прим. к стихотворениям «Подлую тварь — на фонарь!» и «Боевой сигнал», «Окна ТАСС», 1942).

М о с к в а — В а р ш а в е (стр. 214). — Впервые опубликовано в виде двух самостоятельных стихотворений: первое — под названием «Москва — Варшаве» — в «Правде», 1945, № 15, 18 января, второе — под названием «Свободной Варшаве» и за подписью «Д. Боевой» — в «Известиях», 1945, № 15, 18 января. Написано в связи с успешными боями советских войск за Варшаву и освобождением ее от фашистов.

Стихотворения объединены в книге «Слава», 1945, откуда и печатается текст.

«Д е н ь с а л ю т о в!» (стр. 216). — Впервые опубликовано в «Правде», 1945, № 17, 20 января.

19 января 1945 г. Москва салютовала войскам 1-го, 2-го, 3-го Белорусского, 1-го и 4-го Украинского фронтов, освободивших от противника Краков и Лодзь, прорвавших оборону фашистов в Восточной Пруссии и овладевших целым рядом населенных пунктов в Восточ-

ной Пруссии и Польше. В этот день в Москве было пять салютов. В течение пяти часов 108 раз прозвучали залпы артиллерийских орудий. «Тот, кто видел Мсскву в этот вечер,— писал корреспондент газеты «Известия»,—навсегда сохранит в памяти ее величественный, исполненный радости и торжества облик» («Известия», 20 января).

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

В р а г а п о щ а д и т ь — в б е д у у г о д и т ь (стр. 217).— Басня впервые опубликована в «Правде», 1945, № 20, 23 января.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Н е м е ц к о е « н е у д о б с т в о » (стр. 219).— Впервые опубликовано в «Правде», 1945, № 22, 26 января.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

С т о й и с э т о й с т о р о н ы (стр. 221).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1945, № 23, 28 января, за подписью «Д. Боевой» и с рисунком художника Б. Ефимова, изображающим взбешенного Гитлера и рядом карту, на которой отмечены удары советских войск в направлениях Данцига и Кенигсберга.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Х о з я и н (стр. 222).— Впервые опубликовано в «Комсомольской правде», 1945, № 23, 28 января, со сноской: «В основу повести положен действительный случай, имевший место в одной из деревень Верейского района Московской области». Текст имел сокращение в строфе, начинающейся словами: «Война отцовские подборки...» (отсутствовали последние 10 строк). Напечатано также в журнале «Дружные ребята», 1945, № 1, январь, с подзаголовком «Повесть в стихах» и с иллюстрациями художника А. Каневского.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

«Б л у ж д а ю щ и е к о т л ы» (стр. 233).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1945, № 26, 1 февраля, за подписью «Д. Боевой».

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Котлы — см. прим. к стихотворению «Предзнаменование».

Б р а н д е н б у р г (стр. 235).— Впервые опубликовано в «Правде», 1945, № 27, 1 февраля. В этот день печать сообщала о том, что войска 1-го Белорусского фронта, продолжая наступление к западу и юго-западу от Познани, пересекли германскую границу, вошли в пределы Бранденбургской провинции и заняли важные пункты на подступах к Франкфурту-на-Одере.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

С о з д а т е л ь « т ы с я ч е л е т н е г о р е й х а » (стр. 236).— Опубликовано за подписью «Д. Боевой» в «Известиях», 1945, № 27, 2 февраля, откуда и печатается текст. Текст сопровождался рисун-

ком художника Б. Ефимова, изображающим Гитлера, потрясенного гибелью фашистского «рейха» («рейх» — государство, империя); вдали — на горизонте — огни московских салютов.

И стош ный «кригк» гитлеровской пропаганды (стр. 237).— Опубликовано за подписью «Д. Боевой» в «Известиях», 1945, № 41, 18 февраля, откуда и печатается текст. Текст сопровождался рисунком художника Б. Ефимова, изображающим Гитлера и его министра пропаганды Геббельса у радиорепродуктора.

Крымская конференция — совещание руководителей трех держав: Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, происходившее в Ялте (Крым) с 4 по 12 февраля 1945 г. В совещании участвовали И. В. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт. Конференция определила и согласовала планы военного разгрома гитлеровской Германии и условия безоговорочной капитуляции противника.

Чем это пахнет? (стр. 238).— Опубликовано в «Правде», 1945, № 42, 18 февраля, откуда и печатается текст.

Черноморские решения... — Имеются в виду решения Крымской конференции (см. прим. к стихотворению «Истошный «кригк» гитлеровской пропаганды»).

...пахнет Аргентиною! — Имеется в виду бегство ряда фашистских главарей, крупных чиновников гитлеровского «рейха», и нажившихся на войне германских капиталистов в Аргентину.

Поступь истории (стр. 239).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1945, № 45, 23 февраля, за подписью «Д. Боевой».

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

На Берлинском направлении (стр. 240).— Впервые опубликовано в «Правде», 1945, № 49, 26 февраля.

Эпиграф — из приказа Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 23 февраля 1945 г. (см. «Правда», 1945, № 47, 24 февраля).

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

На всякий случай... (стр. 241).— Опубликовано за подписью «Д. Боевой» в «Известиях», 1945, № 53, 4 марта, откуда и печатается текст. Текст сопровождался рисунком Б. Ефимова: Гитлер держит в руках «Самоучитель хакари», Геббельс показывает на карте направление ударов советских войск.

Гиммлер — главарь фашистской тайной полиции, кровавый палач, подручный Гитлера, один из главных военных преступников.

Геринг — см. прим. к стихотворению «Геринг — палач, вампир, фашистский обер-банкир», «Окна ТАСС», 1942.

Харакири — форма «почетного» самоубийства, принятая среди японской аристократии и военщины.

З а п л е т а ю щ и м я з ы к о м... (стр. 242).— Впервые опубликовано в «Правде», 1945, № 84, 8 апреля.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

П е р в о к л а с с н ы й и н с т р у м е н т (стр. 243).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1945, № 85, 11 апреля, за подписью «Д. Боевой» и с рисунком Б. Ефимова. На рисунке — схема наступления советских войск на Кенигсберг; Гитлер в испуге пятится назад.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

«Н е т у ф ю р е р а п о р т р е т а н а с т е н е!» (стр. 245).— Впервые опубликовано в «Известиях», 1945, № 92, 19 апреля, за подписью «Д. Боевой».

Текст печатается по книге «Слава», 1945, где стихотворение ошибочно датировано 21 апреля 1945 г.

Блицвойна — «молниеносная война» (см. прим. к стихотворению «Просчитались!»).

Н е с ы с к а т ь д р у г о г о с л о в а (стр. 247).— Опубликовано за подписью «Д. Боевой» в «Известиях», 1945, № 94, 21 апреля, откуда и печатается текст. Текст сопровождался рисунком художника Б. Ефимова, изображающим Херста верхом на чернильнице и с надписью в руках: «Осторожно: Красная Армия!»

Херст— американский реакционер, владелец газетного треста.

О к р у ж е н н ы й Б е р л и н (стр. 248).— Впервые опубликовано в «Правде», 1945, № 99, 26 апреля.

Написано в связи с успешным завершением советскими войсками операции по окружению Берлина. 25 апреля 1945 г. войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов, перерезав все пути, ведущие из Берлина на Запад, соединились северо-западнее Потсдама с войсками 1-го Украинского фронта, окружив таким образом германскую столицу. «Труднейшая операция на окружение,— писала «Правда» в передовой статье 26 апреля,— осуществлена с изумительной четкостью. Решение этой исполинской задачи оказалось по плечу Красной Армии... Фашистский зверь попал в капкан в собственном логове!»

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

С л а в а н а ш е м у н а р о д у! С л а в а н а ш е м у в о ж д ю! (стр. 249).— Впервые опубликовано в газете «Социалистическое земледелие», 1945, № 54, 1 мая, без названия — в виде

подписей к рисункам художников Кукрыниксы (М. Куприянова, П. Крылова, Н. Соколова). Пяти строфам стихотворения соответствуют пять рисунков: 1) Гитлер на коне; 2) Гитлер сваливается с коня; 3) Гитлер на крупе разорванного пополам коня; 4) Гитлер держится за хвост коня; 5) красноармейским прикладом Гитлер вгоняется в землю.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

Весна победы (стр. 251).— Опубликовано под названием «Наш праздник» в «Правде», 1945, № 104, 1 мая, откуда и печатается текст. Одновременно опубликовано в газете «Социалистическое земледелие», 1945, № 54, 1 мая.

Праздник Победы (стр. 252).— Впервые опубликовано в «Правде», 1945, № 111, 10 мая, перепечатано в «Блокноте агитатора», 1945, № 13. Написано 9 мая в связи с окончанием Великой Отечественной войны Советского Союза против германского фашизма.

Текст печатается по книге «Слава», 1945.

СТАТЬИ, ПИСЬМА

Автобиография (стр. 257). — Написана в сентябре 1921 г. Опубликована в книге «Старое и новое», ЗИФ, М. 1928, откуда и печатается текст.

Якубович-Мельшин П. Ф. — поэт народнического направления, заведовал литературным отделом ежемесячного журнала либеральных народников «Русское богатство», на страницах которого печатались ранние стихи Д. Бедного (см. т. 1 настоящего издания).

Якубович-Мельшин выступал также как литературный критик под псевдонимом П. Гриневич (см. ниже прим. к статье «Их лозунг»).

Критическая гримаса (стр. 259).— Статья опубликована в газете «Звезда», 1912, № 2, 15 января, под рубрикой «Маленький фельетон», за подписью «Е. Придворов».

Печатается по тексту газеты.

Вечерняя «Биржевка» — вечерний выпуск газеты «Биржевые ведомости», буржуазного издания бульварного типа, известного своей беспринципностью и продажностью.

Ясинский И. И. (Максим Белинский) — реакционный писатель и журналист, сотрудник черносотенной газеты «Новое время», автор ряда романов-пасквилей о революционном народничестве и его деятелях.

«Вечернее время» — бульварная газета, конкурировавшая с вечерним выпуском «Биржевых ведомостей».

Ауспиция — гадание по полетам птиц, голосам животных и небесным явлениям.

Проппер С. М. — издатель «Биржевых ведомостей».

«*Синий журнал*» — бульварно-порнографический журнал, выходивший в Петербурге.

Гиппиус З. Н. (Мережковская) — декадентская поэтесса, выступавшая в печати также с рассказами и критическими статьями; творчество ее проникнуто безнадежным пессимизмом, крайним индивидуализмом и проповедью антиобщественных настроений. Враждебно встретив Октябрьскую революцию, она в 1920 г. перешла в лагерь белой эмиграции.

Рассказ-загадка З. Гиппиус, о котором идет речь в фельетоне Д. Бедного, напечатан в газете «Биржевые ведомости», вечерний выпуск, 1912, № 12 715, 2 января.

И х л о з у н г (стр. 261). — Статья опубликована в газете «Звезда», 1912, № 9, 12 февраля, под рубрикой «Маленький фельетон», за подписью «Е. Придворов».

Печатается по тексту газеты.

Белый А. (Бугаев Б. Н.) — поэт-декадент, один из теоретиков символизма, приверженец субъективно-идеалистической философии. Статья А. Белого, цитируемая Д. Бедным, появилась в журнале «Русская мысль», № 12 за 1911 г. и называлась «Об идейном искусстве и презрительном «Терсите». В цитатах из этой статьи, а также в цитате из стихотворения А. Фета курсивом в разрядку выделены подчеркивания самого Бедного; знаки в скобках также принадлежат Д. Бедному. В абзаце, начинающемся словами «Тенденциозная критика...», в квадратные скобки взяты слова из статьи А. Белого, случайно пропущенные в тексте «Звезды».

П. Я. — Якубович-Мельшин П. Ф. (см. прим. к «Автобиографии»). Д. Бедный цитирует статью П. Якубовича о Фете «Чудеса вседневного мира» по книге: Л. М е л ь ш и н (П. Ф. Гриневич), «Очерки русской поэзии», П. 1904.

На рынок! Там кричит желудок... — строки из стихотворения Фета «Псевдопоэту».

Когда я читаю произведение Надсона... — Имеется в виду стихотворение С. Я. Надсона «Похороны» («Слышишь — в селе, за рекою зеркальной...»).

Сейте разумное, доброе, вечное... — строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Сеятелям».

Шепот, робкое дыханье... — начальная строка не имеющего заглавия стихотворения А. Фета.

Молодые бедра... и Станем любиться! — строки из стихотворений декадентской поэтессы Л. Столицы «К дождю» и «К солнцу».

Соловьев В. С. — философ-идеалист второй половины XIX в., публицист и поэт.

Лавров П. Л. — мелкобуржуазный социалист, теоретик и публицист народничества.

Михайловский Н. К. — идеолог либерального народничества, публицист, социолог и литературный критик.

Ю б и л я р ы (стр. 265). — Статья опубликована в газете «Звезда», 1912, № 14, 4 марта, под рубрикой «Маленький фельетон».

Печатается по тексту газеты.

Иероним Биржевой — подразумевается Ясинский И. И. (см. прим. к статье «Критическая гримаса»).

Брешки. — Имеется в виду Брешковский Н. Н., буржуазный писатель, второстепенный беллетрист, сотрудничавший в «Биржевых ведомостях» и других буржуазных изданиях.

Ари — псевдоним Арабажина К. И., буржуазного историка литературы и критика.

Аякс — псевдоним Измайлова А. А. (А. Смоленского), беспринципного буржуазного критика и беллетриста.

Глинский Б. — редактор консервативно-монархического журнала «Исторический вестник» (в фельетоне — *псевдоисторический вестник*).

Рославлев А. С. — поэт-декадент.

«Малый Ярославец» — название петербургского ресторана.

Городецкий С. — поэт, прозаик, критик. До Октября примыкал к литературным течениям символизма и акмеизма.

М а с к а р а д б л а г о т в о р и т е л ь н о с т и (стр. 267). — Статья опубликована в газете «Звезда», 1912, № 17, 13 марта, под рубрикой «Маленький фельетон».

Печатается по тексту газеты.

«Сатирикон» (позже — «Новый сатирикон») — сатирико-юмористический журнал либерального направления, отличавшийся полной политической беспринципностью и рассчитанный на мещанско-обывательские круги. Эпиграф в фельетоне — из стихотворения «Самое современное», напечатанного в «Сатириконе», 1912, № 10, март. Первые строки фельетона — цитата из обращения редакции журнала «К нашим читателям» о сборе средств для устройства благотворительной столовой в одной из голодающих губерний.

«Зайчики на стене», «Круги по воде», «Веселые устрицы» — названия сборников рассказов А. Аверченко, буржуазного юмориста, редактора и совладельца «Сатирикона».

Эх, и зачем добросердечный рабочий люд... — Имеется в виду следующее сообщение с фабрики «Беккер», опубликованное в газете «Звезда», 1912, № 14, 4 марта: «Обсудив вопрос о помощи нашим голодающим братьям, пострадавшим от неурожая, рабочие решили оказать посильную помощь. А чтобы наша скромная лепта не прилипла по дороге к мужику — к бархатным ручкам разных деятелей благотворительности, собранные по подписному листу деньги отослать членам социал-демократической фракции Государственной думы, действительным защитникам угнетенных и голодных».

В.У.И.М. — «Ведомство учреждений императрицы Марии», то есть управление, ведавшее детскими приютами, сиротскими домами, богадельнями и т. п.

Откроем карты, господа! — строки из стихотворения «Самое современное», процитированного в эпитафии.

Письма к П. П. Мирецкому (стр. 271—279).

Письма к П. П. Мирецкому опубликованы в журнале «Молодая гвардия», 1935, № 5, май, откуда и печатается текст.

Мирецкий П. П. — литературный критик, постоянный сотрудник издававшейся в г. Новочеркаске либеральной газеты «Донская жизнь». 15—17 мая 1913 г. П. Мирецкий выступил в этой газете с обширной статьей (печатавшейся «подвалами» на тридцати страницах), посвященной выходу в свет первой книги Демьяна Бедного «Басни», П. 1913. Статья называлась «Внук «дедушки Крылова» и рассматривала Демьяна Бедного как наследника традиций великого баснописца.

В ней отмечались простота и живость басенных образов Бедного, близость этих басен интересам широких народных масс, их доступность «сознательному крестьянину современной деревни и среднему фабрично-заводскому рабочему». Высоко оценивались в статье также художественные особенности и язык басен.

Письмо первое (стр. 271). — Написано в ответ на статью П. Мирецкого и на его письмо, обращенное к поэту. В том, что Д. Бедный отозвался именно на эту статью П. Мирецкого, убеждает повторение в письме некоторых выражений из статьи («По-вашему, я — трибун, который зорко следит и т. д.». См. также ранее выражение — «сочувственник мирной организации»). Из этого следует, что дата «23 апреля», под которой это письмо было впервые опубликовано, неверна, ибо статья П. Мирецкого появилась в середине мая 1913 г. Повидимому, здесь допущена ошибка в датировке на один

месяц. Нами к этому письму дана приблизительная, но более верная дата (заключенная в угловые скобки) — 20-е числа мая.

К письму была приложена газетная вырезка (иронически названная Д. Бедным в Р. С. к письму «автобиографической» — хроникерское сообщение одной из петербургских газет: «Днем 19 февраля у арестованного на улице Ефима А[лексеевича] Придворова был произведен (в д. 3, Пушкинская ул.) обыск. Придворов препровожден в охранку. Взята переписка книги». Слово «Алексеевича» в вырезке написано пером.

Статья Л. Войтоловского в «Киевской мысли», упоминаемая Д. Бедным, называлась «Летучие наброски» (номер газеты и дата появления статьи обозначены в тексте). «Демьян Бедный,— сказано в статье,— отлично знает изображаемую среду, говорит ее языком, живет ее буднями и весь душою предан ее целям, мыслям, движением. Оттого в его баснях нет бессодержательных фраз». Статья подчеркивала художественные достоинства басен, но отмечала, что «они бывают чересчур злободневными...» В этом упреке сказались шаткость идейных позиций критика, не увидевшего достоинства в остроте политического содержания басен Д. Бедного.

В моей книге нет нескольких басен... — См. прим. к стихотворениям: «Шпага и топор», «Свеча», «Лапоть и сапог», «Свое» — в т. 1 настоящего издания.

...вам бы трудно было назвать меня сочувственником мирной организации... — Здесь имеется в виду следующий абзац из статьи П. Мирецкого: «Певец пролетариата, не книжный сочувственник его, а плоть от плоти и кость от кости его, Демьян Бедный видит всю силу его в мирной организованности, в его идейной сплоченности...» — «Донская жизнь», 1913, № 112, 17 мая (подчеркнуто в тексте статьи). Возражая против этого утверждения, Д. Бедный в письме, насколько это позволяли условия переписки, указывал на боевой, партийный характер своей литературной работы.

Басня «Дом» — см. в т. 1 настоящего издания.

«Новое время» — реакционно-монархическая газета.

П и с ь м о · в т о р о е (стр. 272).— Как и в первом письме, здесь, повидимому, допущена ошибка в датировке на один месяц, и его следует датировать не 7 мая (как это имело место при первой публикации), а началом июня 1913 г. (дата заключена нами в угловые скобки).

Предлагая в этом письме вычеркнуть из басни «Азбука» строки «о Льве», Д. Бедный, видимо, ошибался памятью. В начальных шести строках басни речь идет не о льве, а о медведе, который «назна-

чен был... правителем одной лесной округи» (см. текст басни в т. 1 настоящего издания). О басне «Свеча» см. прим. к т. 1 настоящего издания.

П и с ь м о т р е т ь е (стр. 273).

...почтовые ваши листы — сверхлисты... — П. Мирецкий писал на больших листах бумаги буквами огромного размера.

Айхенвельд Ю. И. — буржуазный литературный критик, идеалист и эстет, сотрудник кадетских изданий.

Вербицкая А. А. — дореволюционная беллетристка, снискавшая себе популярность в буржуазно-мещанской среде многочисленными романами, посвященными теме «женского счастья»; тема эта трактовалась ею в буржуазно-обывательском духе.

Басня «Честь». — Вошла в т. 1 собрания сочинений Д. Бедного, 1930. В «Правде» эта басня не появлялась. Кого из политиков автор вывел в ней под видом «бабушки» — неизвестно.

П и с ь м о ч е т в е р т о е (стр. 274).

Манифест 17 октября — царский манифест, выпущенный 17 октября 1905 г.; в манифесте народу были обещаны «незыблемые основы гражданской свободы», вместо которых на деле была усилена власть самодержавия, созданы черносотенные банды, организованы еврейские погромы и т. д.

Басни «Муравьи», «Предпраздничное» — см. т. 1 настоящего издания.

Спасибо за номер «Утра юга»... — Речь идет о статье критика Г. Зарницына в ростовской газете «Утро юга», под названием «Новый баснописец», посвященной басням Д. Бедного (статья разместилась «подвалами» на 12 страницах газеты). «Новый талант, — говорилось в статье, — новое замечательное приобретение литературы. Не просто — «подающий надежды», таких теперь много, а действительное и прочное достояние искусства...» «Появление в настоящее время столь талантливый сатирика-баснописца, с такой строгой привязанностью к интересам деревни и фабрики» свидетельствует, по словам автора статьи, о том, что «помимо личных свойств таланта, нужна прочная душевная приверженность к интересам народа» («Утро юга», 1913, № 83, 3 апреля).

Признайтесь — это ваш грех? — Демьян Бедный полагает, что П. Мирецкий содействовал появлению в газете «Утро юга» статьи, посвященной его басням.

П и с ь м о п я т о е (стр. 275).

Что касается посылаемого вам транспорта басен... — Из числа басен, названных здесь Бедным, басня «Сурок и хомяк» в ее видонз-

мененном варианте приводится в т. 1 настоящего издания (см. басни «Свое»). Сведениями о публикации басни «Враль» мы не располагаем.

Басня «Пустоцвет» вошла в т. 1 собрания сочинений, 1930. В «Звезде» эта басня не появлялась.

Полтаев Н. Г.— большевик, депутат Государственной думы, сотрудник «Звезды» и «Правды».

Статья Ленского об Арцыбашеве.— Имеется в виду статья в «Донской жизни», посвященная реакционному буржуазному писателю М. П. Арцыбашеву, автору порнографического романа «Санин».

Письмо шестое (стр. 277).

Главную мою «Трибуну» бьют...— Речь идет о газете «Правда», о преследованиях ее со стороны цензуры и властей.

«Просвещение» — большевистский журнал, в котором литературно-художественным отделом руководил М. Горький; в этом журнале было опубликовано 15 стихотворений Д. Бедного.

«Современный мир» — либеральный буржуазный журнал, в котором печатался Д. Бедный.

В харьковской газете «Утро» в 1914 г. было напечатано несколько стихотворных сказок Д. Бедного.

Мельшин — П. Ф. Якубович-Мельшин (см. прим. к «Автобиографии»).

Горнфельд А. Г. — буржуазный критик-идеалист.

Миролюбов В. С. — прогрессивный издатель.

Добейте змеенышей! (стр. 280). — Опубликовано в «Правде», 1919, № 128, 8 июня, откуда и печатается текст.

В поездке по Тверской губернии Д. Бедный был с 8 по 28 мая 1919 г. Поездка была проведена по поручению Центрального Комитета партии и описана Д. Бедным в серии очерков под общим названием «Золотое поле», печатавшихся в «Правде» с 1 по 7 июня 1919 г.

Колчак, Деникин, Юденич — белогвардейские генералы, боровшиеся с советской властью в 1918—1919 гг.

Маннергейм К. Г. — реакционный финский политический деятель, поддерживавший в годы гражданской войны тесную связь с русскими белогвардейскими генералами (главным образом с Юденичем, намечавшим участие белофинских войск в наступлении на Петроград).

Родзянко А. П.— белогвардейский генерал, командовавший так называемой «Северной армией» Юденича при первом наступлении на Петроград (май—июнь 1919 г.), племянник известного контрреволюционера, крупного помещика, председателя Государственной думы М. В. Родзянко.

Статья написана в период обороны Петрограда от войск Юденича — Родзянко.

Предисловия к книге Л. Войтоловского «По следам войны» (стр. 285).— Впервые опубликованы в первом издании книги Л. Войтоловского «По следам войны» (первый том ее вышел в свет в 1925 г., второй — в 1926 г.; предисловия Бедного датированы 19 июля 1925 г. и 2 августа 1926 г.).

Войтоловский Л. Н.— журналист и критик, до революции сотрудничавший в ряде буржуазно-либеральных изданий, автор одного из первых критических отзывов о творчестве Д. Бедного (см. прим. к «Письмам к П. П. Мирецкому»). Будучи врачом по образованию, в 1914 г. был мобилизован на фронт в Галицию. «По следам войны» — его фронтовые записки, относящиеся к первому году войны (с августа 1914 г. по сентябрь 1915 г.). Книга обладает рядом художественных достоинств, отмеченных М. Горьким в его письме к автору и Д. Бедным в предисловиях. В то же время книге присущи черты пацифизма, мелкобуржуазной ограниченности в понимании войны; этот серьезный недостаток, к сожалению, не отмечен в предисловиях Д. Бедного.

Сказка Д. Бедного «*Болотная свадьба*» была написана в 1925 г. Вошла в IX том собрания сочинений, 1928. Вторая сказка, повидимому, написана не была.

Предисловия печатаются по 3-му изданию книги Л. Войтоловского «По следам войны», издательство писателей в Ленинграде, 1934.

О революционно-писательском долге (стр. 290).— Впервые опубликовано без названия, в виде предисловия к книге: Д е м ь я н Б е д н ы й, «Вперед и выше», Профиздат, М. 1933. Вошло в книгу Д. Бедного «Очередное», Гослитиздат, М. 1935, откуда и печатается текст.

Перелистывая корректурные листки моей книжки...— В состав книги «Вперед и выше» входят: «Беседа с молодыми, идущими в литературу, рабочими-ударниками...» и стихотворения: «Мой стих», «Маяк», «Просты мои песни», «О соловье», «Вперед и выше!», «Олимпа нет!.. Богов нет!..», «Гений и пошлость», «Перевалили», «За технику и за учебу!» и др.

Мы все, блюстители огня на алтаре...— строки из стихотворения А. Майкова «Вопрос» (цикл «Вечные вопросы»).

Молчи, бессмысленный народ... — строки из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа»

Довольно с вас, рабов безумных! — строки из того же стихотворения. Здесь Д. Бедный неверно толкует слова поэта, имеющиеся в названном стихотворении: слова эти, как известно, были обращены не к народу, а к светской черни («толпе»).

«*Утиль-богатырь*» — фельетон Д. Бедного, напечатанный в «Известиях», 1933, № 91, 7 апреля и вышедший отдельным изданием в 1934 г.

...приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать... — см. В. И. Ленин, Сочинения, т. 25, стр. 462.

Жил на свете рыцарь бедный... — строфы из романа А. С. Пушкина, включенного им в «Сцены из рыцарских времен».

Песельники, вперед! (стр. 296). — Статья опубликована в «Литературной газете», 1937, № 53, 30 сентября. Печатается по тексту газеты.

Написана в связи с обсуждением вопросов развития советской песни, состоявшимся на заседании Президиума правления Союза советских писателей СССР 25 сентября 1937 г. На заседании выступили Д. Бедный, В. Ставский, В. Лебедев-Кумач, Н. Асеев, В. Гусев, Д. Соколов, И. Розанов, Д. Алтаузен и другие. Статья Д. Бедного опубликована на полосе, общим заголовком для которой послужили слова В. Маяковского: «...И голос певца подымает класс». Кроме статьи Д. Бедного, на полосе даны статьи В. Гусева, В. Лебедева-Кумача, И. Розанова и другие материалы.

Честь, слава и гордость русской литературы (стр. 301). — Статья опубликована в «Правде», 1944, № 279, 20 ноября, среди материалов, посвященных столетию со дня смерти И. А. Крылова.

Печатается по тексту газеты.

...ларчик про-то открывался — строка из басни Крылова «Ларчик».

Но над Крыловым нависла опасность. — Имеется в виду начальный период литературной деятельности Крылова (до 1793 г.). Резкая сатирическая направленность его пьес и журнальных статей вызвала к нему озлобленную ненависть со стороны облеченных властью и пользовавшихся влиянием людей. Это побудило Крылова временно отойти от литературы. С 1793 по 1806 г. он провел в провинциальных городах и поместьях, проживая в богатых помещичьих домах порою в качестве приживальщика. Поселившись затем в Петербурге, он снова занялся литературной работой.

...первая крыловская басня «Дуб и трость»... — Эта басня может быть названа первой лишь после перерыва в литературной деятельности Крылова (напечатана в 1806 г. в «Московском зрителе»). На самом деле еще в 1788 г. Крыловым были напечатаны в журнале

«Утренние часы» три басни: «Стыдливый игрок», «Судьба игроков и «Павлин и соловей».

Уединение любя... — строки из басни Крылова «Чиж и Еж».

Худые песни соловью... — строки из басни «Кошка и Соловей».

Что это там за рожа?.. — строки из басни «Зеркало и обезьяна».

Таких примеров много в мире... — концовка той же басни.

Далее в перечне персонажей басен Крылова Д. Бедным использованы сюжеты басен: «Волк и овца», «Медведь у пчел», «Щука», «Слон на воеводстве», «Лисица и сурок», «Осел», «Мор зверей».

Коль робкой совестью во всем мы станем слушать... — строки из басни «Мор зверей».

Слова Пушкина о Крылове взяты из письма А. С. Пушкина к А. А. Бестужеву (1825): «Мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который столь же выше Лафонтена, как Державин выше Ж.-Ж. Руссо».

Белинский знал, «что такое Крылов»... — Впервые Белинский отозвался о Крылове в статье «Литературные мечтания», назвав Крылова в числе четырех крупнейших русских писателей наряду с Державиным, Пушкиным и Грибоедовым. Перу Белинского принадлежат рецензии на издания басен Крылова, вышедшие в 1835, 1840, 1843, 1847 гг.; в этих отзывах критик называл Крылова великим баснописцем, «Пушкиным русской басни», который первый сообщил ей высокую художественность и внес в нее подлинную народность». Развернутую оценку творчества Крылова Белинский дал в статье «Иван Андреевич Крылов», написанной вскоре после смерти поэта и напечатанной без подписи в 1845 г.

Наследие И. А. Крылова сопутствовало Д. Бедному на всем его жизненном пути. С детства будущий поэт увлекался баснями Крылова. Слова Крылова «Таких примеров много в мире — не любит узнавать никто себя в сатире» были поставлены эпитафией к первой книге Д. Бедного «Басни». В своем творчестве Д. Бедный, по общему признанию критики, возродил традиции крыловской басни. О своем отношении к Крылову Д. Бедный писал в стихотворении «В защиту басни» (см. т. 4 настоящего издания). Приводимая статья является наиболее развернутой характеристикой великого баснописца, данной Д. Бедным.

К столетию со дня смерти И. А. Крылова был выпущен также I том его собрания сочинений («Проза») под редакцией Д. Бедного. II том — «Драматургия», подготовленный также под наблюдением Д. Бедного, был сдан в производство и вышел из печати уже после смерти писателя.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ
ДЕМЬЯНА БЕДНОГО
в пяти томах

В алфавитном указателе даны также названия стихотворений, печатавшихся первоначально в виде самостоятельных произведений, но позже включенных автором в повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю», в цикл басен «Дерунов 1001-й» и в цикл фельетонов «Вандервельде в Москве».

А

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Автобиография	5	257
Административный «Соломон»	1	191
Административный юмор	1	272
«Администратор»	1	149
Азбука («Не знаю как и почему...»)	1	164
Азбука («Я не скажу, что нынче ведро...»)	3	32
Акулы	3	327
Алтынники	3	23
Анка-партизанка	5	44
А ну!	2	380
Анчутка-займодавец	1	294
А такие типы есть!	4	305
Атаманская нагайка	1	458
Ах, позвольте вас поздравить!..	3	72
«Ахраровцы»	3	215

Б

Бабушка Ненила	1	428
Бакинская «дыня» 1914 года	1	270
Баллада	2	220
Баня	1	118
Барабан	1	391
Барские слезы	1	480
Барский нахрап	2	22
Барыня	1	445
«Баталисты»	1	307
Батрацкая	2	57
Без хлеба — не обед	3	295

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Бессмертная колонна	4	263
«Бил бы лбом»	3	136
Благодарность	1	108
«Благодетель»	1	180
Благословение («Былых господ прогнавши взашей...»)	2	350
Благословение («Отец Ипат венчал...»)	3	123
Благотворитель	1	59
Ближе годом	3	250
«Блуждающие котлы»	5	233
Богатырская переправа	5	164
Богатырский бой	2	291
Богатырский наказ	5	126
Богомолка	2	83
«Богомольный» буржуй	2	330
Боевой зарок	5	95
Боевой «Комсомолке»	4	66
Боевой призыв («Подруги, сестры...»)	2	295
Боевой призыв («О русской женщине...»)	5	140
Боевой сигнал	5	121
Боевому комсомолу	4	318
Боец-герой	5	98
Бойцам за красную жизнь	4	81
Бойцы за Родину, вам равных не найти!	5	135
Большая штука — наука	2	373
Борьба за урожай	4	137
Бранденбург	5	235
Братание после смерти	1	348
Братские могилы	2	287
Братское дело	3	19
Братьям казакам	2	121
Будильник	1	222
Будьте на страже!	2	339
«Бука»	1	434
Бунтующие зайцы	1	145
Буржуазная элегия	2	327
Бюрократ говорит...	1	397
Бывает час: тоска щемящая...	1	42
Были, да перевелись	3	48
Быть верным клятве!	5	80
Быть впереди	4	142

В

«В Америке нет рабского труда»	4	42
Вандервельде в Москве	3	67
«Вашингтонское разоружение»	3	34
В буржуйской обжорке	2	283
В буржуазном стане	2	84
В деревне	1	413
Великий памятник	3	36
Великий подвиг	3	257
Весна победы	5	251
Венчанье в деревне	1	129
«Вещунья»	1	102
В защиту басни	4	282
Вклад	4	212
В Крыму	5	187
«Владимирка»	3	30
«Власть» тосковала по «твердыне»	1	338
В летний день на реке	5	200
В малом великое	3	76
В монастыре	2	194
Вместо привета	4	33
В огненном кольце	2	70
Военный урожай	5	66
Вождю	2	74
Вождю, партии, родине	4	285
Волк	1	94
Волк и лев	1	324
Волк и овца	1	325
Волк-моралист	5	142
Волк-правитель	1	211
Волчья защитница	3	65
Воронье	2	413
Воры	1	147
Восстановительная работа	5	211
Вот именно!	3	75
Вперед и выше!	3	175
Вперед — к решающим боям!	5	172
Врага пощадить — в беду угодить!	5	217
Вражьи валы	5	193

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
«Врач»	1	316
Вредители	3	333
Временщики	5	176
Всем сестрам — по серьгам	2	6
Всему свое время	3	263
Всепобеждающее геройство	4	189
Все ясно	3	56
Всмотритесь! Прислушайтесь!	3	228
Встреча	5	177
Всякому свое	1	229
В той же связи	3	91
В Тулоне	3	279
В церкви	1	282
Вьюны	1	205
Выбирайте	2	252
Высокий образец	5	46
Вытянем!!	4	55

Г

Газета	1	74
«Газета-копейка»	1	187
Гастролер	1	122
Гастроном	1	141
Гатчинский урок	2	320
Гвардия	5	110
«Где цветочек тот прекрасной»	3	316
Геббельсовские изречения, «рождественские» до умо- помрачения	5	170
Генерал Шкура	2	254
Гер мусью	3	319
Геракл и Плутос	1	327
Геринг, палач-вампир, фашистский обер-банкир	5	114
Гермес	1	332
Героическая родина	4	192
Героям, строителям Челябинского тракторного завода	4	124
Гитлер и смерть	5	50
Гипнотизер	1	106
Главная Улица	3	96
«Golos Rossii»	3	57
Голь	1	175

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Гордость родины	5	113
Горе-кузнец	1	260
Горемыка	1	173
Господам клеветникам из буржуазных газет	1	340
Господская тень	2	71
Готовят «боевик»	3	293
Грабительский интервенционал, или Грабинтерн	3	158
Грехи простиемые и непростиемые	4	8
Грозит!	3	249
Грозный знак	3	348
Грозный... паникер	3	294
Грозное предвестие	5	127
Гулимджан	2	342
Гряди! Гряди!..	3	67
Гуманность	1	68

Д

Да, вспомнить есть о чем	3	271
Даем!!	4	174
Дальневосточным героям	3	94
«Дары» Гитлера	5	174
Два билета	4	12
Два мира	3	253
Два уголька	3	209
Две темы	4	144
Девичья песня	2	11
19 февраля	1	54
Дед Софрон на завалинке	2	69
Дело хозяйское	1	302
«Демократические принципы»	2	245
День прозрения	2	310
«День салютов!»	5	216
Дерунов 1001-й	3	106
«Диво»	1	63
Диво-дивное	1	247
Диво-дивное, коллективное	4	10
«Дипломатический занавес»	3	261
Добейте змеенышей!	5	280
Добрряк («Какой-то филантроп...»)	1	240

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Добряк («Расхвастался Медведь перед Лисой...»)	1	330
Доверчивый кум	5	148
Догенуэзился	3	62
«Долой!»	1	198
Дом	1	109
До новой встречи	4	234
Донская песня	2	32
До решительной	4	45
Дорога гигантов	4	83
Дочурка	5	197
«До этого места!»	2	134
Драй петук!	5	48
Дрессированный	3	222
Друзьям	1	209
Дуб и клинья	1	326
Дыра за Прутом	5	192

Е

Evet Effendim!	1	257
Его величество — Капитал	1	430
Еж	4	118
Ерши и выюны	1	192
Если бы не...	3	160
Есть чему позавидовать!	3	300
Есть к урожаю путь прямой — к весне готовиться зимой	4	154
Еще раз о том же	3	138

Ж

«Жестиккулянты»	3	95
Жесткий срок	2	376
Живое звено	4	250
Жить и работать!	4	95
Жук и крот	1	133

З

За буквари	2	361
Завет сраженного бойца	3	252
Завязь.	2	404
Задаток	3	112

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
«Задули»	4	102
«Задушу, но власти не отдам!»	3	324
Заем	1	352
За живое	1	344
Зажигайте, друзья, боевые огни	2	281
Закон и «Правда»	1	289
Законники	1	273
Залог победы	5	107
За нами — Родина стоит!	5	144
Заплетающимся языком	5	242
Зараза	1	199
Зарубка	2	272
За советское Отечество!	5	207
За технику и за учебу!	4	47
Защита	3	111
Защитникам Родины первомайский привет!	5	190
За этой линией	3	78
Звезда	1	55
Звезды вечной славы	5	155
Звонок	1	230
Земля! Земля!	2	235
Зима идет!	5	168
Змеинная природа	5	201
Змеинное гнездо	3	6
Змея	1	241
Знак любви народной	5	118

II

Издающаяся гадина	2	280
Излишнее предостережение	3	352
Из книги бытия рабочей газеты	1	253
«Инцидент исчерпан»	3	227
Иные времена	1	181
Искупление	3	7
Испагань	4	140
Испытанный прием	5	188
Истощенный «кригк» гитлеровской пропаганды	5	237
И там и тут	1	239
Их лозунг	5	261
Их юбилей	3	174

К

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Кавалерийская атака	5	210
Казанское чудо	2	113
Калиныч	4	171
«Как в старину мужиков молиться учили»	3	359
«Как у питерских господ...»	1	435
Кандидаты на... фонари	2	328
Капитал	2	299
Капитуляция	3	116
Карп зеркальный	4	83
Кашевары	1	83
Кинжал	5	150
Китайские тени («Писать мне тушью иль кармином?»)	3	264
К коммунисткам	2	286
Клад («Жил да был мужик Ермил...»)	1	214
Клад («У мужика, Гаврилы-бедняка...»)	4	125
Кларнет и рожок	1	128
Классовый суд	4	5
Климов конь	2	368
Клянемся!	4	161
Клятва	2	39
Клятва Зайнет	3	218
Клоп	1	179
Когда наступит срок...	1	49
Кого мы били	4	265
Колесо и конь	1	323
Колобок	1	398
Коммунары	2	332
Коммунистическая вышка	2	307
Коммунистическая марсельеза	2	48
Коммунистический сбор	2	296
Конная Вторая	2	389
Конокрады	2	349
«Контакт»	3	117
«Контрразведчики»	1	462
Кооператоры	1	356
Корней	2	213
Королевская шансонетка	3	73
Кострома	3	150
К ответу!	4	197

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Кочующие дармоеды	1	417
К победе — полный ход!!	4	96
Красная винтовка	2	141
Красная конница на Южном фронте	2	386
Красноармеец в колхозе	4	11
Красноармеец Иванов	4	251
Красноармейская звезда	2	118
Красноармейцы	2	146
Красный флот	2	306
Крепче с новым урожаем!	4	127
Крещение	2	102
Критическая гримаса	5	259
Кровное	1	279
Кровавые долги	3	143
Крымское воронье	2	366
Крысы	1	264
Крысы тонущего корабля	5	206
Кто внушает, а кто мешает	3	267
Кто защищается	2	36
Кто поручится?	3	63
Кто с кем	2	17
«Кукушечка»	2	64
Кукушка	1	53
Кузьма Хлопушкин	2	394
Кулацкий плач	2	243
Купидоша	1	259
Куплетисты	1	284
Куры	1	242

Л

Лапоть и сапог	1	113
Ласковый привет	4	156
Латышские красные бойцы	2	391
Лев, лиса и олень	1	313
Левозеровский романс	2	199
Легенды сложатся о нем!	5	104
Легкомысленная особа	3	345
Легко ошибиться	3	318
Лена	1	65

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Ленин — с нами!	5	180
Ленинграду	5	47
Лето	1	103
Либерал	3	21
«Либердан»	1	465
Лига	2	205
Лиха беда — начало	3	146
Лицедей	1	142
Лодырская судьба	4	121
Ложка	1	137
Лукерья	2	62
Любая кара им мала!	5	102
Любимому	3	140
Львиное угощение	3	59

М

Маскарад благотворительности	5	267
Май	1	255
Мальчик и прохожий	1	317
Манифест барона фон Врангеля	2	384
Манифест Юденича	2	303
Мария Голошубова	3	126
Мартышка	2	82
Максы-Морицы на работе	4	114
Мастерство	4	342
Махровые цветы	3	133
Маяк	2	53
Мелочь, а важная	3	350
«Ме-ме»	2	247
Меньшевицкая плачя	3	55
Меньшевицкий рай	2	249
Меньшевицским лицемерам	2	59
Мертвое умирает	2	46
Мест больше нет	1	337
Месть	5	123
Мечты 109 депутатов Учредительного собрания	2	28
Миллиончик-миллион	2	309
Мимо!.. Мимо!..	4	75
Мир!	2	31
Мировая сделка	2	136

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Мировые судьи	4	79
Митрошкин заяц	2	42
Много у нас кулаков, а еще больше...	3	338
Могло ли кончиться иначе?	3	317
Мой стих	1	358
Мой рапорт XVII съезду партии	4	151
Мокеев дар	1	278
Молодняк	2	81
«Молоко»	1	208
«Молчи!»	1	47
«Морока»	1	308
Москва	5	132
Москва — Варшава	5	214
Москвичам	1	197
Мосье Трике	2	106
Мрак	3	349
Мудрый сказ	5	167
Мужики	2	162
Муравьи	1	167
Мы будем говорить	3	262
Мы не одни	2	45
Мы не останемся в долгу	5	86

Н

Набат	2	285
На берег!	2	318
«На Берлинском направлении»	5	240
На боевой страже	3	102
На всякий случай...	5	241
Над Харьковом взвилось родное наше знамя!	5	154
На завалинке	2	60
На заезжем дворе	1	333
На защиту Красного Питера	2	301
На Минском направлении	5	195
На новую ступень	4	150
На столичном рынке	1	416
Нанялся — проданся	3	225
На помощь красным бойцам	2	337
На распутье	2	72

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Народная сила	5	106
Народная примета	1	345
«Народник»	1	62
Народное мужество	5	133
Народные дворцы	4	336
Народный ответ	5	99
Народным героиням	5	139
Нас побить, побить хотели	3	357
На свет!	2	357
На страже мира и культуры	4	116
На том стоим	4	291
«Натуралист»	1	155
На фронте победном	3	135
Наша родина	4	191
Наше слово	5	64
Наши дети	5	156
Наши крылья	4	322
Нашим братьям — польским крестьянам	2	370
Наши первоцветы	4	123
«Наш путь»	1	188
Недоумение	1	183
Незабываемое	2	195
Не забывайте безграмотных братьев	2	405
Не забывайте клятвы	2	66
Не заступайте дороги женщинам	2	120
Неизбежное	5	128
Неизбежное и страшное	3	148
Неизлечимо больной, или издыхающий Гитлер	5	208
Не иначе	3	193
Нельзя ли наоборот?	3	291
Немецкая ступа	4	71
Немецкое «неудобство»	5	219
Немцы горюют: русские не по правилам воюют!	5	119
Ненадежные рогатки	3	277
Неповторимые	3	244
Не примирился — нет...	1	36
Не политическое ратоборство, а юридическое крючкотворство	3	61
Нескромный вопрос	3	332
Несокрушимая твердыня	3	299

	<i>Том Стр.</i>	
Несокрушимая уверенность	5	78
Не стало пламенных бойцов...	1	48
Не с того начали	3	105
Не страшно	3	342
Не сыскать другого слова	5	247
Не так, так этак	1	177
«Нету фюрера портрета на стене!»	5	245
Не теряйте, товарищи, веры высокой	2	278
Не то раскапывают	3	247
Нет уверенности	3	121
Никто не знал...	3	268
Ни тьма, ни свет	1	72
Новая победа	4	50
Новая пословица	2	219
Новикову-Прибою	4	312
Новожиженские лягушки	2	50
Новые времена — новые песни	4	53
Новый год	4	271
Ночной «гость»	5	88
Ночной порой, когда луна...	1	45
Нутро	2	5

0

Обиженный вор	5	185
Обманутая мадам	3	42
Обмен	2	359
Обратный намек	3	223
Общепролетарское дело	4	18
«Общий блок»	4	39
Огонь	5	87
О Демьяне Бедном, мужике вредном	1	37
Одесса	5	186
О «доброте»	4	244
Ожили	3	122
Ожглись	3	322
Оживающие	1	350
О карасе-идеалисте и о пескаре-социалисте...	3	195
Окруженный Берлин	5	248
О Митьке-бегунце и об его конце	2	258
Опека	1	75

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Опекун	1	139
Опекун на старый лад	1	151
Опекуны	1	66
О писательском труде	4	24
Определенно	4	166
О попе Панкрате, о тетке Домне и явленной иконе в Коломне	2	87
О революционно-писательском долге	5	290
О самом близком	3	188
Освободителям	5	196
Освободителям Полтавы	5	163
Осел и лев	1	328
Осиновый кіл Раді	2	77
Оскаленная пасть	3	326
Ослы	1	157
Осо-богатырь	4	158
О соловье	3	161
Осы	3	64
Ответ	1	321
Ответ на ответ	3	125
От жизни к тленю	3	38
Откуда есть пошел «Крокодил»	3	83
Отходная	2	208
Отцы и дети	1	58
Охотно признаем	3	323
Оценка	2	364
О черте	2	334

II

Памяти бойца (Е. М. Ярославского)	5	169
Памяти милого друга, боевого товарища	3	230
Памяти рыцаря нашей партии	3	243
Памяти селькора Григория Малиновского	3	186
Пан Кмита	2	406
Панские посулы	3	87
«Пантеон войны»	3	265
«Пантеон революции»	3	266
Пари	1	144
Паук, муха и пчела	1	170

	<i>Том Стр.</i>	
Первое слово	4	273
Первоклассный инструмент	5	244
Первомайский привет	5	75
Перед грозой	4	84
Перед сигналом	5	204
«Перекопская»	4	34
«Пес»	1	90
Песельники, вперед!	5	296
Пескарь	1	318
Песни народные	1	364
Песня деда Софрона	2	54
Песня «демократического кооператора»	2	242
Песня о земле	1	428
Песня (солдатская)	1	370
Песня труда	2	345
Петельки	1	343
Подругам, сестрам, матерям	2	212
Печаль	2	378
«Пирог да блин»	1	234
Письма к П. П. Мирецкому	5	271
Письмо землякам	5	76
Письмо из деревни	1	34
Письмо Якима Нагого	1	452
Питомник	1	124
Плакальщицы	1	320
План	1	203
Плясовая	1	367
Плохое утешение	2	27
По бабушку	1	430
Победоносной	5	137
По гостю — встреча	5	153
По основе	1	271
Под знамя «Правды»	1	432
Подарки с Ост-фронта	5	60
Подарок столицы	5	165
Подвиг	5	191
Поджигатели	1	85
Подлинно черный	3	353
Подлую тварь — на фонарь!	5	116
Подрез	4	110

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Подхалим и юла	1	131
Под хозяйское крылышко	3	74
Привет растущей силе	4	237
Под Самарой	2	115
Пой гордо, радиоволна!	5	122
Покойница	2	44
Полкан	1	105
Полковник «Кулак-Кулакович»	2	274
Полна страданий наших чаша...	1	73
Политическая загадка	3	50
Помазанныки	3	159
Помощь	1	322
Помянем, братья, старину!	5	90
Поповская камаринская	2	202
Пора!	2	239
Пороги	4	104
Порода	1	87
Посадили	3	329
Послевыборный астрономический бюллетень	2	16
Последний перевал	2	47
Последняя капля	2	402
Последняя ставка, или Берлинское происшествие в ночь под рождество	5	209
После ужина горчица	3	52
Послушай	2	207
Поступь Истории	5	239
Потонут!	4	51
Похвалы	1	303
Похороны	1	479
Почему это случилось	4	7
Пощады нет!	4	288
Поэтический привет поэту А. Жарову	4	78
Поют	1	79
Правда	2	222
«Правда»	4	313
Правда, Кривда и Копейка	1	78
Правда-матка	2	323
«Правде» («Броженье юных сил...»)	2	56
«Правде» (По случаю знаменательного роста ее тиража...)	3	192
«Правде» («Один из зачинателей твоих...»)	4	103

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Правдолюб	1	93
Праздник	1	40
Праздник победы	5	252
Пред миром засверкал	5	131
Предателям	3	15
Предвыборное положение	1	115
Предзнаменование	5	183
Предисловие к поэме А. С. Пушкина «Гавриилиада»	2	144
Предисловия к книге Л. Войтоловского «По следам войны»	5	285
Предостережение	2	37
Предпраздничное	1	166
Предрешенное	3	17
Предсмертный банкет	5	213
«Предусмотренные»	1	283
Предусмотрительность	1	202
Премьер-миннеудел'у мистеру Ллойд-Джорджу	3	141
Привет!	4	298
Привет растущей силе	4	237
Привет новым коммунистам	2	311
«Привычка»	1	195
Приказано, да правды не сказано	1	450
Прилетела ворона издалеча — какова птица, такова ей и встреча	5	51
При советской власти сталося, о чем прежде в сказ- ках мечталось	4	239
Притон	1	70
Пробуждение	1	200
Проводы	2	159
Прогрессивная мошна	1	194
Продолжение	1	254
Про землю, про волю, про рабочую долю	1	362
Просты мои песни	2	201
Просчитался!	5	57
Против укуса	1	304
«Процветанье»	4	6
«Прощай, белогвардейская жизнь!»	4	13
Прощай, Эмилия!	3	74
Пряник на меду...	4	180
Псой	2	14

	Том	Стр.
Птицеловы	2	26
Птицы	1	280
Пугало	3	79
Путеводная звезда	2	117
Путешествие по советской России знатного иностранца	3	70
Пушка и соха	1	281
Пчела	4	120

Р

Работница	1	92
Работнице	2	52
Рабовладельцы	3	26
Рабочие — солдатам	1	431
Рабочий отдых в старину и теперь	4	331
Рабочий привет	2	362
Рабочим	1	238
Радость	1	292
Рад Отчеству служить!	5	166
Радзивилловский «краковяк»	4	241
Разбойная жалость	3	5
Развиваем ход!	4	17
Разгадка	3	231
Разгрузка	1	349
Разговор с редактором по поводу Шанхая	3	259
Разлука ты, разлука!	5	178
Размахнулся б я басней задорной...	1	132
Разоренные	1	415
«Разоружались» тройственно и «столковались», как им свойственно	3	272
Разрыв-трава	1	466
Расказанское положение	2	110
Революционная молния	4	16
Революционный гудок	2	51
Революционный парад	3	45
«Речь»	1	185
Речь про... «течь»	5	203
Риск	3	130
Рожденные летать	4	320
Роковая тяжба	4	9

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
«Руководство хорошего тона»	3	176
Русская женщина	5	97
Русские девушки	5	91
Русские пословицы и поговорки в современном применении	3	68
Русь	5	212
Ряженный бандит	5	58
Рыболовы	1	81

С

Салют победителям	5	162
Сватовство	1	96
Сваха	1	339
Сверхлиберал	3	22
Сверхуголовный экспонат	5	120
Светлейший князь Волконский	2	24
Свеча	1	153
Свиной остров	4	97
Свинья	1	120
Свирепость бешеного пса	5	173
«Свобода» печати	1	162
Свое	1	341
«Свои козыри»	1	184
Семена	3	39
Семь лет — а конца нет!	3	179
Сила	3	109
Силуян	1	146
Симфония Москвы	4	194
Сиротская доля	4	328
Сказать по совести... по совести сказать...	3	273
Сказка о батраке Балде и о страшном суде	2	127
Слава!	5	129
Слава нашему народу! Слава нашему вождю!	5	249
Сладкие мечты	3	119
Слепой	1	319
Слепой Афоня	4	134
Слепой и фонарь	1	256
Смелей!	4	93
Снежинки	3	208

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Снежок	2	210
Советской боевой технике — слава!	5	146
Советский часовой	3	53
Создатель «тысячелетнего рейха»	5	236
Сон	3	106
Сонет	1	44
Социал-болонки	3	134
Социал-запки	1	359
Социал-мошенники	3	90
Социал-траурным предателям	3	129
Союз арапов	1	99
Союз «по гроб жизни»	3	344
«Союзники»	1	77
Спокойствие и выдержка	3	82
Стальная крепость	4	307
Стара — помирать пора	2	353
Старо	3	330
Старое и новое	2	231
Старые куклы	4	21
Степан Завгородний	5	7
Столица — народ	4	333
Столп отечества	1	290
С той и с этой стороны	5	221
Страдания следователя...	1	361
С тревогой жуткою...	1	31
Стремительный поток	5	83
Строки	1	300
Суд	1	218
Сударь-барин	2	276
Счастливая страна, в которой...	3	301
Счастливый Бенито	5	53
Съезд	3	107
Сынок («Есть у меня сынок-малютка...»)	1	32
Сынок («Помещик прогорел...»)	1	89

Т

Таврический дворец	2	21
Так вот в чем дело	3	315
Такие капитализму не нужны	3	331
Танька-Ванька	2	314

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Твое бессмертие в бессмертье наших дел	4	311
Темнота («Кулак один...»)	2	79
Темнота («У божественной иконы...»)	2	217
«Темпа не сдам!!»	4	68
Тереха	1	97
Тесним врага!	5	175
Тит-лодырь	2	398
Товарищам-москвичам	1	190
«Товарищ борода»	3	240
Товарищеская подмога	2	85
Товарищу	2	198
Тоже американский рекорд	3	321
Тоже партия	2	19
Тоже юбиляры	3	256
Тофута мудрый	1	335
Трагедия и фарс	4	73
Третьего не дано	3	104
«Трибун»	1	56
Тризна	2	363
Три позиции	2	104
«Триумфальный путь» изменника	3	290
Тройка	2	326
Труд	2	383
Труд и порядок	3	47
Трудовое войско	2	40
Тщетно рвется мысль...	1	46
Тяга	3	168
1942	5	62

У

«Убийца»	1	100
Уберем с пути	4	37
Уверенная сила	4	188
У господ на елке	2	33
У заводских ворот	2	400
Укрепляйте «Правду!»	1	346
Ультракороткая волна	4	163
Ум («Однажды Барс перед Лисою...»)	1	331
Ум («Вельможный некий готтентот...»)	1	305

	Том	Стр.
У последней черты	3	144
Уральские сказы	4	339
Ур-ра!!	2	288
Урожай	1	159
Урок	3	278
Урок другим	3	276
Усы да борода	1	296
Утерянный женский рай	3	302
Утешение	1	160
Утопленник	2	215
Утро	3	114
Утробушка	2	67
Ученому и борцу	2	352
Учительский съезд в 1913 г.	3	202
Учительский съезд в 1925 г.	3	207

Ф

Феак	1	287
«Фаргелет»	5	198
Фашизм — это война!	4	287
Фашистская ворона, или эрзац-пава	5	111
Фашистская «фортуна»	5	117
Фашистские «ангелочки»	5	181
Фашистские «искусствоведы»	5	103
Фашистский спор	3	351
Фашистский красавец	5	59
«Фашистский рай»	5	115
Фашистское «сверхорудие»	5	151
Французская булка	2	238
Фронтные частушки	2	297

Х

Хвастливый котенок	5	56
Ходит спесь надуваючись	3	93
Хозяин («Бывает так, что мы одни...»)	5	222
Хозяин («Заводчик с книжечкой...»)	1	172
Хозяин и батрак	1	60
Хоровод	1	116

	<i>Том</i>	<i>Стр.</i>
Хорошо!	3	236
«Христос воскрес»	2	76
Художник, боец, друг	4	286
Хэй! или «доктор голода»	4	300

Ц

Царский сон	2	341
Цветы и корни	4	275
Цензор	1	196
Центрошишка	2	196

Ч

Частушки (девичьи)	2	211
Чего тут больше?!	3	297
Чем ты фронту помогла?	5	85
Чем это пахнет?	5	238
Черта с два!	3	320
Чертовщина	1	224
Чертополох	3	245
Честь красноармейцу!	2	392
Честь, слава и гордость русской литературы	5	301
Чиж-трезвенник	1	275
Чувствуют грозу	3	356
Чудак покойник	3	69
Чудесное письмо	4	199
Чудных три песни...	1	39
«Чудо»	1	301
Чужое и свое	1	354
Что верно, то верно!	1	237
Что ж тут удивительного?	3	355
Что и говорить!.. «Заслужонный»	3	275

Ш

Шефы в деревне	3	280
--------------------------	---	-----

Щ

Щегол	1	285
Щука и ерши	1	206

Э

Эк, удивили, подумаешь	3	254
Электро-жар-птица	4	30
Эпитафия «России»	1	186
Эсеровское бесстыдство	2	20
Эстетик	1	135
Этап к победе	3	292
Этого товару хватит	3	354
Это — то, что нужно!	5	100

Ю

Юбиляры	5	265
Юной гвардии	3	80

Я

Я верю в свой народ	5	55
Ярость	5	82
Ярость обреченности	4	196
Яснее ясного	3	296

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ, БАСНИ, ПОВЕСТИ

1941

Степан Завгородний	7
Анка-партизанка	44
Высокий образец	46
Ленинграду	47
Драй петук!	48
Гитлер и смерть	50
Прилетела ворона издалеча — какова птица, такова ей и встреча	51
Счастливый Бенито	53
Я верю в свой народ	55
Хвастливый котенок	56
Просчитались!	57
Ряженный бандит	58
Фашистский «красавец»	59
Подарки с «Ост-фронта»	60
1942	62

1942

Наше слово	64
Военный урожай	66
Первомайский привет	75
Письмо землякам	76

Несокрушимая уверенность	78
Быть верным клятве!	80
Ярость	82
Стремительный поток	83
Чем ты фронту помогла?	85
Мы не останемся в долгу	86
Огонь!	87
Ночной «гость»	88
Помянем, братья, старину!	90
Русские девушки	91
Боевой зарок	95
Русская женщина	97
Боец-герой	98
Народный ответ	99
Это — то, что нужно!	100
Любая кара им мала!	102
Фашистские «искусствоведы»	103
Легенды сложатся о нем!	104
Народная сила	106
Залог победы	107
Гвардия	110

«О к н а Т А С С»

Фашистская ворона, или эрзац-пава	111
Гордость Родины	113
Геринг, палач-вампир, фашистский обер-бан- кир	114
«Фашистский рай»	115
Подлую тварь — на фонарь!	116
Фашистская «фортуна»	117
Знак любви народной	118
Немцы горюют: русские не поправилам воюют!	119
Сверхуголовный экспонат	120
Боевой сигнал	121

1943

Пой гордо, радиоволна!	122
Мечь	123
Богатырский наказ	126
Грозовое предвестие	127

Неизбежное	128
Слава!	129
Пред миром засверкал...	131
Москва	132
Народное мужество	133
Бойцы за Родину, вам равных не найти! . .	135
Победоносной	137
Народным героиням	139
Боевой призыв	140
Волк-моралист	142
За нами — Родина стоит!	144
Советской боевой технике — слава!	146
Доверчивый кум	148
Кинжал	150
Фашистское «сверхорудие»	151
По гостю — встреча	153
Над Харьковом взвилось родное наше знамя!	154
Звезды вечной славы	155
Наши дети	156
Салют победителям	162
Освободителям Полтавы	163
Богатырская переправа	164
Подарок столицы	165
Рад Отчеству служить!	166
Мудрый сказ	167
Зима идет!	168
Памяти бойца (Е. М. Ярославского) . . .	169
Гёббельсовские изречения, «рождественские» до упоминания	170

«Окна ТАСС»

Вперед — к решающим боям!	172
Свирепость бешеного пса	173
«Дары» Гитлера	174
Тесним врага!	175
Временщички	176

1944

Встреча	177
«Разлука ты, разлука!»	178

Ленин — с нами!	180
Фашистские «ангелочки»	181
Предзнаменование	183
Обиженный вор	185
Одесса	186
В Крыму	187
Испытанный прием	188
Защитникам Родины первомайский привет!	190
Подвиг	191
Дыра за Прутом	192
Вражьи валы	193
На Минском направлении	195
Освободителям	196
Дочурка	197
«Фаргелет»	198
В летний день на реке	200
Змеиная природа	201
Речь про... «течь»	203
Перед сигналом	204
Крысы тонущего корабля	206
За советское Отечество!	207
Неизлечимо больной, или издыхающий Гитлер	208
Последняя ставка, или Берлинское происшествие в ночь под рождество	209
Кавалерийская атака	210
Восстановительная работа	211

1945

Русь	212
Предсмертный банкет	213
Москва — Варшаве	214
«День салютов!»	216
Врага пощадить — в беду угодить	217
Немецкое «неудобство»	219
С той и с этой стороны	221
Хозяин	222
«Блуждающие котлы»	233
Бранденбург	235
Создатель «тысячелетнего рейха»	236
Истошный «кригк» гитлеровской пропаганды	237

Чем это пахнет?	238
Поступь Истории	239
«На Берлинском направлении»	240
На всякий случай...	241
Заплетающимся языком...	242
Первоклассный инструмент	244
«Нету фюрера портрета на стене!»	245
Не сыскать другого слова	247
Окруженный Берлин	248
Слава нашему народу! Слава нашему вождю!	249
Весна победы	251
Праздник победы	252

СТАТЬИ, ПИСЬМА

Автобиография	257
Критическая гримаса	259
Их лозунг	261
Юбиляры	265
Маскарад благотворительности	267
Письма к П. П. Мирецкому	271
Добейте змеенышей!	280
Предисловия к книге Л. Войтоловского «По следам войны»	285
О революционно-писательском долге	290
Песельники, вперед!	296
Честь, слава и гордость русской литературы	301

ПРИМЕЧАНИЯ	311
-----------------------------	-----

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ к собранию сочинений Демьяна Бедного в пяти томах	355
--	-----

Редактор *В. Борисова*
Художник *Н. Шишовский*
Художеств. редактор *Н. Мухин*
Технич. редактор *Д. Ермоленко*
Корректоры *В. Брагина*
и *Л. Буичукова*

*

Сдано в набор 19/II 1954 г. Подписано
к печати 29/VI 1954 г. А04665. Бумага
84×108^{1/2}—24 печ. л.= 19,68 усл. печ.
л., 15,07 уч.-изд. л. + 1 вкл. = 15,11 л.
Тираж 75 000 экз. Заказ № 1058.

Цена 10 р.

Гослитиздат

Москва, Ново-Басманная, 19.

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Вадовая, 28.

